

Война от первого лица

Учредитель:
ООО «Артофвар»

Главный редактор:
Илья Плеханов

Редакционная коллегия:
Илья Плеханов
Аркадий Бабченко

Директор по распространению
Анна Кунарева

Дизайн и верстка:
Татьяна Шверина-Кашина

Корректор:
Анна Кунарева

Адрес для корреспонденции:
115573, г.Москва,
а/я 65, Плеханову И.С.

Контакты:
http://artofwar.ru/a/almanah/
Email: almanax-war@mail.ru
Тел.: 8-903-524-16-19

Свидетельство о регистрации:
ПИ № ФС77-26362
От 30 ноября 2006 г.

Отпечатано в типографии:
ООО «ИПК Отис-Медиа»,
г.Москва, 5-я Кабельная ул., дом 2Б
тел.: 507-50-64

Подписано в печать:
21.05.2007

В Москве журнал можно приобрести:

Магазин «Фаланстер».
Малый Гнезниковский переулок,
д. 12/27, стр. 3.

Магазин «Книжный Торговый
Дом Москва».
Тверская ул., д. 8

Магазин «Новой Газеты».
Страстной бульвар, д. 4

Альманах можно заказать по почте:
almanax-war@mail.ru

Перепечатка или воспроизведение
в любом другом виде целиком или
по частям материалов из альманаха
«Art of War» без ссылки на альманах
или сайт запрещается.

В номере были использованы
фотографии А.Каратецкого,
С. Буковского, В. Белогруда
и фотографии с сайтов:
www.voenavto.ru
www.syrtaash.com
www.afgan.ru

О т р е д а к ц и и

ОТ РЕДАКЦИИ

Никто из нас не знает всей правды войны. О том, какая она до конца, могли бы рассказать павшие — только они прошли ее всю, до самой последней точки.

Этот номер — Третий. Мы собирали его по крупицам. Через знакомых, через интернет, через ветеранские организации. Где-то остались только фотографии и память. Где-то — письма, которые заканчиваются извещением о гибели и навечно остаются у матерей. Где-то — дневники. Они обрываются, но подхватываются и продолжают выжившими.

Мы понимаем, насколько тяжелым получился этот номер. Однако мы все же решили делать его именно таким. Потому что эти слова — все, что они успели сказать. Больше такой возможности у парней не будет.

Мы собрали воедино и тех, кто погиб в бою и тех, кто умер уже после войны — от ран, увечий или просто от нежелания жить. Ведь война не заканчивается с уходом солдата с передовой — помните?

Послушайте их, прочитайте... И попробуйте понять, что они хотели донести до нас. Это самая последняя истина.

И задумайтесь — насколько невозполнима эта потеря. Для страны. Для общества. Для каждого из нас. Какие поэты, писатели, художники, ученые, да просто хорошие люди, так и не вернулись с наших войн! С каждым из них мы теряли и продолжаем терять часть самих себя.

Запомните их всех.

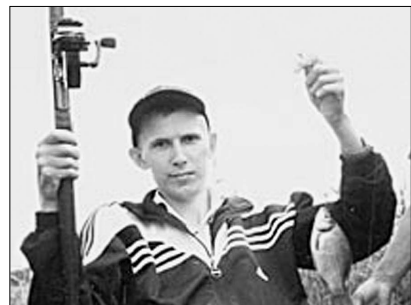
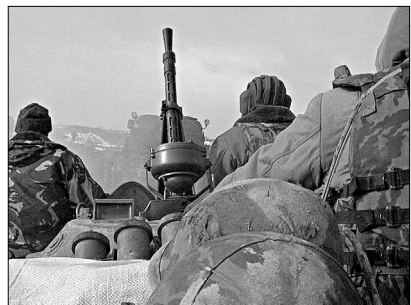
«Смерть каждого Человека умяет и меня, потому что я един со всем Человечеством. А потому не спрашивай, по ком звонит колокол. Он звонит по тебе».

Читайте.

Война от первого лица

Содержание

От редакции 1

АФГАНИСТАН

Сергей Шлыков, Сулейман Хачукаев, Александр Юрченко, Юрий Рыжков,

Михаил Борматенко, Валерий Понькин

«Дневник одной роты» 4

Евгений Баннов

«Привет из солнечного Кандагара» 14

Александр Банников

«Узелки на память» 16

ЧЕЧНЯ

Вячеслав Тихонов

«А было ли это?..» 19

Виктор Коноваленко

«Дневник» 24

Максим Быстров

«Дневник» 27

Айгиз Зайнутдинов

«Письма с войны» 33

Анатолий Ягодин

«Выплаканные очи России» 36

Анатолий Ягодин

«Ореховский поход старшины Суяркова» 39

Третий тост:

Андрей Роднов

«Он ни в тыл не простился, ни судьбе под подол» 45

СУДЬБА

Дмитрий Лахин

«Как я ходил на рыбалку» 48

ПО ПЕРИМЕТРУ

Бахрам Вахидов

«Фронт», «Плен», «Ранение», «Госпиталь. Дом. Возвращение»,
«Июльская атака» 50

ИНТЕРВЬЮ

Михаил Росовский

«Несущие горе» 55

Беседовал Егор Лосев

ПЕРЕВОД

Джонни Хатчерсон

«Глаза любого Солдата» 60

Перевод Нины Меньших

ПАМЯТНИКИ

Памятник землякам, погибшим при исполнении
воинского долга. Ставрополь. 61

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ФОТОГРАФИИ

Сергей Скрипник

Старые фотографии, зачем я вас берегу? 62

ПОЭЗИЯ

Александр Стовба

«Письмо маме» 64

Александр Банников

«Держава-твердь» 64

Владимир Шрам

«Реквием» 64

Анатолий Ягодин

«Я вижу, как жесток и сир» 65

ПРЯМОЕ ПОПАДАНИЕ

«...Это именно то время сделало многих нас, таких
разных, такими похожими во многом. У нас общие
потери, нам одинаково грустно. У нас есть душа, чтобы
выложить ее. Надо просто жить и просто помнить.
И постараться оставить побольше памятников тем, кто
за нас «заплатил»...» 66

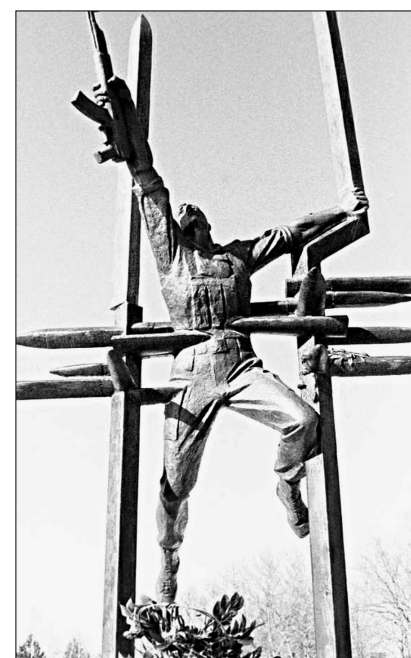
МОСКВА — 400

Письма в редакцию 67

ВНЕ РУБРИК

Андрей Грешинов

«Институт стран Азии и Африки на Афганской войне
1979-1992 гг.» (Часть 1) 68

Содержание

Афганистан

Дневник одной роты

ст. лейт. Сергей Шлыков (погиб);
ст. серж. Сулейман Хачукаев (погиб);
ст. серж. Александр Юрченко,
ст. лейт. Юрий Рыжков;
лейт. Михаил Борматенко (погиб);
рядовой Валерий Понькин

ДНЕВНИК ОДНОЙ РОТЫ

Это дневник разведроты 860-го мотострелкового полка. Его вели комсорги роты, по очереди. За четыре года их было шестеро. Из этих шестерых в живых осталось только трое.

Первым летописцем был старший лейтенант Сергей Шлыков. Родом из Вышне-го Волочка, 22 года. Последняя запись, сделанная его рукой, датируется 30 сентября 1981 г Погиб. Посмертно награжден орденом Красной Звезды.

Старший сержант Сулейман Хачукаев, 19 лет. Призван из Чечено-Ингушской АССР. Дневник вел ровно год. Последняя запись — 8 декабря 1982. Погиб. Посмертно награжден орденом Ленина.

Запись о гибели Сулеймана Хачукаева оставил старший сержант Александр Юрченко из Черниговской области. Уволился в 1983-м году. Награжден медалями «За Отвагу» и «За боевые заслуги»

Следующий комсорг — старший лейтенант Юрий Рыжков. Новосибирск. 22 года. Выведен в Союз в 1984 г.

Лейтенант Михаил Борматенко из Донбасса вел дневник всего три месяца. Последняя запись — 30 июня 1984 г. Погиб. Посмертно представлен к награждению орденом Красной Звезды.

Крайний автор — пулеметчик Валерий Понькин из Мошковского района Новосибирской области. Девятнадцать лет.

24.12.1979 г.

В 2:00 подняли по тревоге. Бежим в танковый парк. Две БМП-1 № 247 и 246 не заводятся. Начинаем таскать их по парку — завели. В этот день дошли до Сараташа. Едем с майором Хрычевым, начальником разведки полка. По пути разу-лась 247-я БМП. Мороз где-то -35. Гусе-ницу надели сравнительно быстро. Переночевали в каком-то домике.

25.12.1979 г.

Доехали до Мургаба.

03.01.1980 г.

Приказ перебазироваться в Ишка-шим.

07.01.1980 г.

Приказ перейти границу между СССР и Афганистаном. У всех припод-нятое настроение. Реку Пяндж прошел первым на 244-й БМП-1 командир роты старший лейтенант Андросенко с на-чальником разведки майором Токторо-миевым. Прошли афганский кишлак Ишкашим. Командир роты приказыва-ет 246-й БМП-1 выйти в ГД (головной дозор). Экипаж 246-й: лейтенант Вол-ков, сержант Солдатов, мл. сержант Со-бакорев, ефрейтор Мурадов, ефрейтор Лемешко, рядовой Гнышов, рядовой Черненко, рядовой Маслов. Идем по-боевому, но механик-водитель плохо управляет машиной. За штурвал садится лейтенант Волков. Скорость высокая. Впереди обвал. Удар о скалу. Согнута правая фара, машину бросает к обрыву, но все обошлось. Доехали до Гульхоны. Справа стрельба, видим, как расстрели-вают кого-то.

08-09.01.1980 г.

Люди отдыхают, задача — выйти к какому-то городу Файзабаду.

10.01.1980 г.

Команда «Вперед!». Никто не знал, что этот день войдет в историю всего полка. Первый бой. Встретили завал в 3 км, дальше Гульхоны. Бой носил сум-бурный характер. В этот день погибли трое разведчиков: сержант Лаврентьев А., рядовой Коломоец С., рядовой Бейтов. Рядового Сергеева, который попал в плен, нашли трое суток спустя. Бандиты издева-лись над ним. Его убили ударом ножа в за-тылок. Ранены в этом бою ст. лейтенант Андросенко и командир взвода из 2 мсб ст. лейтенант Домбровский.

20.01.1980 г.

Снова бой. Здесь подбили 244-ю БМП-1. Погибли: рядовые Шархай Р., Зольшоев З.. Ранены: сержант Корниен-ко А.А., рядовой Черненко А.В. Тяжело контужены: майор Токторомиев и рядо-вой Шнейдер Д.. 245-я БМП-1 перевер-нулась и упала в пропасть.

27.03.1980 г.

С утра рота и человек 50 из 2 мсб во главе с полковником Теодоровичем вылетели для прочесывания кишлака Джарм. Басмачи не ожидали такой вне-запности. Сопротивления почти не ока-зывали. В этом бою было уничтожено около 200 человек. Было взято порядка 100-120 единиц оружия разных систем.

30.03.1980 г.

Рота в таком составе с частью 2 мсб вылетела в г. Бахарак. Вертолеты были обстреляны еще в воздухе. Одну группу во главе с лейтенантом Волковым выбро-сили прямо на чистую площадку возле гор, на которых у басмачей были укреп-ления в виде дзотов и окопы для стрель-бы лежа. В этом бою был сбит наш верто-лет. Погиб смертью героя ефрейтор Фри-дрих, а сержант Абельдинов Г., рядовые Дудко, Шнейдер Д., Михайлов А., Чи-женко В., Дюков Н. получили тяжелые ранения. Басмачи потеряли около 100 че-ловек, захвачено порядка 70-80 единиц оружия.

22.12.1980 г.

Распустили слух, что идем чистить кишлак Фургамиру, а в действительности подготовили удар по кишлаку Фурга-мундж. Рота афганцев должна была при-крывать со стороны гор. Когда мы во-шли в кишлак, рота отступила под нажимом басмачей к Алимутульскому мосту. 12 разведчиков и рота царандоя поспешили на выручку афганцам. На се-редине склона первой горы нас обстре-ляли басмачи. Под обстрелом мы мед-ленно поднялись на плато. Царандой от-ставал от нас. Когда мы вышли на плато, нас обстреляли со второй горы, мы за-легли и дальше передвигались ползком или перебежками. Хорошо, в это время появились наши вертолеты, при их по-явлении огонь противника несколько ослабел. Четыре разведчика во главе со старшим лейтенантом Масловским от-стали от основной группы, ввязавшись в бой справа. Как оказалось потом, ца-рандой начал отступать к машинам.

Группа Масловского (Сердюков, Кума-рин, Костромин), отстреливаясь, тоже отходила. При отходе был ранен, а затем убит сержант Костромин. Вынести его тело сразу не удалось, его оружие было захвачено басмачами.

В это время основная группа (нач. разведки, командир роты, Кухарчик, Черненко, Криворотов, Верхов, Михнов, Никитин, сан. инструктор, артиллерий-ский наводчик, два афганца-разведчика) поднималась на вторую гору, преследуя противника. Вдруг по нескольким остав-шимся на плато царандоевцам был от-крыт огонь. Это басмачи, оттеснив роту афганцев к Алимутулю, возвращались в горы. Мы развернулись фронтом на них и уничтожили их огнем. Собрав оружие и документы, мы пошли по ущелью в на-правлении Алимутуля, вышли на плато, где узнали о погибшем товарище и о том, что его не вынесли. Тогда мы раздели-лись на две группы. Одна пошла по греб-

чи не преподнесли подарок. Результат нашего обстрела неизвестен, так как бы-ло темно.

11.01.1981 г.

Получили приказ организовать за-саду и прочесать кишлак в 1000 метрах от части. По полученным данным, там должно было состояться совешание бас-мачей. Вышли в 2:00. Окружили кишлак. Но в этот раз в кишлаке не оказалось ни-кого, не нашли и оружия. Вновь прибыв-шие солдаты почувствовали, что значит засада ночью.

02-05.02.1981 г.

Роту подняли по тревоге и выброси-ли десантом в район кишлака Кучи (8 км не доходя Артынджелау). Оказалось, что, сопроводив вчера бензовозы, тан-кисты стали возвращаться домой, и по-дорвались 2 танка. На выручку пошел еще один танк, но и он подорвался на

31.12.1980 г.

Сопровождали колонну. Подорвался танк, но все обошлось без повреждений. При возвращении колонну обстреляли из гранатомета и пулемета, граната про-шла в 2-3 метрах от носа 246-й машины, пули из пулемета попали в башню. Ко-лонна разорвалась. Минут на 30 движе-ние было остановлено. Чуть было басма-

мине. Эти подорванные танки душманы начали обстреливать из гранатометов и стрелкового оружия. Ремонтировать было невозможно, басмачи подходили до 10 метров к танкам, но сделать ниче-го не смогли. Мы были выброшены ут-ром 2 февраля, с задачей обеспечить ре-монт и сопровождение до Артынджелау. В ночь со 2 на 3 февраля 1981 г. нашу

оборону обстреляли. Задачу мы выпол-нили. Теперь все молодые солдаты у нас обстреляны.

17.02.1981 г.

В 6:00 начала движение колонна бен-зовозов, заправщиков, которую мы со-провождали до Артынджелау. До места доехали без приключений в 14:00. Через 20 минут повернули обратно в лагерь. Первыми шли 3 танка, за ними БМП. Не доезжая 5-6 км до камышей, первый танк подорвался на mine. Были повреж-дены катки. Сразу после взрыва мы были обстреляны басмачами с гор с расстоя-ния 1 км. Обстрел начался неожиданно, но весь личный состав действовал четко и слаженно, и через 20-30 минут все кон-чилось. Поврежденный танк прицепили к другому, гусеницу — к БМП и двину-лись дальше. На протяжении 3-4 км впе-реди шли саперы, поэтому двигались очень медленно. Было уже темно, ост-альное расстояние прошли без происше-ствий. В лагере были в 22:00.

04.03.1981 г.

Уже два дня под-ряд с 20:00 до 21:00 идет обстрел аэродро-ма. Утром, в 06:00 ро-та совместно с 5 мср налетке вышла на прочесывание мест, с которых велся обст-рел. Поднялись как раз напротив нашего лагеря. Первая группа поднялась на самый хребет, а остальные цепью растянулись до самого низовья. Через два ущелья обнаружи-ли домик, около кото-рого были свежевы-рытые окопы и стре-ляные гильзы. Копоть на них свидетельство-вала о недавнем их использовании. По-следнее ущелье перед кишлаком Исари. До-шли до него и спусти-лись по нему к реке

Кокча. В конце ущелья, в его низовьях, на дороге обнаружили три противотанко-вые мины, стоящие одна возле другой. Мины подорвали, и вся группа вернулась в лагерь.

07.03.1981 г.

Подъем роты в 02:00. Вышли в засаду около кишлака Кучи. Вместе с нами дей-

Афганистан

ствовала 5 мср, но она вышла на БМП по левому берегу реки Кокча, а потом поднялась в горы, выше нас. Ночь была совсем безлунная, темная. В 3 км от лагеря задержаны четыре афганца (их передали афганскому командованию), пятый, шедший с ними, был убит при попытке к бегству. Засада прошла без происшествий, и только вернувшись в лагерь, мы узнали, что группа старшего лейтенанта Волкова Ю.Д. находилась в 70 метрах ниже от засады, на которую после нашего ухода наравлась афганская рота.

11.03.1981 г.

Сопровождение колонны бензовозов. Наши четыре БМП. Встреча произошла в районе Артынджелау. На обратном пути головной танк подорвался на mine. Восстановлению не подлежит.

Начался обстрел перед камышами. Стреляли с обеих сторон. Через 2 км после камышей еще один обстрел. Стреляли в упор с 20 метров. Ураганный огонь по кустам, и все кончено. До полка добрались все целые и невредимые.

Сразу начался обстрел (11:30). Плотность огня была очень высокой, даже при появлении вертолетов стрельба не прекращалась до 16:00. Около 12:00 был ранен лейтенант Латыпов Х.И.. Благодаря ему остался жив начальник разведки полка подполковник Замятнов В.Г.

Латыпова увезли на вертолете. Под прикрытием боевых машин колонну бензовозов начали вытягивать с места обстрела. Подорвалась еще одна машина. Водитель жив, но контужен. Подорванный танк и машину подтянули к танкам. Остальная колонна под прикрытием вертолетов начала движение в лагерь. По дороге было прострелено колесо у БРДМ. До лагеря добрались без происшествий. Зашли в ПМП к Латыпову Х.И. Ему сделали операцию и утром 12 марта отправили в Союз.

24.03.1981 г.

Прилетали вертолеты с комиссией. Пред аэродромом были обстреляны из миномета. (На борту — два генерала). Рота была поднята по тревоге. Капитан Баженов, ст. лейтенант Волков, лейтенант Шлыков с группами поднялись в горы. Не пройдя и 100 метров, Кухаргин обнаружил мины. По приказу подполковника Замятнова В.Г. он остановился, отступил назад, и, не заметив сзади мины, наступил на нее. Его отправили на танке в лагерь. Затем нашли и обезвредили еще 20 противопехотных мин и одну противотанковую с 10 кг аммонала. Взяли 5 подозритель-

ных афганцев (троих из них потом опознали афганцы — басмачи). Кухаргину сделали операцию. Все нормально. На следующий день отправили в Союз. Молодец, отлично держится, не упал духом.

02.05.1981 г.

В 00:00 часов поднялись. Задача — засада и прочесывание местности хадовцами. Перекрыли три ущелья и две дороги. Работало 4 группы. Прибыли и расположились по местам без единого шума и шороха. Ночь прошла тихо, только афганцы подорвались на минах в районе Джилгара (12 раненых и 4 убитых). Утром заметили уходящего из кишлака человека. Хотели остановить, но он нас увидел и побежал. За эту операцию было задержано более 20 человек.

В этот раз помогали афганские женщины-активистки, делавшие обыски на женских половинах домов. В лагерь пришли в 08:00 3 мая 1981 г.

20.05.1981 г.

Как обычно выехали сопровождать наливную колонну совместно с 9 мср и саперами. Перед камышами подорвалась одна бочка. Контужен водитель. Его отправили в лагерь. Потом застрел танк в броде. Еще через 4 км подорвался танк и одна машина. Контужены прапорщик и водитель, который от полученных ран скончался. На обратном пути перед камышами подорвался еще один танк. Остались на ночь. Ночью из ущелья был обстрел: 4 выстрела из гранатомета и стрельба из карабинов и автоматов. Все обошлось благополучно. Утром разминировали дорогу: нашли 2 противотанковые мины. Вытащили застрявший танк и поехали дальше. Начался обстрел перед камышами. Стреляли с обеих сто-

рон. Через 2 км после камышей еще один обстрел. Стреляли в упор с 20 метров. Ураганный огонь по кустам, и все кончено. До полка добрались все целые и невредимые.

10.06.1981 г.

По тревоге сбор в 02:00, выход в кишлак Урусак для засады. Первый раз с нами пошли молодые солдаты. Молодцы, показали себя отлично. Пришли, когда уже начало светать. Окружили кишлак, и часть бойцов вошла в него. Кончили чистку в 11:30. Взяли минера с противотанковой миной. Вернулись в 14:00.

29.06.1981 г.

В 16:00 рота поднялась по тревоге. Механики с операторами получили оружие и убыли в парк боевых машин, а через 15 минут мы совместно с мср и отделением саперов начали переправу через Кокчу в сторону аэродрома. Выдвинулись для встречи и сопровождения колонны в полк. Колонну встретили в районе кишлака Кучи и проводили ее до полка. Все обошлось без стрельбы.

14-16.07.1981 г.

Нас тщательно проверили и отправили на вертолетах в район населенного пункта Артынджелау. Прибыли на место в 16:00, до 21:00 отдыхали, а потом начали движение к кишлаку Гаджи.

Дневник одной роты

делениями афганцев по уничтожению банд мятежников в районе населенных пунктов Джарм и Бахарак.

Первая операция.

Была проведена в районе населенного пункта Ябаб. Там захвачено в плен около 80 басмачей. Уничтожена банда в 30 человек, захвачено 40 единиц стрелкового оружия, управляемый фугас ПТМ и авиабомба.

Вторая операция.

Была проведена в районе населенного пункта Дарайше-Пешекан. Наша рота блокировала левый хребет ущелья. В результате уничтожено два душмана и захвачена одна единица СО, 160 шт. патронов.

Третья операция.

Проведена в районе населенного пункта Фургамиру. В этот раз очень хорошо и организованно работали батальоны афганцев. С их помощью мы ликвидировали расчеты ДШК и ЗУ. Потом мы вошли в кишлак и вступили в бой с душманами. В результате уничтожили банду около 80 человек, захватили оружие — стрелкового около 70 единиц и около 2500 штук патронов к ним, один ДШК, одну ЗУ, две «Стрелы», 2 химические гранаты и 2 ПТМ.

Четвертая операция.

Проведена по захвату высоты 2697 и кишлака Фургамундж. Операцию провели успешно, но безрезультатно. Целый день лазили по горам. Переночевали, а утром, голодные и уставшие на БМП 1 мсб вернулись в Бахарак.

Пятая операция.

Заключительная операция в этом рейде — по прочесыванию кишлака Сум-Дара и обеспечению прохождения колонны в Бахарак. В Сум-Дару мы пошли с работниками ХАДа и Царандоя по ущелью, справа — 1 мсб. 2 мсб не вышел нам накрытие, потому что попал под обстрел и вернулся обратно. А 1 мсб занял позиции не там где нужно. Наша рота под командованием старшего лейтенанта Богданова зашла вглубь ущелья. Там мы попали под шквальный огонь душманов и короткими перебежками

Там, по данным разведки, должны собраться 40 главарей банд на похороны другого главаря, которого убили два брата-активиста. Эти братья пошли с нами, их одели в наше х/б, а лица перебинтовали, для того, чтобы их не опознали. По дороге захватили 4 басмачей без оружия. Они были выставлены перед кишлаком в качестве караула. Примерно к 04:00 часам кишлак был полностью блокирован. С рассветом одна группа (10 чел.) под командованием подполковника Замятнова В.Г. прочесала кишлак, но ничего не нашла. В 16:30 ст.сержант Корсиану задержал подозрительного типа и передал его Замятнову В.Г. Тот оказался главарем большой банды мятежников. Стали вы-

Вместе с нами привезли туда и главаря басмачей. Ночью душманы вели обстрел из минометов и пулеметов, из наших никто не пострадал. Утром рота разделилась на две группы. Одна группа пошла прочесывать кишлак Артынджелау, а вторая — в ущелье. В ущелье и за кишлаком видели места, откуда душманы вели огонь.

двигаться обратно в Артынджелау к нашим танкистам, но попали в засаду. Вступили в бой. В этом бою были ранены: один сапер (в руку), командир роты капитан Баженов, рядовой Амиров Тусен (в правую ногу), рядовой Габдрафиков Р. (в бедро), оба брата-активиста. Ефрейтор Лешенко был ранен в шею, потом потерял сознание и, захлебнувшись кровью, скончался. Потери со стороны противника составили около 40 человек. Очень помогли вертолеты. Они сначала эвакуировали раненых, а затем всех нас перебросили в Артынджелау. Вместе с нами привезли туда и главаря басмачей. Ночью душманы вели обстрел из минометов и пулеметов, из наших никто не пострадал. Утром рота разделилась на две группы. Одна группа пошла прочесывать кишлак Артынджелау, а вторая — в ущелье. В ущелье и за кишлаком видели места, откуда душманы вели огонь. Затем собрали все мужское население и опросили их, после чего отпустили, а четверых отправили в Файабад и сдали работникам ХАДа. Они оказались душманами.

18.09.1981 г.

Рота в 21:00 выдвинулась через восточный КПП и, встретившись с мсб, начала движение в район населенного пункта Ганда-Чашма (27 км юго-восточнее Файзабада). Пока двигались в Ганда-Чашму, афганцы пустили ракету, вспугнули душманов, и те ушли в горы. Кишлак окружили в 07:00 и прочесали силами нашей роты. Душманов не на-

шли, но зато нашли в навозе железный ящик с опиумом. Чистого опиума 40 кг. Если бы душманы продали его, то на эти деньги можно было бы вооружить автоматическим оружием и боеприпасами отряд в 100 человек.

28.09.1981 г.

Овладели высотой 2110. При движении были обстреляны с соседних высот. В перестрелке снайпером уничтожено четыре душмана. На высоте нас обстреливали из кишлаков и соседних гор. В 16:00 группа из 10 человек под командованием лейтенанта Еремеева В. сделала попытку овладеть соседней высотой 2118 м, но под сильным огнем противника была вынуждена отойти назад.

Следующую попытку предприняли в 04:00 29.09.1981 г. Высотой овладели, но пошли по минному полю и потеряли троих бойцов. Рядовому Яшину М. оторвало ногу. Рядовые Мунтян В.А. и Стяжкин С. контужены. Их отправили на вертолете в полк, а сами пошли на штурм высоты 2484. К вечеру при поддержке артиллерии овладели этой высотой. На этой высоте пробыли до 13:00.

30.09.1981 г.

Получили приказ, во что бы то ни стало овладеть высотой 2700. Под ожесточенным огнем противника приблизились к высоте. В перестрелке снайпер уничтожил троих душманов. В 20:00 группа (10 чел.) под командованием лейтенанта Еремеева под ожесточенным огнем противника пошла на высоту. Через 20 минут прервалась связь с группой. Связистом в этой группе шел рядовой Соловов Ю.Е. Еще через 20 минут стемнело, и на разведку пошел рядовой Амиров Т. Он нашел станцию и Соловова и оттуда передал, что он убит, а рядовые Томамаев Л., Дмитрук Г. и сержант Гугов Р. ранены. К нему выдвинулись еще несколько человек и вынесли рядового Соловова и раненых. Рота осталась на тех же позициях на ночь. Утром, в 03:00, начали движение и к 09:00 вышли на высоту 2700 без единого выстрела. Противник отошел.

08.11-01.12.1981 г.

Рота участвовала в рейдовых операциях совместно с 1 мсб и двумя подраз-

Афганистан

чудом вышли из ущелья. Немного передохнули и пошли в район кишлака Ханак на встречу со 2 мсб. Через час мы были на месте, заняли оборону и стали ждать колонну. Колонна прошла, и на следующий день мы с ней вернулись в полк. По дороге замыкание колонны обстреляли из стрелкового оружия. Потерь нет. Прибыли в полк. В результате операции силами нашей роты (при выходе из ущелья) уничтожено 8 мятежников. Всего уничтожено 19 укрепленных огневых точек мятежников.

23.12.1981 г.

Уже трое суток 5 хадовцев выходят в засаду под кишлак Баги-Шах, а наши следят за ними со стороны части. В дозор ходят трое: сержант С.Хачукаев, рядовые В.Широков, Ю.Семенов. На третий раз все-таки засекли мятежников и открыли огонь. Рота поднята по тревоге в 16:00, а спустя 10 минут первая БМП-2 роты уже прошла мост через Кокчу и устремилась к Баги-Шаху. Дозорная группа вела огонь по мятежникам. Подошедшие БМП открыли огонь из автоматических пушек и пулеметов. Противник отошел в горы. В результате перестрелки дозорными уничтожено трое мятежников.

25.12.1981 г.

Рота совместно с 6 мср вышла в засаду в район Кучи. По данным разведки, мы перекрыли вероятные пути отхода противника. На рассвете наш снайпер увидел в прицел вооруженного душмана и застрелил его. Винтовку взяли солдаты 6 роты.

29-30.12.1981 г.

Рота выходила на засаду. Просидели ночь напрасно.

20.01.1982 г.

Сегодня рота выполняла интересную задачу в районе населенного пункта

Горнушан. Совершили налет на группу душманов из 17 человек. Огнем из стрелкового оружия уничтожили 6 человек. 3 взяли в плен. Остальные ушли.

30.01.1982 г.

Наша рота совместно с 8-й мср в 03:30 утра начала марш по маршруту Кучи - Ишахита - Иштиль-Чахадари. ХАД не прибыл для

проведения операции, чистку вела 8 мср. Мы блокировали все подходы. Группа мятежников из 6 человек пыталась уйти незаметно, но не смогла. В кишлаке 8 рота уничтожила еще 3 душманов. Взяли 2 винтовки и АКМ китайского производства.

02.02.1982 г.

Рота в качестве тактического десанта высажена в районе кишлака Дахани-Дарас с задачей обеспечить проход колонны бензовозов. Накрыли группу мятежников из 14 человек. Захвачено 5 единиц стрелкового оружия и боеприпасы.

04.02.1982 г.

В 00:20 вышли в засаду в кишлак Урусак. Когда пришли на место, душманы уже ушли из кишлака метров на 400. Открыли по ним огонь, уничтожили несколько человек. Оружия не взяли.

10.02.1982 г.

В 05:00 вышли в кишлак Баш-Моберан в составе бронегруппы. Силами 8-й мср и частью роты населенный пункт был окружен и перекрыт. Уничтожено несколько мятежников.

17.02.1982 г.

Совместно с 9-й мср и 3-й минометной батареей в 03:00 опять пошли в Урусак. С нами выходил оперативный батальон ХАД. Нашей роте предстояло занять оборону на самой высокой горе. На этот раз застали мятежников врасплох и уничтожили 12 человек. Захвачено 3 единицы оружия.

03.03.1982 г.

В 08:30 рота вылетела на Алимугуль для проведения поисковой операции по обнаружению трупа солдата из 1 мсб попавшего в плен. Труп был обнаружен примерно к 16 часам, после чего все сразу же вернулись в полк.

12.03.1982 г.

В 03:00 наша рота совместно с 5-й мср и подразделениями ХАДА выдвинулась в кишлак Урусак. Немного опоздали. Мятежники покинули кишлак и заняли господствующие высоты. Обстреляли нас из пулеметов, но никого не задел. С аэродрома поднялась пара вертолетов. Мы навели их и они накрыли группу мятежников НУРСами. Наш разведчик — Э.Шевцов огнем из ПК уничтожил двоих мятежников.

15.03.1982 г.

По полученным разведанным в кишлак Баташ ночью приходит банда в количестве 10-15 человек. Поставлена задача — уничтожить мятежников. Выход назначен на 22:00. На место прибыли в 23:30. В 04:10 обнаружили группу мятежников и открыли огонь с дистанции 150-200 метров. Утром на тропе увидели 8 трупов. Собрав оружие, вернулись в полк.

26.04.1982 г.

В 06:00 на БМП выдвинулись в кишлак Балуч. Атаковали дом-крепость слева от дороги. Уничтожили двоих мятежников, одного взяли живым. При осмотре дома обнаружили крупную сумму денег (афгани). Целый день просидели возле крепости, ожидали приказа на продвижение вперед, но к вечеру пришел приказ бронетехнике возвращаться в Кишим. Прилетели два вертолета, на которых нас перебросили в полк.

Отчет разведгруппы с 1 по 17.06.1982 г.**01.06.1982 г.**

В 07:10 высадились на душманский аэродром. Получили приказ занять круговую оборону. Двое разведчиков и связист (Хачукаев, Альжанов, Стрельников) направлены для восстановления связи с 1 мсв (мотострелковый взвод). Через некоторое время обнаружили их. Связист убит. Пулеметчик и командир взвода ранены. Под прикрытием раненые были вынесены в безопасное место. Несмотря на дождь, задача была выполнена.

03.06.1982 г.

Поступила информация о том, что в районе кишлака Сказир находятся склады с продовольствием и боеприпасами. В составе 1 мсб выдвинулись в район этого кишлака. Найденное оружие и боеприпасы забрали, а продовольствие раздали афганцам.

05.06.1982 г.

Совместно с 1 мсб вышли в район Шахраи. По имеющимся разведанным в этом кишлаке находится банда Гульдод. Но он был предупрежден и ушел в Пакистан. При осмотре кишлака обнаружены 2 ЗПУ (зенитно-пулеметная установка) китайского производства. Минометные мины.

12.07.1982 г.

Рота в составе 2 мсб выдвинулась в район кишлака Карамугуль. Добрались до места, душманы тут же открыли по нам огонь. Нас здесь ждали. В этом бою мы потеряли рядового Арсланова.

22.07.1982 г.

Утром колонна двинулась к Кишиму. Не доходя Кишима, в районе кишлака Баланджари, подорвался на фугасе передний танк. Погиб механик-водитель, двое ранены. Колонну встретили без единого выстрела. На обратном пути метрах в 300 от того места, где подорвался танк, подорвалась БРМ. Экипаж весь вышел из строя. Троих убило, троих ранило.

13.09.1982 г.

Рота в составе 2 мсб совместно с афганцами вышла для проведения операции в районе кишлака Карамугуль. Афганцы шли немного в стороне от нас. Когда они поднялись на вершину, напоролись на засаду, потеряли двух человек убитыми. Потом они попали под огонь душманов в кишлаке Карамугуль. По нам не стреляли.

13.11.1982 г.

Днем рота готовилась к небольшой операции. Нужно было посмотреть, что находится в домиках в ущелье напротив части. Три домика. Вечером пошел снег, но, несмотря на это, рота вышла на выполнение задачи. Из-за сильного снегопада не смогли найти домики. Вернулись назад.

19.11.1982 г.

Готовимся к операции. Все держат в тайне. Вышли в 07:00. В операции участвует много людей: наша рота, 2 мсб, минометчики, саперы, а также афган-

ский оперативный батальон. Четыре часа поднимались по дороге на плато, поднялись, окружили какой-то кишлак. Наша рота растянулась цепочкой вдоль дувала. Просидели так полтора часа, страшно холодно. Афганцы в это время прочесывали кишлак. Затем наша рота совместно со 2 мсб в темноте спустилась в долину и совершила марш. Когда рассвело, оказалось, что мы кругами ходим по долине. Осмотрелись и вышли к основным силам.

01.12.1982 г.

Только вышли из Артынджелау, как пошел снег, но продолжаем двигаться. Не доходя до кишлака Баланджери, подорвалась на mine ИМР, погиб сапер и один солдат из 5-й мср. В Кишим пришли уже вечером.

08.12.1982 г.

Вышли из Артынджелау, скорость немного возросла. Не доходя до Каракмара 2 км, по неопытности молодого механика-водителя БМП-1 № 247 сорвалась с серпантина. Все произошло очень быстро и неожиданно, но достаточно удачно. Экипаж и десант успели спрыгнуть. В машине остался только младший сержант Лисунец А.Н. Он сидел в правом десанте и не успел выпрыгнуть. Ма-

шина скатилась по склону в 80 градусов метров на 30 и уткнулась носом в землю. Слетела левая гусеница. Движение задержалось на час. Вытащили машину на буксирах, натянули гусеницу и пошли дальше. В полк прибыли уже ночью.

14.12.1982 г.

Подъем в 06:00. выходим на операцию. Едем на машинах 1-го мсб к кишлаку Панишар. Говорят, там находится

Дневник одной роты

сам Басир — глава мятежников Бадахшана. С ним постоянно отряд в 300 стволов. При подходе к кишлаку два раза были обстреляны. Подошли к кишлаку, высадились из БМП. Первая группа старшего лейтенанта Козлова (10 человек) вместе с третьей ротой и хадовцами пошли на проческу кишлака. Душманы ведут сильный огонь из стрелекового оружия с горы над кишлаком. Мы опоздали. Мятежники уже ушли из кишлака и, заняв позиции на горе, сверху бьют из автоматов и винтовок. В первые же минуты, был ранен старший сержант Одинцов А.В. Пуля попала в шею с левой стороны ближе к спине и вышла из правого плеча. Пуля от АКМ, калибра 7.62 мм. Рана не тяжелая, пуля порвала только мышцы. На вертолете его эвакуировали в санчасть.

При отходе из кишлака, первую группу едва не зажали. Они почти отрезали наших от третьей роты, которая отошла раньше. Ребята израсходовали почти все патроны, но высочили из кишлака. Погрузились на БМП и отошли в пункт дислокации 1-го батальона в крепости Бахарак. По позициям мятежников на горе работали два вертолета Ми-24. Вечером того же дня вертолетами вернулись в полк.

29.12.1982 г.

Подъем в 06:00. В 07:00 готовы к операции. Стоим в полной готовности, ждем вертолетов. Наконец, вылетаем в кишлак Вахиш. Первая волна состоит из 1 мсб. Мы во второй со 2 мсб. Сели возле кишлака. Спустились в ущелье. Идем в колонне по одному. Нам надо обойти кишлак и перекрыть пути отхода душманам. Командир роты выслал боевое охранение — мл.сержант Хамидов, рядовые Альжанов, Четверков. Они двигаются по левому склону ущелья. Мы поднимаемся на правый склон. Поднялись до половины, и здесь рядовой Ходжаев заметил нору. Вытащили из нее трех человек без оружия. В этот момент охранение открывает стрельбу. Они ведут огонь по расщелине, которая находится напротив нас. Мы видим перебегающих по ней людей и тоже открываем огонь. По нам

Афганистан

тоже бьют, но редко. Видимо, душманы не ожидали, что будут обнаружены. Пятеро наших разведчиков идут на помощь охранению и обходят расщелину с другой стороны. Теперь душманам некуда деваться, и они сдаются. В результате 10 мятежников убито, 12 взято в плен. Захвачено 22 единицы оружия (винтовки, автоматы АКМ), боеприпасы к ним и две химические гранаты американского производства. Выходим к 1 мсб, прочесавшему кишлак. На их машинах возвращаемся в Кишим. Удачная операция, но убит замполит мотострелкового батальона. Других потерь нет.

16.01.1983 г.

После обеда в полк прилетели артисты из Новосибирска. Показали отличный концерт. Он прошел в столовой, где из столов сделали сцену.

17.01.1983 г.

В этот день проводилась операция в районе кишлака Самати. 2-й мсб пошел сопровождать колонну обратно до Кишима. С ними идут три наших машины: 247-й БМП-1, 248 и 249-я БМП-2. На 247-й мех.-вод. рядовой Свиридов, наводчик-оператор ряд. Бездетко, командир экипажа ст. сержант Ерзумашев, на 248-й мех. вод. ряд. Гусейнов, наводчик-оператор ряд. Хуснуллин, на 249-й мех.-вод. ряд. Севостьянов и командир второго взвода лейтенант Ермаков. Остальной личный состав роты должен десантироваться с вертолетов двумя группами. Бронегруппа с колонной дошла до камышей перед Самати, выстроилась в линию вдоль реки и заняла оборону. Вертолеты подошли к кишлаку, окружили минут 20 и улетели. Десант не состоялся из-за глубокого снега на площадке приземления. Задача десанта — захват складов с оружием и продовольствием. Колонна пошла дальше, а наша бронегруппа, простояв 2 часа, вернулась в полк, сопровождая взвод гаубиц Д-30 (3 ед.). Не было сделано ни единого выстрела. В тот же день вечером объявили о подготовке к операции. Скомплектовали 4 группы по 8 человек во главе с командиром роты капитаном Быковым,

командиром 1-го взвода старшим лейтенантом Козловым, командиром 2-го взвода лейтенантом Ермаковым и замом по политической части лейтенантом Мазурчиком.

25.01.1983 г.

Занятия идут согласно распорядку дня. В роту прибыл командир роты, объявлена тревога, построение через 20 минут по полной боевой для отправки в аэропорт. Сразу же разбились на две группы по 12 человек. Проверили боеприпасы и средства связи. Командиры взводов лично проверили каждого разведчика. Куда вылетаем неизвестно, ориентировочно в район кишлака Фургамундж. Наша рота была уже там. Где-то через 40 минут мы уже сидели в вертолетах. Вместе с нами подняли по тревоге 2-й мсб. Но они так и не высадились. В 12 часов нас высадили в районе Алимугуля. По радио передали: вертолет, на котором летел командир части, сбили душманы. Наша рота должна спасти командира и экипаж. Сразу же в быстром темпе начали подниматься на левую сторону ущелья. Немного пройдя, встретились с 1-м мсб. На левой стороне сидели афганцы, и еще одна группа афганцев пошла в кишлак вперед. Начали спускаться в кишлак. Прошли метров 50, и по нам открыли огонь с противоположной стороны ущелья. Неприцельно. Не отвечая, спустились вниз в кишлак. Встретились с группой 1-го мсб, они сидели за дувалом, дальше пройти не могли — по ним вели интенсивный огонь с противоположной стороны ущелья.

В этот момент охранение открывает стрельбу. Они ведут огонь по расщелине, которая находится напротив нас. Мы видим перебегающих по ней людей и тоже открываем огонь. По нам тоже бьют, но редко. Видимо, душманы не ожидали, что будут обнаружены.

Это мы и сами ощутили. Заняли оборону. Через час поступил приказ отходить. Решили сначала пропустить группу 1-го мсб. Так как их было меньше. Они побежали. И в тот же миг там, где на сопке минут пять назад сидели афганцы, появились душманы. Первая группа нашей роты успела проскочить к домику на окраине и залечь. Второй группе уже пришлось выжидать момент, так как мятежники вели огонь с сопки, метров с 80 и из кишлака. Оставаться на месте было нельзя. Начали пробиваться по одному к первой группе.

Первым побегал рядовой Каскулаков и был ранен в руку. Старший сержант Ерзумашев был ранен в грудь. Ос-

тавливать раненых и оружие мы не могли, поэтому сидели возле домика. Но по нам тоже вели огонь с сопки. Рядовой Нижнеченко заметил душмана, который вел огонь по командиру взвода, закрыл командира собой и был убит пулей в голову. Старший лейтенант Козлов получил пулю в плечо. Командир роты сказал, что надо пробиваться вперед. Первым пробежал метров 30 рядовой Альжанов, удачно. Вторым побегал рядовой Буслаев, тоже удачно, но когда он бежал зигзагами, пули ложились у него под ногами. Бежать стало опасно. Вокруг из наших никого уже не было, и, что нас зажали, тоже никто не знал. Выбили дверь в сарае. Мы засели в нем. Он оказался хорошим временным укрытием. Одно окошко выходило в кишлак. Четверо наших лежали впереди метрах в 30, тоже в небольшом сарайчике. Вскоре рядовой Альжанов крикнул, что раненый старший сержант Хачукаев убит, а рядовой Буслаев ранен. Лейтенант Ермаков сказал, что пойдет им на помощь. Пробегаая открытый участок, он был ранен, при попытке подняться его сразили очередью. Мы остались одни. В радиостанцию Р-143 попала пуля, она отказала. Осталась одна Р-148, вызывали около часа, но нас никто не слышал. Что стало с нашими, мы не знали, радиостанции у них не было.

Душманы подошли совсем близко. Сулейман Хачукаев лежал дальше всех. Первую попытку подойти к нему, рядовой Альжанов отбил, уничтожив двоих мятежников. Но они все же приблизились к нему и в уже в убитого выпустили

несколько очередей. Уже стало темно. Душманы перебежали между строениями, пытались поджечь сарай два раза. Кидали зажигалки. Не смогли. Начали кричать по-русски «Сдавайтесь!». Но на эти слова никто не реагировал. Нам удалось связаться с 1-м мсб. Подполковник Каминский с группой проскочил к нам. Только в девять вечера им это удалось. Забрали всех убитых и раненых и по одному стали выходить из кишлака.

24 человека вылетели в рейд. Из них убито: лейтенант Ермаков, старший сержант С.Хачукаев, рядовой Нижнеченко. Старший сержант Ерзумашев скончался по дороге в полк, сержант Высоков умер в госпитале в Кабуле 1 февраля.

Ранены: капитан Быков, старший лейтенант Козлов, рядовые Буслаев, Федин, Гусейнов.

Ночь провели в Алимугуле. На следующий день приехали в Бахарак.

10.02.1983 г.

Вместе со 2-м мсб поехали сопровождать колонну. От нашей роты — две БМП. В первый день дошли до Каракамара. Все нормально. Там стояли 5 дней, ждали колонну. Через 5 дней, рано утром выехали в Кишим. Доехали до слияния рек и увидели на сопке свежескопанные окопы. Осмотрели их. Саперы их заминировали. Проехали метров 100 и саперы обнаружили фугасы, которые установили очень опытные минеры. По-

Второй взвод роты спустился в ущелье, где были видны следы боя: воронка от разрыва гранаты, бронежилеты, окровавленная одежда и вещмешки. Обнаружили одного убитого. Пройдя по ущелью до водопада, никого больше не обнаружили, вынесли убитого товарища.

середине дороги лежит очень большой камень. Под ним контакт. Машина брюхом сносит его или люди сдвигают в сторону, происходит взрыв трех артиллерийских снарядов, заложенных с дистанцией 1.5 метра друг от друга. Фугасы сняли и поехали дальше. Пропустили колонну и пошли назад. Вернулись в полк без происшествий.

13.05.1983 г.

В 21:00 полк (разведрота, 2 мсб) был построен возле санчасти. После проверки через КПП мы выдвинулись в сторону гор. На рассвете достигли цели. Наша рота заняла высоту с отметкой 2100. С этой высоты мы контролировали подходы к трем кишлакам. Заняв высоты, начали окапываться. При оборудовании СПС в воронке от авиабомбы, младший сержант Лисуец А.Н. наступил на мину. Ему оторвало ступню ноги. Душманы открыли огонь по нашим позициям с соседней высоты. Запросили вертолеты. При заходе на посадку, Ми-8 получил несколько пробоин. Вторично в ногу был ранен Лисуец А.Н. С помощью вертолетов рота вышла из-под обстрела.

25.10.1983 г.

Подъем в 00:30. Выход в 03:00 в район кишлака Табай. Под утро вышли к кишлаку. В 08:00 поступила команда прочесать кишлак. Мужчин в кишлаке почти не было. НШ батальона допросил несколько человек. Душманы приходят в кишлак по ночам. Пробыв 2-3 дня, уходят в горы. Больше ничего выяснить

Дневник одной роты

не удалось. К обеду мы вернулись обратно в Артынджелау, погрузились на машины и вечером были в Каракамаре.

26.10.1983 г.

Подъем в 06:00, в 09:00 начали движение в Файзабад. В пять вечера были уже в расположении полка.

15.11.1983 г.

Сегодня рота вышла на засаду. В 16:00 сели на БРДМ и ЗиЛ-131, отправились на Лояву. На «точке» мы пробывали до наступления темноты. Затем выдвинулись к месту засады. Дошли быстро и тихо, без шороха и шума, даже ни одна собака нас не облаяла. Окопались, ждем рассвета. На рассвете заметили,

что из кишлака уходят люди. Кто на лошади, кто на ишаке, кто просто пешком. Запросили старшего, он дал разрешение на открытие огня. Двое из уходящих были убиты. Затем отошли на «точку», а от туда на машинах вернулись в полк.

12.12.1983 г.

В 05:00 начали движение на Кишим. В этот день дошли до Артынджелау. На подходе к Артынджелау, в 8 км, колонна была обстреляна. Граната из РПГ попала в кузов грузовика. Водитель получил тяжелое ранение — разорвана сонная артерия. Машину взяли на буксир, а раненого доставили в Артынджелау, в санчасть. На «точке» выставили охранение и расположились на отдых.

23.01.1984 г.

Вечером наша рота совместно с ХА-Дом вышла из полка на перевал Угар для проведения операции по реализации разведанных в районе кишлака Угари-Пани. На перевал вышли в 04:00 утра, там лежал глубокий снег и было очень холодно. Рота окопалась и заняла позиции. С рассветом подразделение ХАДа спустилось в кишлак для прочесывания. Не обнаружив ничего подо-

зрительного, решили пройти по ущелью, ведущему к кишлаку Угари-Балла. При входе в ущелье афганцы попали в засаду душманов. Мы сверху открыли огонь из пулеметов, чтобы дать возможность афганцам вынести своих убитых и раненых. Из-за большого расстояния наш огонь достаточного эффекта не имел, но свою роль выполнил. Вызвали вертолеты для эвакуации и навели огонь артиллерии. Под их прикрытием вернулись в полк.

14.02.1984 г.

Наша рота в 02:00 начала движение в район кишлака Карамугуль. В 04:30 мы прибыли к кишлаку, блокированному 2 мсб и взводом управления. В 07:00 поступила команда прочесать кишлак на предмет обнаружения боеприпасов, взрывчатых веществ и оружия. Ничего не обнаружено. В 10:25 получили команду на отход, потому что опустился густой туман. Видимость до 10 метров. Из кишлака вышли без помех. В 12:30 вышли к своей бронегруппе в район кишлака Баги-Шах. 2 мсб отходил отстреливаясь. В 14:00 15 февраля прибыли в полк. Командир полка приказал построиться подразделениям, принимавшим участие в операции, проверить наличие личного состава, оружия и доложить. При проверке не оказалось взвода снабжения 2 мсб. В 14:30 рота убыла на поиск отсутствующих в направлении горы Безымянной. Мокрые, промерзшие, голодные, мы все же в 16:30 обнаружили 14 человек. От них узнали, что в ущелье, на протяжении 1 км оставлены раненые и убитые. Второй взвод роты спустился в ущелье, где были видны следы боя: воронка от разрыва гранаты, бронежилеты, окровавленная одежда и вещмешки. Обнаружили одного убитого. Пройдя по ущелью до водопада, никого больше не обнаружили, вынесли убитого товарища, отход начали в 17:20. В 18:30 вышли к кишлаку Баги-Шах. В 19:00 мы были в полку, где узнали, что

Афганистан

пропало еще 7 человек из второго батальона. Всего 9 человек ранено, 1 убит и 7 пропали без вести. Потеряно 8 автоматов АК-74.

16.02.1984 г.

Наша рота на двух БМП-2 выдвинулась в район кишлака Баги-Шах, чтобы совместно с ХАДом и оперативным батальоном Царандоя блокировать высоты. В 07:00 подошли основные силы — 2 мсб. Рота разделилась на три группы. Первый взвод и управление роты ушли вперед, а второй взвод спустился в ущелье и начал движение в сторону второго водопада. При выдвижении наблюдали группы мятежников. Около 10:00 утра в ущелье возле второго водопада обнаружили два трупа. С помощью саперных «кошек» подтянули их к себе и на плащ-палатках подняли наверх для погрузки в вертолеты. Через некоторое время за водопадом обнаружили еще четырех человек. Все убитые были изучены. Сразу видно, что душманы издевались над нашими солдатами. Посадили вертолеты, убитых отправили в полк. При дальнейшем осмотре местности ничего больше обнаружить не удалось. В 13:00 был получен приказ об отходе к «броню». Одного человека мы так и не нашли. Как выяснилось позже, душманы увели его с собой. В 14:45 мы прибыли в полк.

13-15.03.1984 г.

40 человек из состава роты вышли в засаду в район кишлака Урусак. К кишлаку подошли в 3 часа ночи. Заняли оборону и начали наблюдать. В 06:00 в кишлаке замигали фонари. Мы открыли по ним огонь из АГС-17. Безрезультатно. Душманы ушли из кишлака там, где должны были быть позиции 6 мср из 2 батальона.

29.03.1984 г.

Продукты, которые мы брали на двое суток, израсходованы. Когда привезут, никто не знает. Двигаемся дальше. Погода портится, начались дожди. Поднялись выше в горы — там шел снег.

Усиливается ветер, ночью ударил мороз. Замерзли, а результатов нет. Банда ушла в сторону Бахарака. Остановились на ночь.

30.03.1984 г.

Подъем в 06:00, движемся вокруг «Зуба», говорят, что идем домой, в расположение полка. Люди сильно устали, вторые сутки ничего не ели. Остановились на ночь, очень холодно. В окопе по колено воды. Кое-как дождались утра.

31.03.1984 г.

Подъем в 6 утра, и начинаем движение на первую вертолетную площадку. Третьи сутки ничего не ели. Люди двигаются из последних сил. Где-то после обеда прибыли на вертолетную площадку и остановились на отдых.

03.04.1984 г.

Поднялись на высоту 3000 метров. Погода ухудшилась. Начался град с дождем. Остановились на ночь. Соорудили укрытия. Ночью пошел снег, ударил мороз. Под утро некоторые замерзли так, что не могли передвигаться. Мокрая одежда примерзла. Некоторые отморожили руки и ноги.

04.04.1984 г.

Получили приказ возвращаться в расположение полка. Дошли до Файзабада. Там нас ждали машины. Вечером были в полку.

11.06.1984 г.

В 06:30 совместно с саперами прочесали кишлак. В 16:00 подошла бронегруппа. В 18:00 получили задачу к 22:00 совместно с саперами организовать засаду в квадрате «Песец 7-5». В районе кишлака Девдон в 23:50, были задержаны три человека, которые ночью шли в горы. При досмотре были обнаружены пистолет итальянского производства, 294 патрона к АКМ, медикаменты и исламская литература. В три утра из кишлака вышли еще трое. Они пытались оказать сопротивление и скрыться, но благодаря находчивости старшего сержанта Пачули, один был задержан. С рассветом прочесали кишлак и вернулись к бронегруппе.

12.06.1984 г.

В 09:00 выдвинулись, чтобы установить засаду на путях вероятного отхода мятежников. В 12:00 получили задачу осмотреть пещеры в квадрате «Як 4-4» и постараться найти место захоронения рядового Корменко, попавшего в плен в феврале. В 14:00 получили информацию, что в Дархане, в доме Мамад Наи-

ма, имеется продовольственный склад. Склад нашли и передали ХАДовцам. Рота разделилась. Первый взвод пошел на прочесывание кишлака Ишакан, а второй взвод в кишлак Шамхари на выяснение судьбы Корменко. При опросе местных жителей, выяснилось, что место захоронения знают всего два человека. Этих двоих задержали, доставили к бронегруппе. При допросе они отказались указать могилу. Оказалось, что один из них — тестя главаря банды, а второй — брат. Ночью вышли к кишлаку и задержали еще троих афганцев. Все родственники главаря банды. На вертолете утром отправили в полк.

11.07.1984 г.

Рота получила задачу в 04:00 утра выйти в район кишлака Баташ и совместно с ХАДом начать его прочесывание. Где-то в 07:00 закончили и направились в район кишлака Дарайни-Джайни. Не доходя до кишлака метров 300, попали под обстрел. Били с горы. Под обстрелом перебежками по одному вошли в кишлак. Мятежники отошли еще выше. Прочесали кишлак, но ничего не нашли. В 16:00 начали выходить из кишлака. Первыми ушли 2 мсб и ХАД. Последней уходила наша рота. Когда мы отошли, по нам били с горы. Нам все же удалось уничтожить пятерых мятежников. У нас потерь нет.

31.07.1984 г.

Рота получила задачу — в 06:00 выйти в район кишлака Сангаб для его прочесывания. При попытке подойти к нему дозорное отделение было пропущено, а рота обстреляна. Рота залегла и приняла бой. В этом бою погибли два человека из нашей роты — командир второго взвода лейтенант Борматенко и рядовой Куксейко. Командир роты капитан Быков Н.В. был ранен в ногу, но продолжал руководить боем. Дозорное отделение отошло без потерь, но ранен в ногу рядовой Кухарин. В бою отличились рядовые Басков, Поленов, Сазонов, Коробов. Находясь в отрыве от основных сил роты, они прикрывали отход раненых. В 11:00 вызвали вертолеты, погрузили раненых и убитых, отправили в полк. Командование взял на себя старший лейтенант Мухин, командир первого взвода, а замполит принял второй взвод.

01.08.1984 г.

Рота получила задачу в 03:30 утра выйти в район кишлака Вахши совместно с 3 мсб и кундузским разведбатом. При реализации разведданных 9-я мср попала под обстрел. В результате три че-

ловек убито и двое ранено. Мятежники подошли к ним почти вплотную. Нашей бронегруппе поставили задачу спасти раненых, вывести убитых и вывести девятую роту из окружения.

Старший прапорщик Грибанов (старший техник роты), умело командуя бронегруппой, повел свои БМП в атаку. БМП продвигались рывками, парами, прикрывая друг друга огнем из пушек и пулеметов. Мятежники отошли. Через некоторое время раненые и трупы были доставлены к основным силам и погружены в вертолет, а рота выведена из кольца. Позднее Грибанова представили к ордену Красной звезды.

22.09.1984 г.

На рассвете был задержан подозрительный, который на допросе согласился дать сведения о пропавших без вести двоих бойцах. Доставили его в полк.

09.10.1984 г.

Рота совместно с отделением саперов вышла в район кишлака Самати по левую сторону реки по дороге Файзабад-Кишим. До места дошли хорошо. В 10:00 командир роты приказал искать брод через реку Кокча и переправляться на левую сторону. В 10:30 рота переправилась и в 11:00 заняла господствующую вершину, второй взвод был выслан для осмотра небольшого кишлака, находящегося в ущелье. При осмотре жителей не обнаружили. Первый взвод в это время заблокировали. При выдвижении на

Продвигались практически бегом, с восьмиминутными привалами на вершинах. Возле перевала нагнали 4-ю мср, которая вышла на 40 минут раньше нас. При подъеме на последнюю высоту был ранен замполит роты. Пуля попала в бедро, но он мог двигаться самостоятельно.

блокировку 248-я БМП была обстреляна. На помощь была послана 249-я БМП-2. Мятежники вели огонь по позициям роты с трех сторон. В этом бою отличились: рядовые Крамской В.Ф., Миронец Н.А., механики-водители старший сержант Пичуха Ю.А. и рядовой Мараховский В.П. Они вели огонь из вооружения БМП. В 16:00 роте было приказано отойти и занять оборону. Позиции роты всю ночь обстреливались из гранатометов и автоматов.

10.10.1984 г.

Утром стрельба прекратилась. В 08:00 утра получили приказ покинуть позиции и переправиться через реку Кокча. Реку перешли спокойно и начали подъем в гору по дороге. Прошли около

10 км, как вдруг по радио передали приказ, чтобы все возвращались обратно. Развернули машины и начали спускаться вниз. Прибыли в исходную точку и там узнали о гибели командира полка полковника В.А. Сидорова. Он подорвался на гранате Ф-1. Посмертно представлен к ордену Красного Знамени.

11.10.1984 г.

День траура и прощания с командиром полка.

19.11.1984 г.

Разведвзвод 2 мсб под командованием старшего лейтенанта Касьянова в течение двух суток, под дождем, ведет разведку противника в районе перевала Угар с целью координирования действий наших подразделений во время очередной операции. На рассвете позиции разведвзвода начали обстреливать из стрелкового оружия, затем из РПГ и безоткатного орудия. Подтащили миномет и еще одну «безоткатку». Вторым выстрелом из БО были ранены старший лейтенант Касьянов С.Н., рядовой Карепин А.А., а младший сержант Потепалов Г.А. был контужен миной. Выведены из строя радиостанции Р-159 и Р-148. Осталась одна Р-157. Связи со взводом практически не было. Затем мятежники пошли в атаку. Они подобра-

вниз, к бронегруппе. Наши потери — один человек убит и три ранено.

15.02.1985 г.

Ночью 2-й мсб вышел на блокировку кишлака Карамугуль, к утру они заняли высоту вокруг кишлака. В 06:00 утра, как только рассвело, разведрота с разведвзводом 2-го мсб и хадовцами были выброшены десантом с вертолетов юго-западнее кишлака. Затем рота начала спускаться в ущелье, ведущее к кишлаку. Через 15 минут после спуска 2-й взвод доложил об уничтожении трех, захвате семи мятежников и оружия. Сразу после этого и первый взвод столкнулся с мятежниками, которые практически не оказывали сопротивления. Проверив ущелье, мы вернулись к кишлаку. Хадовцы приступили к проверке, а мы вышли к своим. Около 13:00 первый взвод получил команду выйти на высоту за кишлаком для прикрытия взвода 4-й мср, который понес потери, командир взвода лейтенант Звонарев погиб. После того как были эвакуированы убитые и раненые, поступила команда на отход. При отходе 4-я мср попала под обстрел с левого хребта. В результате 1 солдат убит, 1 ранен, 1 тяжело ранен в голову.

Результат операции: убито 13 мятежников, захвачено 14 мятежников. Захвачено оружие, в том числе 9 «Буров». Наши потери: 2 убитых, 2 ранено, 1 тяжело ранен.

В операции отличились: Егоров Н.В., Мухин В.Б., Гушин В.Е., Ревков С.И., Григоров Ю.И., Полеский С.И., Попов Д.Ю., Коробов С.И., Бурков Е.Е., Мороз П.Ф., Понькин В.А., Солонинкин В.В., Сергамасов А.В., Коваленко С.В., Андриенко А.И., Колесник С.В., Носов Ю.А., Сазонов В.Ю.

Афганистан

Евгений Баннов

Младший сержант

ПРИВЕТ ИЗ СОЛНЕЧНОГО КАНДАГАРА

(выдержки из писем домой и другу Юрию Афанасьеву)

Родился 23 июня 1962 г. в г. Волгодонске Ростовской области. Русский.

В 1984 г. окончил Волгодонский филиал Новочеркасского политехнического института.

В ноябре 1984 г. призван в армию.

В Афганистане с апреля 1985 г., проходил службу в в/ч п. п. 71176 «Ф» (г. Кандагар), командир саперного отделения.

Погиб 30 ноября 1985 г. при разминировании радиоуправляемого фугаса.

Похоронен в г. Волгодонске.

Награжден орденом Красной Звезды (посмертно).

Отец, Владимир Николаевич, и мать, Галина Борисовна, проживают в г. Волгодонске.

Из писем домой.

Без даты.

«Здравствуйте, родители, привет тете и всем друзьям!

Вот и закончил я «учебку», и попал для дальнейшего прохождения службы

в трижды орденоносную мотострелковую дивизию, которая во время Великой Отечественной войны, освобождая Ростовскую область, отличилась под Зимовниками. Так что надо продолжать славные традиции отцов и дедов.

Сейчас временно дивизия находится в ДРА, в районе Кандагара. Довольно напряженное, как говорят, место.

Пока я здесь только второй день. Все спокойно. Конечно, подрываются и здесь, и, бывает, не по своей вине. Но, если с умом служить, процентов на 80 есть возможность вернуться...».

«15 мая 1985 год.

Завтра уходим в рейд, так что дней 20 писать не буду. Может, больше. В общем, не волнуйтесь, жив-здоров, парюсь тут под кандагарским солнышком...».

«27 мая 1985 года.

Экзотики здесь хватает. Афганцы все бородатые, только взгляд дикий-дикий из зарослей волос мелькает. Недавно ребятки где-то обезьянку отловили.

Сейчас с ней играют. Довольно забавный зверек.

Летал на вертолете, уши сильно закладывает на спусках, зато панораму Афганистана посмотрел: горы, пустыня и в ней оазисы зеленые. Это, где города и кишлаки ...

Если что случится, сразу сообщат. Мы на выходе кладем в карман гильзу с бумажкой, где все данные. Правда, если на фугас налететь, то могут и гильзу не найти ...».

Из писем другу.

«27 мая 1985 года.

Здоров, Юрик! Молодчага, что написал. Мать мне выслала твое письмо.

Попал я в Кандагар, самое горячее место в ДРА — и насчет духов, и насчет жары. Сейчас до 50 градусов, а дальше будет и 70. Саперам здесь не сахар. Назначили меня командиром отделения. Где-то с неделю поработали здесь, а затем я залез в госпиталь и «протащился» там пару недель. Из госпиталя сразу пошел в рейд ...

Мне в голень пуля угодила, сейчас в медроту. С рейда сняли, на «вертушке» назад отправили. Лестели вчетвером: я с пулей в ноге, Разенбаев — на носилках, мертвый сержант и еще один труп, никто не знает — чей.

Сейчас убираю палату, тут один я с целыми руками, у других руки перевязаны. Вот и приходится протирать полки.

Пулю все собираются вынуть, да то хирург занят, то стерилизация какая-то. Может, завтра вынут.

Привет из солнечного Кандагара

А можно вынуть и на «гражданке», рана заросла. Но лучше тут.»

«12 июля 1985 года.

Привет из солнечного Кандагара: +60С в тени и еще теплее. Только пришли из рейда, чистили «зеленки» из ДШБ. Саперы впереди, сзади дозор и только в метрах 50 — рота. Уже привыкли и к пулям, и ко всему. Прешь по дороге со шупом — то с ДШК из «зеленки» поливать начнут, то из гранатомета прилепят. Только разрывы в метрах 6—10. В рейде сняли фугасов штук 8, противопехоток — штук 5. Так что работа есть.»

Из писем домой.

«23 июля 1985 года.

Погода по-прежнему жаркая, сухая. Пока поешь, потом изойдешь. В командировках едим виноград. Здесь он уже отходит. Виноград всех сортов. Недавно ел дыню, помидоры, так что витаминов хватает.»

«4 августа 1985 год.

На соки денег у меня хватает всегда. Нет у меня — есть у земляков. Недалеко от меня палатки, там парнишка из Сальска, на другом конце — пацан из Волгодонска. Со мной рядом, даже койки вместе, пацан мировой из Орловки, с ним мы постоянно вместе. Дружу и с другими. В общем, коллектив нормальный.»

Из писем другу.

«20 августа 1985 года.

Да, уже уходят из нашего призыва пацаны. Позавчера погиб в пустыне Гульмуратов, нашел ТЗ, начал отвинчивать крышку и взорвался. Ранен Ибрагимов на Панджшере.

Я по-прежнему мотаюсь на сопровождения, снимаем по 3-4 мины, все равно есть подрывы. Лейтенант решил расстрелять «американку», выпрыгивающую, ну и расстрелял... Так что, Юрик, аккуратнее с ОЗМ. Бывают подрывы техники, обычно в тех местах, где мы не проверяем.»

«30 августа 1985 года.

Войны хватает. Недавно с ДШБ получил: голова посечена, в руке осколок, но легко отделался. А когда на дороге лежал — не шевельнешься: от разрывов из минометов в метре не видно, и пули рядом ложатся. На те, что свистят, внимания не обращаешь.

Было рекордное сопровождение: за полдня сняли 13 мин и фугасов.»

Из писем домой.

«1 сентября 1985 года.

Учим молодежь саперному делу. Я руковожу в основном младшим призывом, все-таки командир отделения. Молодежь попалась бестолковая, латыши. Но стараются. Если что, гоняем по уставчику, как нас гоняли.»

«1 октября 1985 года.

Осталось еще половина службы в Афгане. 1,5 месяца — сборы, и домой, на Дон, в дождливую погоду. Здесь пока дождями не пахнет.»

«20 октября 1985 года.

Были на учениях. Я посмотрел, как десантники бегут, таскают на себе всякие боеприпасы, строевой занимаются. Так что в саперах хоть и опасно, но легче: у тебя шуп, автомат и «нагрудник» с магазинами. В «зеленке» легче ходить. Зимой банды уходят в Пакистан или по кишлакам рассасываются. Так что лето провоевали, остались осень и зима — не так уж много...».

«23 октября 1985 года.

Сегодня принимал участие в съемке учебного фильма. Попал, так сказать, в историю мирового кинематографа. Секунд шесть буду на экране сидеть в окопе с ножом в руке, смотря вдаль, а рядом Петька будет крутить ручку подрывной машинки...».

«14 ноября 1985 года.

Служба потихоньку идет, привезли молодое пополнение. Теперь есть кому ходить в наряды. А мне пора набирать вес, а то еще не признаете. Сейчас, хотя днем еще и загорает, но все равно уже прохладно. На здоровье не жалею...».

Из письма другу.

«14 ноября 1985 года.

Уже 18-й день лежу в госпитале, кто его знает, с чем. Ничем не лечат, на днях выпишусь, надоело уже.»

30 ноября 1985 года, выполняя боевое задание, верный военной присяге, проявив стойкость и мужество, Евгений Баннов погиб.

Из рассказа Владимира Мищенко, бывшего подчиненного Евгения Банного

«Мы вернулись из сопровождения, слышим, двое подорвались — один сапер и пехотинец. Я на Женю не подумал, ведь еще утром он был в госпитале и потому не попал в сопровождение. Оказалось, он. Послали на разминирование, он обнаружил мину, обезвредить не успел...»

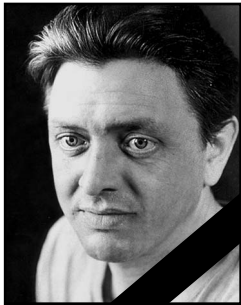
Вот и все. Сын подорвался раз, я подрываюсь каждый день, каждый час, каждую минуту с 1985 года.

Жизнь идет мимо.

Мы, родители, остались в том роковом году...

Галина Баннова.

Афганистан

Александр Банников

УЗЕЛКИ НА ПАМЯТЬ

Банников Александр Геннадьевич родился в 18 июля 1961 года в поселке Магинск Караидельского района. Учился в Магинской средней школе. В 1979 году поступил в Башкирский государственный педагогический институт, в котором проучился до апреля 1983 года. С августа 1985 года по октябрь 1986 года воевал в Афганистане.

В 1987 году восстановлен в институте. Участвовал в работе Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Северной Корее (1989).

Работал сантехником, плотником, кузнецом, газосварщиком, аккумуляторщиком, на кирпичном заводе, в лесу — обрубщиком сучьев, журналистом, учителем.

Печатался в журналах «Знамя», «Урал», «Истоки», газетах «Ленинец», «Русский курьер», «Вечерняя Уфа», «Советская Башкирия», в «Антологии современной русской поэзии Башкортостана», альманахе «Голоса вещей».

Автор книги «Человек-перекресток» и «Пятое измерение» (обе — Уфа, издательство «Китап», 1985 и 200 гг.)

Скончался 24 сентября 1995 года в Магинске.

В середине октября 1986 года наш полк пересек советско-афганскую границу. В Кушке нас встречали. Мы отмаршировали по вертолетной площадке перед приехавшими по этому поводу генералами и «мирным населением» (до чего же врезалась та, военная, терминология, даже сейчас я и не пытаюсь подыскивать иного выражения).

Но встреча была скомкана: нам дали полчаса на растерзание столов, на которых лежали арбузы, дыни, виноград, а потом — вперед, на место новой дислокации. Но ведь нам-то хотелось посмотреть на «наших», советских, которые и одеты по-нашему были, и говорили...

Молодые глазастые туркменочки глядели на нас без страха, но и без безразличности. Ребята, что побойчей, уже завязывали знакомства, спрашивали адреса. Это и понятно: кто-то год, кто-то полто-

ра и больше не разговаривал с женщиной. Те продавщицы и уборщицы, которые были в Афгане, не шибко почитали нашего брата — солдат. Для них мы были людьми последнего сорта. Хуже «духов». Чего хотя бы стоят те подписки, которые давал женский персонал: «обязуюсь не иметь никаких отношений с рядовым составом».

Когда полк отъехал от Кушки на приличное расстояние, то наша «летучка» /2/ была вынуждена вернуться обратно. Причину я уже не помню. Я попросил у прапорщика, чтобы нас с Андреем — моим напарником — высадили, а на обратном пути захватили. Прапор согласился.

Мы остались вдвоем.

Андрей по какой-то своей надобности сошел на обочину. Совсем не ожидая этого, я заорал не по-доброму: «Ты куда, сволочь! Подорвешься!» И, бросившись к нему, выволок за шиворот на дорогу.

Андрюха оторопел и тоже испугался. Только через несколько минут и одновременно до нас дошла вся нелепость моего поступка. Здесь не минируют обочины...

Потом мы обнялись и сели прямо на дорогу. Нет, мы не плакали. Мне кажется, что тогда мы еще не умели плакать.

Андрей сказал: «Это же птицы!» И точно — вокруг свистели, щебетали, чирикали птицы. Мы стали вспоминать: «А были ли в Афгане птицы?» Конечно же, были. Тогда почему мы их не слышали? Нам было смешно, мы перебивали друг друга. Мы будто бы накурились «смешного» чарса /3/...

Мимо нас проезжали машины. Водители нажимали на сигналы, махали нам руками, смеялись. Наверное, им тоже было удивительно видеть двух отставших от полка солдат. Они-то ведь знали, откуда мы...

Андрей куда-то отошел. А недавнее событие напомнило мне про другое. И началось...

В мае этого же года наша ремротовская «летучка» выехала на дорогу /4/.

Старшим был лейтенант. Наша конечная точка — Дилорам, где стояла полковая разведка. По пути мы должны были заряжать аккумуляторы, ремонтировать технику и т.д. Впрочем, о каком ремонте могла идти речь, если наша собственная «летучка» дышала на ладан: капризничал двигатель, кипел радиатор... Но мы, все четверо, рвались на дорогу, будто на свой дембель. Хотя знали и, более того, были уверены, что может произойти всякое. Но монотонные, изматывающие или бездельем, или вдруг навалившейся работой будни были страшнее, чем обстрел или подрыв.

Одним словом, запаслись дистиллированной водой, электролитом, взяли боезапас, сухой и — в дорогу!

...А теперь пришло время объяснить. С самого начала я называю своих ребят только по именам. Фамилии называть не буду, и вот почему. Еще неизвестно, как будут смотреть на «афганцев» через год, через десять лет. Это сейчас над нами витает ореол романтики и героизма... Не отвечать же моим парням за мою болтливость. Еще неизвестно, куда мотнет страну завтра...

Кстати, насчет болтливости. То ли у Фрейда, то ли у Юнга есть теория, что все события нашей жизни (в том числе и неосознанные) вытесняются в наше подсознание. И через какое угодно время они могут нас атаковать (сколько времени прошло, но я до сих пор предпочитаю спать один. Уже после Афгана — в Туркмении — во сне я чуть было не задушил своего соседа по койке. Что-то приснилось...)

Так вот, чтобы эти атаки были слабее, я и пишу эти записки...

...Едем дальше. Одному Богу ведомо, как наша машина выдюжила первые пол-

сотни километров. Причем ехали мы не в колонне, а в одиночку, что в этих краях смерти подобно, ибо одиночный объект — любимое лакомство «духов».

А почему не в колонне? Потому что так было надобно нашему «старшому» — лейтенанту. Лейтенант был «чижик», т.е. прослужил в Афгане менее полугода. Но это был «борзый чижик», то есть наглый сверх всякой меры. С первого дня взялся за дело. Цель его была такова: уехать домой с новой звездочкой, желательно — с наградами. Но главное — бакшиш, т.е. подарки, потому что в Афгане было чем поживиться.

Темными ночами он сам признавался мне в своем сокровенном. Причем с каждым разом — все красочней и красочней. Если не отвлекали посторонние шумы (взрывы, обстрелы и т.д.), то под его сладкое бормотание я и засыпал.

Откуда такое доверие? Я был старше на год-полтора. В прошлом у меня было четыре курса института. Лейтенант ценил меня и как собеседника — я молчал, смеялся и презирая в душе этого бестолкового, но самовлюбленного «чижару»...

Причем ехали мы не в колонне, а в одиночку, что в этих краях смерти подобно, ибо одиночный объект — любимое лакомство «духов».

В нашей машине помимо инструментов, дистиллированной воды и электролита были погружены водяная помпа и двухсотлитровая бочка солярки. Все это добыл в полку лейтенант, собираясь выгодно продать «духам». Поясню: «духами» называли всех афганцев — и мирных, и немирных. Потому что разницы между ними чаще всего не было.

Уверовав в нашу алчность, как в свою, лейтенант обещал щедро отблагодарить нас за предстоящую помощь, которую мы должны были оказать ему при продаже. Мы же с ребятами до поры до времени не разочаровывали «старшого» — уж очень хотелось всем вырваться из полка.

На 70-м километре закипел радиатор. Была нужна вода. Время — за 19 часов, т.е. наступил комендантский час. Помощи ждать неоткуда. Да и местечко, в котором мы были вынуждены остановиться, мало привлекало нас: слева к дороге вплотную прижимались горы, а справа за обширным полем простиралась зеленка /5/. Иного выхода не было: мы с Олегом — водителем «летучки» — направились к зеленке за водой. Взяв в руки пластмассовую бочку, неторопливо начали пересекать пространство, отделяющее нас от зеленки.

Но как неприятно было делать за шагом шаг — мы наверняка знали, что поле

заминировано... Молчали. Ждали взрыва или выстрелов из зеленки. Олег жутко пошутил: «И раздались из кустов два выстрела». «Молчи!» — заорал я на него. Наверное, у меня слабее развито чувство юмора...

Воды в зеленке не было.

Пошли обратно. Я себя поймал на мысли, что когда расстреливают людей и они становятся лицом к убийцам, то это, возможно, не от храбрости, а от склада характера. Олег сразу же успокоился и даже не смотрел под ноги. Мне же стало гораздо неуютнее. Идти спиной к зеленке было страшнее. Нет, лучше, когда стреляют в лицо (и еще я помню, что мне чертовски хотелось дойти живым и здоровым до «летучки», записать эту мысль в блокнот, в то время она казалась мне откровением...).

Дошли. Солнце закатывалось. И вдруг Мамед — четвертый участник «экспедиции» — ткнул рукою вперед и крикнул: «Там танк и машины!» Действительно, там, где дорога делала поворот, на расстоянии 2-3 километров от нас мы увидели технику, а потом расслышали шум мото-

ров. Почему не увидели раньше? Потому что чувство опасности и возможной гибели сначала притупляет зоркость, а потом напротив — обостряет. Хотя, может быть, я и ошибаюсь в своих «психологических» наблюдениях...

Мы стали стрелять очередями. Очередь — сигнал тревоги. Но наша стрельба, конечно же, была беспешной. Стреляя мы с расстояния каких-нибудь 100 метров, то и тогда на нее вряд ли кто обратил бы внимание. Вся дорога обычно сопровождается безумно стрельбой. По делу и просто так.

Лейтенант послал Мамеда вогонку. Я залез в будку «летучки». Через некоторое время туда забрался и лейтенант. Ждали полчаса. Вдруг где-то неподалеку с гор послышались выстрелы. Стали приближаться. Засада? Стреляют с «точек»? Но почему по нам?

— Почему молчит Олег?

— Я его послал с Мамедом...

Дела! Оставить машину без оружейной охраны — так может поступить или ребенок, или дурак. А лейтенанту тогда было уже двадцать четыре года.

Добравшись до окон, мы стали стрелять «дежурными», т.к. обзор

Узелки на память

был чрезвычайно ограниченным. Пытаться вылезти из «летучки» — безнадежное дело, пули уже пропарывали крышу машины и, будто речная галька по воде, прыгали по бетонке /6/.

Неожиданно, как и началась, стрельба прекратилась. Окружают? Подкрасться к «летучке» и положить в открытое окно гранату — плевое дело (потом я запишу в свой блокнот строчку: «И я догадался тогда, где смерть в человеке живет...»).

Бог миловал и на этот раз. Через несколько секунд мы услышали рев двигателей. Этот легкий обстрел как-то сразу вылетел из головы. Не помню, но мне кажется, что о нем я не рассказал даже ребятам.

Оказывается, они успели добежать до машин прежде, чем те тронулись. Помогли отремонтировать капризничавший танк, и вернулись за нами.

Через час мы были на точке — Каравангах.

Олег припарковал «летучку» к самой караулке, в которой было установлено несколько крупнокалиберных пулеметов.

Наверное, Олегу порядком надоели сегодняшние приключения, и он решил всласть выспаться.

Полужинали сухпаем, немного поболтали, потом легли. В «летучке» было очень душно, поэтому я забрался на крышу. Огромные звезды висели над самыми глазами. Их можно было потрогать рукою, но лень и дрема подавляли малейшее желание шевелиться. Я отыскал глазами семизвездный ковш, потом по всем

Афганистан

правилам нашел Полярную звезду (год назад я учил этому своих учеников...). Теперь я знал, где находятся мой дом, родители, дочь, жена...

Отчего я проснулся? Только не от взрывов, готов побожиться. Я крепко запомнил страшную тишину. А потом вдруг стало необычайно светло — взрывы, взрывы, взрывы! Спросонья они были страшнее, чем шлепающиеся где-то рядом осколки гранат и мин.

Вот как все это было:

...Сверчки тянут песню уныло-стоячую внутри тростникового лога? Или Земли дыханье свистящее, дыханье прострелянных легких? Время, как мышца, задергалось в тике? И вдруг его вовсе не стало — что-то белое накатило. Я утром понял: из стали. А ночью казалось кустами сирени — мгновенными кустами. Из ничего вырастали свирепы. Я утром понял: из стали. И кто-то дерзкий над нами встал, оградою гор пространство отмерив. Ночь, раскалясь, расцвела, будто сталь. Я утром понял: цвет смерти. И щебетали, как птицы, осколки, красные клювы вонзавшие смело в землю, в тела, в траву подростковую. Я утром понял: сад смерти. Но не было страха — цвел смертный сад, и двигалось тело провидчески мудро... Оглохли разрывы, сильный ослаб. Я утром понял, что это утро...

Но в тот момент до утра еще было далеко. Дело осложнилось тем, что наша «летучка» стояла на уровне бойниц караулки, в которых были установлены пулеметы. В следующее мгновение после начала обстрела над крышей «летучки» пронеслась струя пламени — это уже были наши крупнокалиберные пулеметы... О, какими только словами я тогда не помянул Олега! Мы снова были как на ладони.

Обстрел с двух сторон не прекращался в течение двух часов. Об этом мне скажут утром. А ночью время тянулось, уж поверьте мне, значительно медленней.

После обстрела ко мне на крышу залез Олег. Мы покуривали. При этом он и вида не подал, что ребята волновались за меня. А я и словом не обмолвился, что «вспоминал» Олежку во время обстрела. Поэтому на следующий день он и не подумал перебраться «летучку» на новое, более безопасное место. А я снова полез спать на крышу.

Обстрел повторился и в эту ночь. То, что он будет, мы уже знали. Об этом нам сказали ребята, стоявшие на этой точке. Ее обстреливали каждую ночь, потому что она была чрезвычайно удобна для этой цели. Казалось, что место для этой точки выбиралось специальное таким образом, чтобы ребятам не было скучно по ночам. Только вот как с ранеными и убитыми быть?...

А на крыше было не так душно. По утрам даже прохладно...

В дороге мы были полтора месяца. Были ситуации «повеселее». Но они запомнились меньше. Наверное, потому что они были уже вторичными. Человек привыкает ко всему. Риск и смерть — не исключение.

В полк возвращались в великом терпении. (Все, кроме летехи-лейтенанта). Нас ждали письма. Много писем. Веселый каптерщик вручил мне 24 письма: четырнадцать — от жены, шесть — из дому, три от сестры, одно — от друга.

А наш лейтенант был невесел по такой причине: дельце с маслом и помпой у него прогорело. Прогорело с помпой! И не без нашей помощи: мы и пальцем не шевельнули, чтобы помочь ему. А однажды ночью свалили весь этот скарб в какой-то темный угол, где уже лежала не одна тонна искореженного металла.

В полку, где я встретился с моим Капитаном (так я называю его в надежде, что когда-нибудь расскажу про него, как про настоящего офицера, в котором еще не истреблены гусарская кровь и порода во всех смыслах этих слов), о многих наших подвигах уже были наслышаны. Мой Капитан сказал: «Без меня на дорогу больше ни-ни. Особенно с этим недолетком...».

Фамилия у Капитана — Чернышев. За всю службу он ни разу не повысил на меня голос. При нем и зампотех сдерживал себя — мат сокращался вдвое...

...Кажется, я спал на обочине. Вернулся Андрей. Он что-то напевает. При этом вид у него вполне безумный. Интересно, а каков я?..

Андрей — счастливчик. Он ни разу не был на дороге — не успел. Поэтому ему будет проще рассказывать своим друзьям про Афганистан.

Примечания:

1. Эти заметки были написаны до того, как наши войска вышли из Афганистана.
2. «Летучка» — машина с будкой, в которой находятся инструменты для ремонта техники.
3. Чарс — анаша.
4. Дорога — так называли выезд из полка на значительное время по разным целям.
5. Зеленка — растительность, чаще всего располагающаяся по берегам ручьев, арыков.
6. Бетонка — дорога, проходящая через весь Афганистан, выложенная бетонными плитами.

А было ли это?..

Тихонов Вячеслав Александрович

О Вячеславе Тихонове известно немного. Рядовой. Служил во внутренних войсках. Был на войне с самого ее начала. Участвовал в штурме Грозного, где получил серьезное ранение. Был убит в 2004-ом году в Москве.

А БЫЛО ЛИ ЭТО?..

Чем больше времени проходит с январских событий 95 года, тем больше я начинаю думать, что это сон. Страшный кошмар, которому нет места в реальной жизни.

Я по жизни очень чистоплотный человек. Я не мог часами лежать в мерзко-липкой грозненской грязи, ожидая команды на штурм. О, эта чертова грязь! Кажется, она проникает в каждую клетку твоего тела, заливается в мозг, опустошая и выжигая его.

Мне тошно, когда я вижу сбитую собаку на дороге. А ведь когда-то я вытирал с «комка» мозги ротного и не испытывал никаких чувств, кроме «Слава богу — не меня. Я еще жив...»

Так было ли это? Не знаю. Только «поломанная нога» и запись в военнике ответят на это...

По дороге на войну

Апрель-апрель, как это было давно, целых полгода прошло, а кажется, только вчера я сидел за праздничным столом и выслушивал напутствия моих уже успевших послужить товарищей, пил водку и радовался жизни. А через полгода я навсегда выбился из этой жизни.

Чинно и размеренно колона выехала из «Северного», позади остались все страхи, переживания, сборы. По приказу наша Н-ская бригада внутренних войск получила приказ закрепиться в богом забытом селении Ханкала, которое, по идее, уже должны были взять. Хотя, если там несколько тысяч боевиков, я тоже не удивился бы. Тот маразм, который сопровождал всю первую чеченскую кампанию, достоин «восхищения». В «Северном» мы уже слышали про Крымскую бригаду (131-я Майкопская), которую почти в полном составе уничтожили. Но это казалось чем-то не реальным. Как можно уничтожить целую бригаду?!

В детстве моя дача находилась возле военного аэродрома под Можайском. Так завораживало приближение самолета, сначала тихий рев где-то там, вдалеке, потом резкий удар (как будто молнии), и вот он летит. Этот процесс можно сравнить, наверно, только с полетом мины.

— Вставай, боец, войну проспидишь...

Что случилось? Кто это надо мной? Почему он пытается отобрать мой автомат? Нет! Не отдам! Он мой!..

— Да что с тобой! Ну, да ладно, в первый раз не стыдно. Хватит, Славик, отдай, все равно патронов нет.

Потихоньку начинаю соображать. Я лежу на снегу, в побелевших от напряжения пальцах сжимаю свой автомат с пустым магазином. Пытаюсь разжать руки.

— О, очухался! Давай помогу, вставай и иди к третьей «шишиге», там нальют.

Встаю. Так, по порядку. Я — рядовой Вячеслав Александрович Тихонов. Служу в Российской армии. Черт, башка болит, провожу рукой по каске, вмятина, вот повезло, а ведь не хотел одевать, да бог с ним... Начинаю осматриваться — что, где, зачем.

Твою мать, суки, как так?! БМП был похож на горящий мусорный контейнер, кругом народ бежит, раненые, убитые, живые все — перепелелось...

Как потом рассказали, после прямого попадания мины в головную (как умудрились с первого раза, скоты?) БМП, я упал, разрядил очередью рожок в «молоко» и лежал неподвижно минут двадцать, пока не прекратился обстрел.

Зона ответственности была, кажется, «десантурская», но им, видимо, было некогда...

Чинно и размеренно колонна двинулась дальше. Как оказалось потом, начальство знало о возможном нападении, но мер принято не было. Из этого боя домой не вернулись 32 человека, включая двух офицеров. Они лежали в БМП холодным грузом. Вселяя страх в еще живых.

Потом было взятие Ханкалы, поход на Грозный (кирпичный завод), ранение и комиссия домой. Но это уже другая Война...

Чечня

Штурм Ханкалы

Эх, говорила мне Мама, учись, сынок. Не послушал, с треском завалил вступительные экзамены в один из Московских ВУЗов и с весенним призывом ушел в ряды могучей и непобедимой. Попал в одну из бригад ВВ и после недолгого КМБ — в разведроту. Отслужил полгода, и опостылела мне солдатская жизнь, думал уже бежать вешаться (а для верности еще и утопиться), как тут началась война. Точнее, войны там пока никакой не было. Как объяснили доблестные «отцы командиры», горстка чеченских пастухов хочет сделать свое стадо независимым, а это не есть хорошо (что-то в этом духе). Зато, говорят, день за три, боевые и вообще курорт в Карибском море (суки! мордой бы их в ханкалинскую грязь). Развесили мы почти всей ротой уши, да и написали рапорт о добровольном переводе на Северный Кавказ... Да мало ли таких!

Черт! Если выберусь, брошу курить, пить и тому подобное, но это потом! Сейчас надо продержаться! Где этот чертов БОН!

— Малява, сука, вызывай подкрепление, раздолбят ведь суки!
— Тебе десять раз сказали, через час будут, не раньше, если по дороге не спалят.
— Да через час нас в спичечном коробке хоронить можно будет!
— Ну, попроси духов прекратить стрельбу!
— Отступать надо, ротного убили! БОН где-то потерялся, десантура тоже уснула...
Надоело! Еще немного таких разговоров, и я сам впаду в истерику, надо держаться, отвлекаться, как только это можно,

в условиях этого ада. Тут, как по команде, огонь со стороны духов прекратился. Перестали свистеть мины, заглохли рикошеты, не слышно «аборигенских» воплей. Нависла тишина, которая была хуже свиста мин.

— У них что, патроны кончились?
— Да хрен, замышляют что-то суки.
Тут грохот пальбы раздался с противоположной стороны.
— Что там?
— Хрен знает!
— Мужики, это десантура! Точно, элита! Некому больше!

— Ура!
— Вали чертей!

Без команды, без ничего, все как один поднялись из укреплений и бросились к неказистым двух-трехэтажным зданиям. Духи быстро сообразили, что их теперь трахают с двух сторон. Часть их пошла на прорыв, но была почти без потерь с нашей стороны вырезана, остальных добивали долго и нудно. Зачистку зданий помню смутно (по дороге в Ханкалу контузило немного). А потом подошел наш долгожданный БОН и десантурские подразделения. А совсем потом понаехала целая минибригада «отцов командиров» и...

Тихий (насколько это возможно в Чечне) зимний вечер, сижу на ступеньках нового штаба, курю и думаю, что наконец-то все кончилось. Мы ведь ВВ — значит, менты, а дело ментов — охранять. Значит, Грозный долбить поедет десантура, а с меня хватит, навоевался!

Через шесть дней нашу бригаду отравили в Грозный...

Медаль

— Кто такая, бл...!
Непонятный набор слов на незнакомом языке.
— Что, оглохла, дура, или по-русски не понимаешь?
— Живу я здесь.
— Ага, понимаешь, так, где ты здесь живешь? На летном поле?
— В Грозном живу, на улице Тухачевского, в пятом доме.
— А здесь откуда?
— Чеченцы похитили и сюда притащили.
— Зачем?

— Не знаю, ворвались среди ночи, в машину кинули и привезли...
— Смайл, покарауль ее.
— Ты что, Москва, в командование заделался?
— Да не пи..., а карауль, пойдём, Игорек, отойдем.

— Что думать будем?
— Славик, тебя что, в эту Аллахом проклятую Чечню думать привезли? Ротному отладим, и дело к стороне.
— Ротный в беке догорает, еще светлые мысли будут?
— Да пошел ты!
— Сам пошел.
— Что шумим, разведка?
К нам подошел старлей из десантуры.
— Да вот, бабу взяли, не знаем, что делать, то ли снайпер, то ли бог его знает.
— Ладно, мы ей займемся, вон ваши БОНовцы подходят. Идите к ним.
— Товарищ старший лейтенант, но ведь мы ее взяли...
— Свободны, я сказал! Без вас разбежусь.

Через три дня один парень из десантурской разведки сообщил, что баба оказалась снайпером из Польши. Старлей за ее поимку железку на грудь получил. Да, будет, что бабам по пьяни рассказать. Герой, млять! Да, ладно, успехов ему.

Один день там

Грязно и скучно, кругом снуют новоприбывшие бойцы из какой-то бригады ВДВ. Целых три дня совместно с десанниками мы делали из Ханкалы неприступную крепость. Теперь стало немного спокойней. Духи прекратили свои нелепые вылазки по ночам, нас перестали гонять по поводу и без повода.
Да, трусоватые у нас генералы, на охрану крошечной Ханкалы выделили целую бригаду ВВ и батальон десантников, обещают еще и полк мотострелков пригнать. Где они только разместятся? Но это все лирика, а делать на данный момент нечего. Иду к радистам, надо быть в курсе событий, а то война кончится, а знать не будешь.

— Здорово, Метла.
— А, Москва, заходи, курить есть?
— Найдем, что нового?
— Да ничего, морпехи, десантура, мотострелки и Софринцы херачат «Минутку», Дудаев, мудака, не сдается, короче, жизнь говно, а солнце — е... фонарь!
— Что по нашей бригаде слышно?

— Ничего конкретного, стоим ждем, попутно охраняем «шакальское» командование...

Пытаюсь настроить другую волну на рации, треск эфира прерывается «чукотской» гортанной речью, один хрен не порусски, на хрен, едем дальше. Ловлю переговоры какой-то мотострелковой части — они зажали «духов» в пятиэтажке, никаких позывных и т.п., отборный мат, из которого выходило, что некий прапорщик Зиновьев имел сексуальную связь с одной из БМП, причем в место, которое на БМП сложно представить...

Хорошая вещь — растяжки, очередной поход духов за нашими «беками» был вовремя замечен.

Упитанный «Метла» за время моих радиоперехватов успел «приспать» и, подпрыгнув, наверно, на полметра, он смачно наворачнулся со стула и ползал по кунгу, пытаюсь одновременно нацепить бронник и подсумок для гранат; в итоге спотыкнулся о каску и с диким грохотом упал на пол. И было бы это очень забавно, если бы не было так печально.

За считанные секунды долетаю до своей техники, ишу глазами взводного, ага, вон он примостился за куском арматуры и с большим энтузиазмом хреначит

А было ли это?..

— ЗДРАВЬЯ ЖЕЛАЮ ТОВАРИЩ КАПИТАН! — Хотя некоторые кричали майор, некоторые полковник, в общем, всем было по фигу. По «уставшине», значит, решил, ну, ладно.
— Зовут меня Климентьев Петр Сергеевич, буду вашей ротой командовать... Ну, командуй, командуй.

— А что случилось со старым ротным? — это уже капитан спрашивает.
— Сгорел он, товарищ капитан, — это Ильдар вставил свое веское слово, вечно ему надо больше всех.
— То есть, как сгорел?
Меня начало нервно трясти. Ты что — мудака, капитан! Как сгорел! Курил неосторожно! Он и еще 16 человек! Не тяни резину и прямо говори — «Поедем Грозный долбить! Вон, дым какой поднимается. Только нашей бригады не хватает!» Все это прокрутилось в голове за ту минуту, пока Ильдар объяснял капитану, как было дело.
— Ну, ладно, сегодня уже поздно, а завтра хочу познакомиться с каждым лично. Все не занятые в нарядах — в расположение и спать. Завтра будет тяжелый день. Командиров взводов жду через десять минут у себя.

Ну, не везет нам на ротных. В три часа ночи духам понадобились наши БТРы, группой до двадцати человек устроили прорыв. Глупо! Во время непродолжительного ночного боя погиб только один человек — Климентьев Петр Сергеевич.

...Если следующий ротный спросит, как погиб его предшественник, дам в морду... устал... А там хоть «дизель»... надоело...

Просто так получилось

Чинно и размеренно колонна из четырех БМП выехала из Ханкалы. Черт! Ну, почему сначала чинно и размеренно, а потом каша получается?! Да бог с ним, потом разберемся, главное из этого разведрейда живым вернуться.
Приказ был краткий и ясный — узанать примерное количество «чехов» в районе нефтепергонного (или очистительного) завода в Старопромысловском районе Грозного. Причем применять «тяжелое вооружение», например, подствольники (!), категорически запрещалось, вступать во встречный бой тоже. Т.е. чуть что, закидывая духов портянками, и то свежими, а то, не дай бог, чего повредишь...

по душманам, которые в силу природной тупости вылезли на открытый участок. То ли мы и в правду неплохое воинство, а не стадо оленей, как объяснял нам комбат в «учебке», то ли духи нам попадались туповатые, но Ханкалу мы держали на совесть, и потерь в личном составе почти не было. Два «двухсотых» за шесть дней в январе 95-го в Чечне это неплохо, хотя плохо, очень плохо — ведь могло и их не быть.

Через несколько минут собрали сводный взвод количеством около отделения и пошли на прочес, естественно никаких духов в окрестностях уже не было, поставили несколько растяжек и «фонарей», ибо не хрена без нашего ведома в округе шариться.

Прошел очередной день, на очередной войне... Кому все это надо...

Ротный

— Мужики, через пять минут построение перед ставкой.
— Зачем?
— Мне не докладывают, но чую — по Грозному «гулять» будем.
— Еще не хватало! Тут два батальона десантуры.

— Не философствуй, мы люди подневольные, прикажут в Грозный, значит в Грозный.
— Е! А если из военной прокуратуры приедут, я автомат прое...
— Так ты что, с одним НР подвалы защищал?
— Да нет, у духа убитого отобрал какой-то.
— Так в чем проблема?
— А если номера пробьют?
— Да тут люди пропадают, а ты — автомат! На хер ты никому не нужен.
— Харе п..., олени. По ходу, нового ротного представлять будут.
И точно, вот он. Стоит красавец. В новом комке «голубой камыш», ну, прям, хоть Оскара получай. Посмотрим, что ты за фрукт.
Ну, ладно, начинай.
— Здравствуйте, товарищи солдаты!

Чечня

Через пару километров остановились. В разбитой пятиэтажке было замечено шевеление на втором этаже. Любовь духов к засадам выучили не понаслышке и решили не рисковать.

— Москва, Молява, Акула, Молот... за мной, второй взвод — обходите с тылу... Работаем, парни.

Короткими перебежками добегает до центрально подъезда, первым влетает капитан, за ним остальная пехота. Повезло, вроде чисто. На втором этаже тоже...

— Руки! Кто такие?! — слышится с третьего. Взлетаем вверх, и предомной открывается картина, которую едва ли можно забыть.

На грязном полу сидит девочка лет 10, рядом с ней женщина лет 30. Русские, но такие худые и измученные, что слезы невольно на глаза наворачиваются. Разведроты — не отделение Красного креста, но не могу, не могу, не могу... Не могу я них смотреть, что мне им сказать? Извините, люди добрые, защитники ваши пожаловали. Опоздали? Ну, что поделать, так получилось. Да, кстати, взять вас с собой мы не можем, у нас приказ. Что делать? Посидите еще немного, подмога в пути. Что? Чеченцев боитесь, и не ели несколько дней... Не могу, не могу, не могу...

Дом оказался чистым, саперы проверили его на взрывчатку и оружие, тоже чисто. Никого, кроме очередной разбитой Русской семьи. Кто за это ответит?! Для себя я это решил, ДУХИ! Ответят — и жестоко — подавятся своей независимостью!

Ведь у меня тоже дома жена и скоро будет дочь. Бл...! У меня же дочь скоро родится или уже родилась, в январе срок подходит. А я в этой проклятой Чечне. Черти что.

Женщин решили взять с собой. Один хрен, «бехи» в бою задействованы не будут. А в Ханкале разберемся, что к чему.

Еще километра через три подверглись обстрелу. Хорошо, что духи тоже воевать толком не научились. Подпустили бы ближе, авось, и подбили бы. А так только технику оставили. Разгруппировавшись, стали медленно продвигаться к горе искореженной техники как военной (а не майкопская ли это техника? Поймаю аборигена — обязательно поинтересуюсь), так и гражданской. Перед завалом небольшая насыпь из щебенки и битого кирпича, в целом, до этого «чеченского дота» метров сто осталось. Надо сделать передышку. Прыгаю в развалины какой-то палатки, рядом падает Игорек, он же Акула.

— Ну что, Славик, натянем пару черных жоп?
— Обязательно натянем, только не пару, а все.
— Как бы нас не натянули.
— Заткнись, там дух с РПК периоди-

чески перебежки в сторону вон того Т-72 делает. По ходу, не догадался дополнительные ленты поближе подтащить. Сможешь снять?

— Попробуем.

Через несколько секунд раздался хлесткий удар СВДхи.
— Есть! Ранил!
— Да черт с ним, один хрен, не боец. Ладно, прикрывай.
— Удачи тебе.
— Тебе тоже.

Как при взятии Ханкалы, синхронно вскочили из импровизированных укрытий и побежали в сторону завала. Духи явно не смогли еще оправиться от потери РПК, и толкового отпора оказано не было.

Вон показалась испуганная рожа, короткая очередь — и больше ее не видно. Вихрем врываемся на насыпь, лежит тот самый раненый пулеметчик. Что? Не стреляйте! Скажи это той Русской семье, урод! Аллах ждет тебя... А может, и нет...

Духов оказалось (убитыми) семь. Обидно, такой геморрой из-за семи духов. Стали осматривать технику. Да, неплохо духи запаслись, при желании (и умении) могли долго здесь держать оборону. Три цинка с патронами к калашу, заряды к гранатомету и — ЧУДО — кумулятивные гранаты, отличная вещь, для тех, кто понимает, конечно. Залез в искореженный Т-72, два обгорелых трупа, забрал у них жетоны и у одного обгорелый военник. Так и есть — Майкопская

бригада, в Старопромысловский район их занесло, чертова война и духи...

Дух выскочил из ниоткуда, я даже толком не понял, что меня повалило, только на уровне подсознания успел перехватить его руку, и нож, прошедший рядом с горлом, воткнулся в землю. Удар в живот коленом, после чего с локтя в лицо — и дух свалился с меня. Этой передышки мне хватило, чтобы подняться на ноги. Дух, успевший поднять свой нож, уже летел на меня с явным намерением убить. Но хрен тебе! Внезапно не получилось, а один на один тем более. Отработанным в «учебке» приемом выворачиваю его запястье и заламываю руку за спину, ловлю уже падающий нож и легким движением перерезаю горло. В гробовой тишине дух падает на землю. Я не хотел его убивать, само получилось. Вот так я и стоял с ножом в руке, запачканный духовской кровью и не понимавший, где и кто я. Скажи мне год назад, что я буду так хладнокровно убивать, рассмеялся бы в лицо. Долго еще этот дух снился мне по ночам. К черту, надо выпить, кажется в «бехе» водка была...

— Ложись!

Не понимая, что к чему, пытаюсь прыгнуть лицом в низ. Но в этот момент раздается взрыв, и обжигающая волна проходит по моей нижней части. Не успел я окончить прыжок, НЕ УСПЕЛ, НЕ УСПЕЛ, НЕ УСПЕЛ.

А было ли это?..

Очнулся в десантном отсеке «бехи». Красные круги перед глазами, не чувствую ног и всего остального. Что со мной? Пытаюсь пошевелиться. БОЛЬ! Адская боль. Ору на всю «беху», заглушая рев двух «газовых» движков. Подскакивает незнакомый медик.

— Успокойся, боец. Все нормально. — Вкалывает что-то в меня. И я почти сразу отрубаясь.

Очнулся в «Северном», уже без боли. Но тело по-прежнему плохо мне повиновалось, а правую ногу вообще не чувствовал. Медики сказали — повезло, мне повезло. А трем пацанам из моего взвода — нет... Почему?! Я что, особенный? Нет. Просто так получилось...

Мы были солдатами

Я солдат. Я им не был, но меня заставили, заставило государство, заставил военкомат, заставила собственная девушка. И я пошел, надел камуфляж, пришел нашивки, надел сапоги. Честно служил родине целых полгода. А потом была война, кровавая и страшная. Было возвращение домой, слезы, бессильные слезы девушки, idiotские соболезнования военкомата и полное наплеватьство государства.

Но я выжил, выжил, потому что я солдат, я не хотел, меня заставили...

И не надо меня жалеть, я не инвалид, я еще многое могу в этой жизни. Пожалейте лучше Сашку взводного, он уже не придет оттуда, он сейчас в АДУ, мы все там будем, потому что мы были солдатами, мы не хотели — нас заставили...

— Слышишь, мразь черножопая! Заставили, понял! Я не хочу больше убивать! Я не хочу больше хоронить! Не хочу, слышишь, сука! Хули ты уставишься на меня своими мелкими черными глазами! Ненавидишь, да?! Ну, и хрен с тобой! Я тебя тоже ненавижу, понял, мразь, ну не молчи, скажи что-нибудь! Зачем ты, падаль, убил взводного! Зачем ты своими погаными руками зарезал его как барана! Зачем, сука! Но ничего, я это исправлю, а шкуру твою постелю возле входной двери.

— Слава! Ты что делаешь! Он нам нужен! Да убери ты нож, отморозок чертов, совсем крыша съехала.

Я очнулся, я сижу верхом на только что взятом духе, я попросил Женю на минутку пустить меня к нему, хотел посмотреть в глаза сволочи, убившей Сашку. Не сдержался. Бывает.

— Извини, Жень, забирай своего духа.
— Он не мой, а государственный, тем более начальство про него в курсе. Тебя потом разведчики сожрали бы.
— Дундук, а я и есть разведка.
— А, точно, я и забыл, извини.
— Да ничего, это ты извини, пойду я.

Чертова война, что ты со мной делаешь? Ведь я не хотел, меня заставили...

Чечня

Виктор Коноваленко

1973 г.р., старший лейтенант, в/ч 01451

Погиб: 20.02.99 (не в Чечне)

ДНЕВНИК

(материал предоставлен Фондом «Право матери»)

НЕТ ФОТО

22.04.1994
7:35

Последний день в Ногинске. После обеда уезжаем. В среду, 20 апреля, разгружали уголь. На мои 9 человек всего два вагона. Потом были как черти все черные, до сих пор не отмывшись. Сходишь в баню — чистый, одеваешь форму — опять черный. Вчера, то есть в четверг, с утра ходили на работу: туда 6 км и обратно столько же — называется тактическое поле. Пришли, поработали, позагорали и обратно. Только ноги сбились. После обеда убирали территорию. Поставили баночку под березовый сок. Поллитра уже есть. Да, получили деньги. Осталось 15 тысяч. И еще 18 мне должны. Так что пока жив. Еще надо купить

фуражку — 25-30 тысяч. Слава Богу, хоть в наряд не поставили. У нас последний караул с воскресенья на понедельник. Сейчас будет развод батальона на работу. Уже строятся. Ну, я пошел.

Это был последний полевой выход, потом госэкзамены, сланные на «хорошо», и, наконец, 19 июня 1994 года на Красной площади состоялся выпуск молодых лейтенантов.

В добрый путь!

Секретно.
Экземпляр единственный.

Данной страницей я начинаю повествование о пребывании в Республике Ичкерия (Чечня) ровно через месяц после убийства из дома.

Дата: 13 августа 1995 года
Время: 11:10 (московское).

Прошел ровно месяц, как я уехал из дома. В Грозный прибыли после двух суток езды на поезде 16 июля. Первое впечатление — Сталинград 1942 года. Мы тут никому не нужны и находимся здесь в роли заложников большой политики. Единственная радость — прибытие твоего заместителя. Хотя срок командировки лимитирован (3 месяца), здесь ждут замену по 4, 5, 6 и даже 8 месяцев. Везде обмен. Такое ощущение, что все приказы издаются специально, чтобы разложить и дезорганизовать армию. Точной информации не даст никто. Все живут слухами. В отличие от ВВ и МВД, которых здесь называют не ина-

Дневник

че, как Вороны Войны, потому что копают все подряд, обирают местных жителей, устраивают беспредел, ходят в золотых цепях и перстнях, пьют пиво и едят шашлык, федеральные (просто армия) сидят в окопах, едят перловку и гречку, курят выделенные 10 сигарет «Полет» в день и при этом умудряются нести службу по 12 часов в день.

Служить становится некому. Здесь 70 процентов контрактников, пришедших кто за деньгами, кто за квартирой... (Неразборчиво)... уже в Югославии, Абхазии, Осетии, Прибалтике, Таджикистане и не представляют себе жизнь без стрельбы, хотя они далеко не профессионалы. Попадают такие, что спасаются здесь от тюрьмы, рэкета, и, наконец, кому просто захотелось острых ощущений.

Но, похоже, от такой службы с приходом нового комбрига, Мухина В.В., скоро разбежится вся бригада. Это человек низких моральных качеств, любитель выпить и подебосишить. Вроде, как на войне, все должно быть проще. И если в верхах (неразб.) мне, то в войсках война идет постоянно. Поступают

И поговорка: «Хороший солдат — замученный солдат» — это, по-моему, от них. Солдат за людей не считают. Их списывают на боевые потери.

Насчет денег. Отслужив здесь 4 месяца, военнослужащие приезжают домой, а денег нет. По радио говорят, что война «съела» 1 триллион 400 миллиардов рублей. Так кому это надо? Лучше бы выплатили все долги. То, что Ельцин, Грачев, заодно — этот говорят все. А события в Буденовске для того, чтобы показать американцам (Ельцин в это время был в Галифаксе), что чеченцы не хотят мира, что они «плохие». Когда в Шали задержали Басаева, то поступил приказ отпустить его.

Война все спешит. Она списывает самолеты, проданные ЗГВ, она списывает технику, проданную там же. Это отвлекающий маневр. Почему убили Холодова? Да, все потому же. Это дело рук Грачева и иже с ним. Нам не нужны министры, которые продают армию. Стране нужен честный человек, а не этот флегматик. Рыба гниет с головы, но чистить ее нужно с хвоста. У меня нет ...

Служить становится некому. Здесь 70 процентов контрактников, пришедших кто за деньгами, кто за квартирой... (Неразборчиво)... уже в Югославии, Абхазии, Осетии, Прибалтике, Таджикистане и не представляют себе жизнь без стрельбы, хотя они далеко не профессионалы. Попадают такие, что спасаются здесь от тюрьмы, рэкета, и, наконец, кому просто захотелось острых ощущений.

разные вводные, типа, чеченцы применили хлор, в результате 200 человек отправлены с ожогами легких в Россию. Постоянные нападения на блокпосты. Чтобы как-то себя обезопасить устанавливают сигнальные мины. Растяжки запретили ставить. А мины почти каждый день срабатывают, но огонь открывать запретили. Начали работать саперы. Снимают эти же самые растяжки, сигналки и оставляют блокпост голым. Все делается против федеральных войск.

Началась показуха. Проводятся занятия на тему: расположение батальона на месте и обустроенность лагеря в полевых условиях. Объясняет, что лагерь сделан из подручного материала. Подручный материал — это шалинская (неразб.), все что можно, в том числе и плиты, было привезено оттуда. Началась бумага, бирки, и, как результат, рапорта на увольнение. Если они каждый день заставляют копать, собирать мусор и т.д., то о чем можно говорить... Наша армия всегда славилась «дебилами» в верхах.

Но за мной стоит армия, от рядового до полковника, которые думают так же, но молчат. Потому что боятся. Боятся потерять работу. Боятся мести со стороны начальства. Никто не хочет лезть на рожон. А путч-93, когда Грачев не хотел вводить войска. Он трус, стоящий у власти. Сколько моих друзей погибло (неразборчиво). В танках на верную гибель, а потом он говорит, что один парашютно-десантный полк за два часа возьмет Грозный. Чеченцы — не та нация, чтобы прощать. Умирать не хочет никто. И все смерти на твоей совести...

Три месяца спустя выпал первый снег. И почти сразу же растаял. В нашей жизни не изменилось почти ничего. Готовимся к зимней кампании. Участились обстрелы. За две недели у нас подорвались семь... на фугасах.

Но у нас по-прежнему мир. Боевые действия на территории Чечни не ведутся. Это официальный ..., как и раньше, списываются на боевые потери. Даже если кто-то застрелился или перебрал

огненной воды. Жизнь здесь измеряется в копейках. Только родителей утешают — погиб при исполнении. Ну, и медальку или орден дадут. А тем, кто лишил его жизни — выговор. Почти постоянно перебои с сигаретами и хлебом. Сигареты дают только на срочников, тогда как 70 процентов здесь контрактники. Зато все продается, покупается и списывается. В БМО (батальон мгновенного обогащения) за небольшую цену можно приобрести все виды обмундирования. Хотя получить это в вещевой службе нельзя. Нужна все та же стеклянная печать. Немного о наградах. Чем отличается военнослужащий из БМО от такого из пехоты или танкиста, можно объяснить. Вторые постоянно в сопровождении колонн, сторожевом охранении или на блокпостах, то есть там, где опасность подстерегает тебя со всех сторон. А первые — ближе к кухне, начальству. Там тепло, светло, и пули не летают. Зато у каждого боевой орден или медаль. Это здесь тоже покупается. Не спорю, некоторым из них пришлось принимать участие в боевых действиях. Но остальные... Награжден за участие в войсковой операции (регулярный подвоз горячей воды старшим начальникам). Смешно и стыдно. Попадаются и «боевики». «Да, мы израсходовали пять боекомплектов, а результат! Ну, нас обстреляли, мы ответили, а там темно».

К зиме ближе начались переезды. Когда было сухо и тепло, даже разговор об этом не было. Чеченцам дали убирать урожай, они сказали «спасибо», а затем взяли оружие и... Наше умное руководство твердит: переговоры любыми путями. Какие переговоры, какой мир? Сидя в теплых кабинетах, крем-

Чечня

левские вскорыши думают о своих карманах. Почему до сих пор ни один политик не прислушался к голосу солдатских матерей? Всем не до этого. Как победить на выборах, вот для них первый вопрос. Ведь власть — это деньги и льготы. Предвыборные обещания сладки как мед. Единственный, кто может, по-моему, по-человечески отнестись, это С. Говорухин.

Деньги, гуманитарная помощь сюда не доходят. По документам есть, реально — нет. Русское население покупает эту «гуманитарку» у чеченцев. А эти «врачи без границ»? Они провозят и оружие, и наркотики под маской Красного креста.

(Неразб.)... будет продолжаться до тех пор, пока политики не одумаются. По сути дела, что нужно чеченцам? Суверенитета! Дайте его им. Как выразился один мудрец «берите, сколько влезет». Он хозяин своего слова: захотел — сказал, захотел — взял обратно. Так почему мы, простой народ, должны уважать его? Стране нужна твердая справедливая власть. Раньше военных уважали, гордились ими, а теперь плюют им в лицо и стреляют в спину. Кому нужно все это? Почему те, у кого есть деньги, могут позволить себе все, а те, кто охраняет их покой, вынуждены месяцами не получать зарплату, ютиться в общагах и казармах и мечтать о том дне, когда восторжествует справедливость?!

Завтра самолет унесет меня далеко от Чечни. И я буду вспоминать эти месяцы в кошмарных снах.

Не вращайте глобус, не найдете,

На планете Земля стран таких не отыскать.

Кроме той, роковой, в которой вы все не живете,

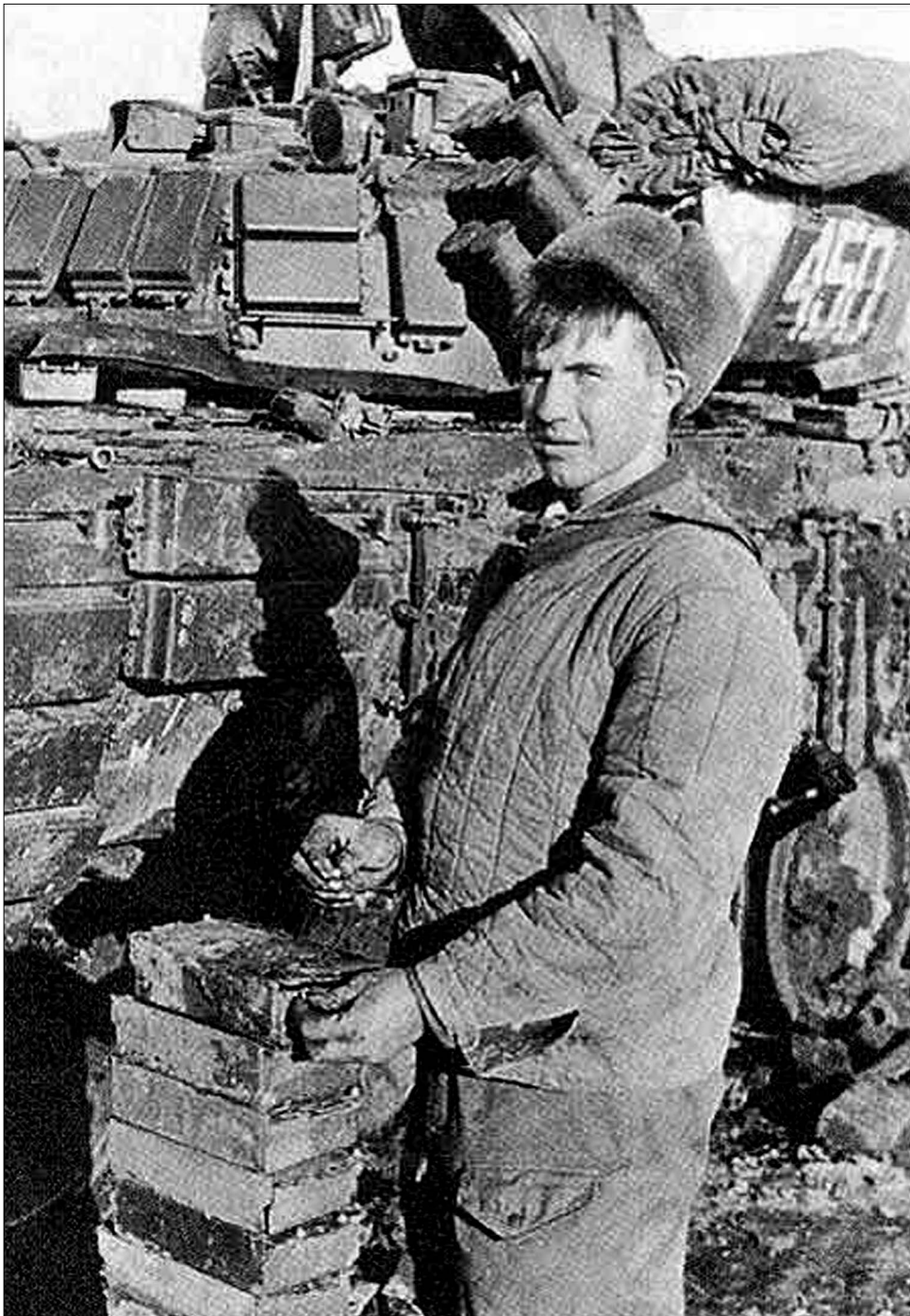
Потому что нельзя это жизнью назвать.

29.10.1996
12:10

Прошел почти год после возвращения из Чечни. Волосы на голове встают дыбом от разных мыслей. Страну привели к разрухе. Демократия — вещь хорошая. Хоть

и переводится «власть народа», а реально власть находится у группы людей, которая до нее дорвалась. Избранники народа! СМЕШНО! А эти избранники хотя бы раз подумали о народе, из которого они и выбились наверх? По 3-4 месяца не получают зарплату, ютятся в комнатухе, снятой в долг. Конфеты для (неразб.)... армия на грани развала. Да, осталось немного энтузиазма, ведь всю жизнь отдавать себя службе Родине, а сейчас оказаться выкинутым за борт

корабля под названием жизнь. У кого-то хватает сил держаться на плаву благодаря подачкам со стороны правительства. Кто-то ворует и тем самым еще существует. От безысходности, что они не в состоянии прокормить семью, когда дети страдают дистрофией, отдельные офицеры и прапорщики или заканчивают жизнь самоубийством, или стоят в переходах и просят милостыню. Зато строятся дачи, коттеджи, виллы для новых русских.

Дневник

Максим Быстров

1976 г.р., капитан, в/ч 25863

Погиб: 17.10.04 (в Чечне)

ДНЕВНИК

(материал предоставлен Фондом «Право матери»)

НЕТ ФОТО

13.08.2003 г.

Я пришел в штат в/ч 98311 — 71-й мотострелковый полк — на должность командира отдельной танковой роты. Как только я пришел в полк, мне все командование сразу же обрадовалось, все обещали мне помочь. Дело в том, что в этом полку, в танковой роте с 2001 г. уже не было командира роты, и в роте рулили все кому ни лень, в основном же, это были дембеля.

Когда я пришел в свою роту и представился сам (хотя меня должен был представить ком.полка) всему

л/с роты, то на меня поначалу смотрели косо. Вместе со мной в роту пришли и новые командиры взводов, все выпускники военных училищ, которые не видели еще службы в войсках, а знают только теорию. В роте получилось два офицерских состава. Это молодые лейтенанты и старые ком. взводов. Все они жили в казарме среди личного состава. Это была моя первая проблема. Дело в том, что старых офицеров никуда не убрали, про них просто забыли, и они от нечего делать начали пьянствовать, причем пьянствовать конкретно, с запоями, с приглашением баб, с музыкой, в общем, как положено. Я, как новый ком. роты, стал это дело прикрывать, но не тут-то было, как говорят — один в поле не воин. Я даже двух офицеров вывел на аттестационную комиссию, где командованием полка ничего конкретно решено не было, а у меня появилось еще больше проблем. Я обращался к командиру полка с этой проблемой, на что услышал ответ: «Ты капитан, дурак, что сам не можешь решить эту проблему, набей им морду и все». Для меня это было

чем-то вроде шока. После этого я продолжил заниматься ротой. Старался в роте сделать ремонт, поставить технику на ноги, но, как начиналась попойка, так все ломалось и рушилось. После этого мне ничего не хотелось делать. А тут еще солдаты, наблюдая все это бл...во, начинают потихоньку наглеть. Для меня было дико, когда говоришь солдату, что он заступает в наряд, он мог ответить, что в наряд не пойдет. Начинаешь на него орать — не помогает, начинаешь уговаривать, угрожать тоже не помогает, бьешь солдата — не помогает, так, мало того, после этого прибегают бойцы из старослужащих и начинают на тебя кидаться с кулаками, а ты один, остальные офицеры смотрят на все это со стороны. Я пытался с ними поговорить, но сначала это результатов не дало. Потом мне стало страшно, не по себе. Когда мы были в горах на ВМГВ н.п. Ведено, я довел бойца, он схватил автомат, направил его на меня, передернул затвор и сказал, что мне больше никогда не командовать в этой роте. Вот тогда пошли мурашки по коже, но пришлось его уговаривать, уни-

жаться, чтобы он сложил оружие. После всего этого я не мог спокойно смотреть на пьяных людей. В то время дела в роте шли не лучшим образом. Сюда я приехал, чтобы заработать деньги для своей семьи, но как я мог сказать, куда я потратил деньги и почему я так мало им присылаю. С меня многовато требовали за роту. Если бы начать заново, то я бы на многое бы забивал свой болт. Моя рота за офицерские деньги построила полностью — танкодром (35 т. руб). Моя рота обеспечила себе полностью штатную стрельбу (5 т. руб). В роте сделали везде освещение, комнату для хранения оружия, косметический ремонт (14 т. руб). На роту купили компьютер, принтер (10 т. руб). И это все делалось на офицерские деньги, так как ком. полка на солдат деньги не давал, сказал, чтобы сдавали деньги офицеры, а он потом будет закрывать «боевыми», но «боевыми» он закрыл только 12 дней и все. Когда я его спросил, почему так мало, то он мне ответил, что остальные деньги мы пропьем и что мы бездельники, и нам вообще не стоит платить.

Чечня

Потом была сдача танка в капитальный ремонт, где мы отдали порядка 40 т. руб. После этого мне стало стыдно, обидно за себя, что я хотел сам все организовать, сделать как лучше, но из меня просто все выдаивали, делая меня плохим и говоря, что я бездельник и не могу работать. Одно время у меня была даже мысль, сказать жене, что я непутевый чтобы она меня не ждала, зарабатывать

вас не убили», немного погода мы их, вроде, успокоили. Вечером один боец прибежал с калашом ко мне в канцелярию, у меня ствола не было, но был у Калинин. Вот картина, за столом сижу я, передо мной боец с автоматом, сбоку от меня новый ротный с автоматом на бойца. И вот мы его вдвоем уговаривали убирать этот ствол и лечь спать. А он, гад, нервничает и трясется. Но, в конце кон-

Теперь мне трудно. Трудно ехать домой с пустым кошельком. Трудно смотреть родным в глаза, что я не смог. Трудно общаться с людьми. И даже то, что мне раньше было все равно, теперь не все равно. Мне стыдно, но я начал многого бояться.

деньги, откладывая и копя, а потом при- слать много денег семье, только самому не показываться, т.к. стыдно, у меня же дети, что я им скажу. Валерии своей хотел в отпуске привезти компьютер, я же обещал. А я так и не смог, все деньги ух- одили сквозь пальцы, и ничего не оста- лось. Меня все это достало и я пошел к ком. полка. Я сказал ему, что это непра- вильно, что танковая рота — это его по- деление и чтоб он хотя бы немного по- мог мне. Разговор был длинный и не- приятный. После этого он мне сказал, чтобы я искал себе место в гарнизоне.

25.02.2004 г.

Ко мне в роту пришел мой заменщик, к-н Калинин Е.В. Поговорив с ним, я понял, что его послали ко мне на замену. Ком. полка мне сказал сдавать роту ему. Я его представил роте, тем самым сняв с себя все полномочия. Теперь команду «смирно» в роте кричали ему. Это тяжело, вроде бы ты ком. роты, ты ее еще не сдал, а в роте новый хозяин, и ты уже никто. При перемене влас- ти, солдаты тоже начали наглеть. На- чались пьянки сре- ди солдат. Как-то был такой случай: бойцы нажрались, стоя в карауле, вме- сте с командиром взвода и начали дебоширить. Тогда новый ком. роты, я и еще один взвод- ный пошли их ус- покоивать, на что они сказали мне «вы, тов. К-н, луч- ше уйдите, пока мы

цов, он уходит, и у меня появляется воз- можность выкурить спокойно сигарету. Новый ротный не спешит принимать ро- ту, потому что он не хочет всего этого. Здесь нет войны, здесь, как в тюрьме, убивают друг друга сами. Люди спивают- ся и сходят с ума. Это несерьезная армия, это как детский сад, все друг друга упре- кают и подставляют. В один прекрасный вечер новый ротный напивается с ком. нач. БТ полка, и они начинают стрелять в казарме. Сделали они 37 дырок в сте- нах, окнах, стеклах. Было много комен- датуры, управления полка с ком. полка. В общем, были разборки, даже и непри- ятные. Неприятно, когда в метрах двух от тебя летят пули. Их посадили. Ночью я за ними пошел и их забрал. Они были очень рады, что за ними пришли. Ком. полка сказал мне обратно принимать роту. На этот раз я отказался. По моей просьбе и.о. ком. роты поставили одного из ком.

взводов, а мне, капитану, предложили должность зам. ком. роты по вооруже- нию. Это ротный лейтенант, а зам. — ка- питан, расклад что надо. Я хотел дотянуть до конца контракта, поэтому согласился.

После очередной пьянки среди офи- церов, кто-то из моих доброжелателей сказал, что, когда мужики были на «гу- бе», я в это время спал. И понеслось. В общем, меня опять сделали дураком, пришлось биться, но это было бесполез- но. «Ты не пьешь, значит, ты работаешь на ФСБ. Ты специально такой тихий, чтобы нас сдавать.»

Это детские изречения, но неприят- но, да и после этого тяжело работать дальше. После всего этого я написал ра- порт об увольнении из ВС РФ по несо- блюдению контракта со стороны МО РФ, т.к. мне не было предоставлено жилье.

Теперь мне трудно. Трудно ехать до- мой с пустым кошельком. Трудно смот- реть родным в глаза, что я не смог. Труд- но общаться с людьми. И даже то, что мне раньше было все равно, теперь не все равно. Мне стыдно, но я начал многого бояться. Я не могу многого объяснить, но после всего этого я не хочу служить в ВС РФ на командных должностях. Мне все надоело.

02.05.2004 г.

PS. Я до сих пор еще ком.роты, и мне до сих пор компостируют мозги... Когда же это кончится.

Сегодня 21:02

Мою роту начали ставить в воору- женный патруль по госпиталю. Это по-

Дневник

мнишь, когда госпиталь взорвали, вот после это- го стали и в Ханкале гос- питаль усиливать. Вот сейчас и моя рота вместе со мной заступает в гос- питаль. Мы теперь туда часто будем ходить. Я туда заступаю сразу на 4-ро суток и не меняюсь. Но говорят, что там хо- рошо, тихо, спокойно и кормят неплохо.

Наш полк хотят пе- реводить на боевую го- товность «повышен- ная». Ком. полка сказал, что праздник 23 февраля и 9 мая — это дни траура в Чечне, т.к. непременно жди беды и что-то бу- дет.

У нас здесь на за- ставе капитан, ком. ро- ты застрелился, говорят, что не выдержали нер- вы. Вот так здесь все по- тихоньку сходят с ума, только кто в боль- шей мере, а кто в меньшей. Я тут частень- ко с фсбешниками общаюсь, так вот, они мне сказали, что в ближайших аулах про- пало спиртное, т.к. к власти пришли вах-

можно сказать, даже романтика, вот только адреналина в избытке, куда бы потратить. Охота куда-нибудь рвануть пострелять, повоевать, а то на месте уже засиделся, надоело, охота разнообразия.

Сейчас на выезды и в наряды даже запретили магазины к автома- там пристегивать, это чтобы не пугать местное население. А сами «чехи» ходят по гражданке и под куртками у них или пис- толет, или автомат с магазином. Вот и спрашивается: а на ка- кого хрена мы здесь вообще нужны?

хабиты, а им спиртное употреблять нель- зя. Также они мне рассказали один инте- ресный случай, как издевались над нашим офицером, это было вот недавно, когда офицера взяли в плен. Сначала офицера месяц продержали в зиндане, а потом, не добившись от него ничего, взяли красный острый перец и засунули ему в задницу, после чего он умер. Вот та- кой здесь мир. Только мы «чехов» трогать не можем, а нас — пожалуйста.

Сейчас на выезды и в наряды даже за- претили магазины к автоматам пристеги- вать, это чтобы не пугать местное насе- ление. А сами «чехи» ходят по гражданке и под куртками у них или пистолет, или автомат с магазином. Вот и спраши- вается: а на какого хрена мы здесь вооб- ще нужны? Я тут тоже чувствую, что схо- жу с ума, спиртное здесь с добавками, т.к. нормального нет, да и без женщины уже считай скоро, как год будет, тоже тяжело, а каждый вечер в душе..., так это не то, да и надоедает. В общем, здесь весело,

То, что здесь пишу, об этом не надо и необязательно знать другим, матери, детям. Когда приеду домой насовсем, тогда, может быть, расскажу. Да и тебе это ни к чему, просто хочу, чтобы ты по- няла, что не стоит сюда ехать, тем более с ребенком, и это не из-за того, что я не хочу, а из-за того, что это опасно. Здесь, в Чечне, начинаешь понимать прелести жизни и смысл жизни, понимать то, что раньше не понимал, к чему-то относился спокойно, к чему-то с настороженнос- тью. Нас снова начали обстреливать, т.е. не так открыто, как ты думаешь, а втиха- ра. Сейчас здесь идет партизанская вой- на.

Вот, например, крайний случай. Моя рота, почти в полном составе, выезжала в Шали на штатную стрельбу, ехали мы на усиленных бронеуралах, на двух ма- шинах, с нами в колонне ехали еще шесть бронеуралов плюс три бронетранспорте- ра. Оружие было только у меня и двух ком. взводов. Когда доехали до развилки

дорог, я пошел на Шали, а остальная ко- лонна свернула на Борзой (они везли контрактников на новое место службы). Примерно спустя три минуты, когда я был уже на горке возле Шалинского блокпоста, ту колонну подорвали и обст- реляли из кустов, наши даже не успели и пикнуть. Буквально 3 минуты и все, ни- кто даже и не понял, что было, и машины разворачивать нельзя, себя подставишь, людей, пока спешу с поста поспели, все было кончено. Когда ехали обратно из Шали в Ханкалу, ехали на двух Уралах, без сопровождения, ехали быстро. Вы- держивая большую дистанцию, но, вро- де, обошлось, правда, при подъезде к Ханкале, между машинами пытался влезть какой-то «чех» на Жигулях, при- шлось его бортонуть и подвинуть, чтобы не мешал. Мои взводные потом пережи- вали, мол, как так.

На рынке, бывает, что до сих пор по- стреливают. В полку за эти два месяца взорвали один БМП и положили порядка 20 человек. Это телевидение молчит, что- бы не ссориться с Кадыровым. На выбо- ры президента и на 9 мая обязательно что-то будет. Вот только я тебя прошу — не надо расстраиваться, у меня все нор- мально, я жив, здоров и невредим, при- еду в летний отпуск, я тебе это докажу, если дождешься. Я, например, без секса уже начинаю потихоньку с ума сходить, скоро на потолок полезу и волком завою. Хотя иногда бывает, так забегаясь, что забываешь, как тебя звать. На отдых вре- мени нет. Подъем в 6:30, отбой в 1-1:30. И так каждый день, даже в воскресенье,

Чечня

но это уже вошло в привычку. Не пове-
ришь, но я даже вшей где-то успел подце-
пить, здесь это возможно. Спиртных на-
питков здесь нет хороших. Вот, напри-
мер, выпиваешь бутылку пива и как
наркоман, а все из-за того, что в нее до-
бавляют карбид, это тот самый, который
в сварочные аппараты идет, потом хо-
дишь, как дурак, и половину не по-
мнишь, что было, сходишь потихоньку
с ума.

Мне очень перед вами неудобно
и стыдно за то, что я не могу вас обеспе-

монтам батальоне, меня наконец-то за-
метил зам. по вооружению дивизии, ка-
питан БТ дивизии и предложил мне об-
ратно принять роту, но я отказался.

В рем. батальоне опять почему-то за
свои деньги нам пришлось покупать ар-
гонную сварку за 3 т.р., на покраску тан-
ков ушло порядка 8 т.р. Тут ком. полка
захотел вые... перед ком. дивизии и сооб-
щил, что мы танки сделали и готовы
к выезду, что он его приглашает посмот-
реть на «Ханкалинскую мощь» (кто за
язык тянул).

*Вот тогда я впервые накрывал на горящем танке горящие сна-
ряды, вот тогда я впервые открывал крышки трансмиссии,
накаленной до красна, руками, тогда на руках была горящая ре-
зина, и это не чувствовалось, так как сзади меня были другие
люди.*

чить деньгами в полном объеме. Дело
в том, что деньги сейчас платят не сразу
все, как раньше, а по частям. Вначале да-
ют получку, чуть погодя, полевые, потом
боевые. Боевых меня командир периоди-
чески лишает, да, вдобавок, с меня нача-
ли высчитывать по две тысячи с каждой
получки.

09.05.2004 г.

Меня на аттестационную комиссию
вызвал зам. ком. полка, на рассмотрение
меня для дальнейшего пребывания
в Ханкале. Он был очень возмущен, что я
написал такой рапорт, очень сильно на
меня орал, угрожал, сказал, что я бес-
совестный капитан, что мне надо иди
в Грозный жить и мне вообще не мес-
то в армии. Я по-
пробовал было с ним
поспорить, но по-
нял, что с дураком
спорить бесполезно.
Зам. по тылу — на-
оборот — одобрил
мой рапорт, сказал,
что побольше таких
рапортов и, может,
полк бы обеспечили
малым фондом. Так
они ни на чем не со-
шлись, отстранили
меня от роты, но ро-
ту, я до сих пор ни-
кому не передал. Ис-
полняет обязанности
ком. взвода, а с меня
три шкуры дерут.
Когда стали танки
ремонтировать, в ре-

Ком. див. пришел и сказал, что все
хорошо, но все танки следует укомплек-
товать полностью. Ком. полка сказал
мне, чтобы я «рожал», чтобы он не опо-
зорился. В своих словах перед ком. див.
легко сказать «рожай», а это 20 ДКБ, бр
/ст. Я пытался с ним поговорить, чтобы
он мне помог, но какого там! Пришлось
идти к зам. по вооружен. див. и к нач. БТ
див. Объяснять всю ситуацию, они вроде
бы поняли. Они говорили с ком. полка.
Если он не примет решение, то в Москву
он может не рыпаться, на это «КЭП» от-
ветил, что, если они его отложат, то тан-
ковая рота вообще зае... и больше ни ко-

пейки не увидит. Меня поставили перед
выбором. Я им сказал, что если так бу-
дет, то мне пох..., я пойду в суд и отпра-
влю заявление в Московскую Генпроку-
ратуру.

Вроде бы подействовало — успокои-
лись. Но ненадолго, «КЭП» сказал про-
вести у меня в роте инвентаризацию с по-
следующим удержанием с меня всего.
Пришлось всем этим проверяющим про-
ставляться, чтобы не было недостачи.
«КЭП» не поверил, обещал назначить
повторную инспекцию. Как бы меня не
отправили в отпуск, а пока меня не будет,
начали копать. Надо как-то роту переда-
вать срочно. Но решения на замешение
нет. Блин — я опять в центре событий.
Как они меня все затрахаи.

21.06.2004 г.

Я написал рапорт на основной от-
пуск за этот год, в рапорте указал, что
в связи с болезнью дочери. Исполняю-
щий обязанности ком. полка (ЗКП) этот
рапорт не подписал. Я к нему подошел,
объяснил всю ситуацию, на что он мне
сказал, что сейчас он меня отпустить не
может, так как некому официально пере-
дать роту, вот когда ком. полка из отпус-
ка придет, тогда он примет по мне реше-
ние и тогда, может быть, я поеду в от-
пуск, а то, что у меня ребенок болеет, его
это не волнует, а чтобы я сам не сорвался,
нач. фин. запретил мне деньги выплачи-
вать, даже зарплату. Вот такой разговор
неприятный получился. Меня как током
дернуло после всего этого. Я пришел рас-

строенный в роту и напился до чертиков,
проклинал всех и каждого.

22.06.2004 г.

В 6 утра меня разбудил мой командир
взвода со словами: «Тов. к-н, вставайте,
война началась, вы с ротой должны уси-
лить госпиталь и быть там должны уже
через 20 минут». Вот, блин, поспал назы-
вается, пришлось быстро собраться, всех
вооружить, даже кофе не успел попить
и уже через полчаса я был в госпитале,
всех проинструктировал, расставил по
постам, а сам пошел с биноклем на кры-
шу смотреть, где идет война.

Но как таковой войны не было,
по крайней мере, у нас не было. Там, где-
то в лесу, да в горах стреляли, а у нас нет.
Стало обидно, что тебя подняли без тол-
ку. Пришлось день проторчать на крыше,
а вечером ЗКП сказал, что вся пехота уезжает на
заставы и ВМб, а моя рота
и еще одна рота пехоты,
будут через сутки в наря-
дах и караулах друг друга
менять. По несколько раз
на день, да и ночью верто-
леты летают и обстрели-
вают лес и горы, уже на-
доели, шумят, зараза,
спать мешают.

Никакой войны здесь
нет, сами себя боимся.
Уже надоело, хоть бы
конкретно задачи выпол-
няли, а то все кого-то бо-
имся, бумажками занима-
емся, да строевыми смот-
рами, а воевать боимся.
Боимся «чехов» обидеть,
ведь впереди выборы но-
вого Чеченского прези-
дента. Вот и целуем их в ж..., как козлы.

Интересный факт. Когда наши воен-
ные воевали в Афганистане, то когда на-
падали на колону, наши вертушки сши-
бали эту колону, чтобы басмачам ничего
не досталось. А здесь, в Ханкале, есть
РАВ склад, один из лучших на все воору-
женные силы. На этом складе все виды
вооружения и все виды б/п. Вот если
вооружить полностью всю дивизию,
то можно будет целый месяц, если не
больше, воевать, ни о чем не думая.
Склад очень большой и охраняется всего
лишь одним караулом, в состав которого
входит 1 офицер и 20 солдат. После того,
как взяли ментов в Назрани и в Ведено,
начались боевые действия в Атун-Хале,
то мою роту хотели поставить в этот кара-
ул. Я всеми руками и ногами упирался
и говорил, что мои бойцы в караул идти
не готовы и что я нервный псих; кое-как
отказался и сейчас через сутки хожу на

Дневник

усиление госпиталя. Просто все наряды
в составе всей роты, или куда заступает
большинство п/с — заступаю я, так про-
сто, да уже и налажена служба, как-то
уже все знают мои требования, и я знаю,
кто на что, в случае чего, будет способен.

Вот, называется, и съездил домой,
хотя уже жене пообещал. По всей Чечне
объявили стоп-колеса и всех поставили
на уши. Вот так мы здесь живем и защи-
щаем Родину, только неизвестно от кого.

24.06.2004 г.

Вечером нас всех перевели на боего-
товность «повышенную». Подняли це-
лую мотострелковую роту в район раз-
рушенного моста, это который между
поселком Мечурино и Грозный. Целую
ночь над полем светили осветители, а ут-
ром привезли солдата подорванного на

лы по направлению на Аргун. Я выгнал
танк, приехал в назначенный район,
и там у меня этот танк, полностью гру-
женный б/п и топливом загорелся, заго-
релся двигатель. Танк перегрелся, да и на
улице под «полтинник». От поста до этих
гребаных складов — 200 м, 100 м — заста-
ва и вокруг ни души. В этот момент, я
проклял всех и, наверное, вспомнил на-
шего Господа Бога. Пришлось тушить
подручными материалами — это вода
от души и песок. Четыре человека за
20 мин. перетаскали около 1,5 т воды,
во всякой разной посуде — вплоть до
«полтарашки». Вот тогда я впервые на-
крывал на горящем танке горящие сна-
ряды, вот тогда я впервые открывал
крышки трансмиссии, накаленной до
красна, руками, тогда на руках была го-
рящая резина, и это не чувствовалось,

так как сзади меня бы-
ли другие люди. Хотя
в танке нет снарядов,
но этого хватило бы на
всех.

После того, как я
и мой экипаж потуши-
ли танк, приехали все
от ком. полка до пожар-
ной команды, и все
в один голос утвержда-
ли что я «полный пидо-
рас» и я буду за все пла-
тить, и поеду в тюрьму.
Через 2 дня я, заменив
все своими силами и на
свои деньги (12 т.р.),
завел мой танк и по-
ехал, вот тогда эти тва-
ри заткнулись, т.к. им
сказать нечего было.
Вот так мы и живем
в этом дурдоме. Я —
танкист — горжусь этим и я горел в тан-
ке, но все равно я для них «козел», пото-
му что они сами «козлы». Они живут,
благодаря моему экипажу.

09.07.2004 г.

Ко мне подошел «мой» замполит ро-
ты и спросил у меня совета. Дело в том,
что надо подавать данные в полк на «на-
градные», на и.о. ком. роты, на ком. взво-
да и на самого замполита. Так вот им бы-
ло интересно, как правильно все сделать.
Ком. взвода, он был на выезде под Гроз-
ным, можно ему что-нибудь приписать.
Что посоветовать замполиту, я не знаю.
А вот и.о. ком. роты можно дать медаль
смело, за подвиг («Интересно за какой,
он же из роты никуда не вылезает?») —
А мы напишем в представлении, что он
участвовал в тушении пожара на танке,
который у меня горел. Только не я его ту-
шил, а он, а меня там вообще не было,

мине, он еще немного жил, потом помер.
Войны так и не было, «чехи» на нас не
нападали.

02.07.2004 г.

Я составлял акт спасения б/ч, смот-
рую в окошко — подъезжает БРДЖ, все
кричат, матерятся, смотрю, с него доста-
ют бойца, кладут в плащ-палатку и несут
в госпиталь, а у бойца нога оторвана до
кости — кровь фонтаном бьет. Как потом
выяснилось, этот боец хотел семги поесть
и пошел прямо на минное поле, так и
взорвался. Хотя, наверное, домой при-
дет «героем».

04.07.2004 г.

Мы собрали ВМТ на Грозный, с це-
лью захвата г. Грозного. От меня пошло
3 танка вместе с ком. взвода. В обед мне
сказали, что я должен выставить один
танк на железной дороге в 2 км от Ханка-

Чечня

вот за спасение танка, л/с экипажа, за спасение РАВ складов ему положена медаль. Что самое интересное, в полку это «проглотили», теперь у парня будет медаль. А у меня никогда ничего не будет, ни денег, ни карьеры, ни говоря уже о большем. Я, наверное, бомжем должен быть и то, наверное, не с ходу.

Я вообще в этой жизни ничего не могу и у меня ничего не будет, я ... человек. Мне

по жизни написано, за всех «п...» получать и за всех г... убирать.

В последнее время я стал чаще обращаться к Богу и разговаривать сам с собой. Когда меня начинают доставать, я обещаю всем, что я их убью, а если не смогу убить, то их Бог покарает. На меня стали косо смотреть и предложили обратиться к психиатру, после моих нервных срывов и нервных выпадов, я ни к кому обращаться не собираюсь, я нормальный человек. Моя беда в том, что я не могу отказать людям, а они, твари, этим пользуются.

08.10.2004 г.

Вот снова я пишу тебе письмо, это письмо получится самое большое, которое я когда-либо писал. Оно написано разными пастами, разными почерками и в разное время. Получается не письмо, а дневник, мой маленький мир, моя жизнь.

Письма я пишу в основном, когда стою в наряде, а так на письма нет времени, как я уже писал раньше, здесь нет выходных, а значит, нет и свободного времени.

В последнее время на меня находит какая-то хандра, постепенно здесь становится все безразлично. Здесь, как в инкубаторе. Такое впечатление, что после конца света уцелели одни военные, люди в форме, здесь даже женщин нет нормальных, или военные, или чеченки, а они такие, что даже смотреть в их сторону не хочется. Здесь хуже, чем в курсантском училище, и гораздо хуже. Чем на большой земле, там, в России. Там хоть можно куда-то сходить и на что-то посмотреть, здесь такого нет. Здесь 12 застав вокруг Ханкалы и 4 КПП, вот

далее этих КПП никуда и не пойдешь. Как утром надел военную форму, так только вечером ее и снял. Единственная радость здесь — это маленький цветной телевизор, который смотришь ночью, ночные новости и собака, которую иногда надо кормить — больше здесь ничего не радует. Здесь даже комары чеховские, вредные и противные. Иной раз заходит такая мысль, что когда-нибудь и у меня крыша съедет или как здесь все, просто сопьюсь и тогда стану никому не нужным. Это пугает, но я пока держусь, вот только, сколько так смогу продержаться, я не знаю. Это как психологический тест, когда тебя проверяют, насколько крепкие твои нервы. Сперма бьет в голову и льется из ушей — и начинаешь быть волком, а что делать.

11.10.2004 г.

Заступил в наряд по полку, ждал, когда позвонишь, но ты не позвонила, может, что случилось, или еще что, я не знаю. С одной стороны хочется, чтобы вы были рядом со мной, а с другой сторо-

ны, вам тут делать нечего, здесь убого и плохо, не для вас. Одному еще можно привыкнуть, а вы не сможете. Здесь в офицерской столовой дают печенье «Избербаш» в него входит какой-то состав, какая-то добавка, специально чтобы член реже стоял (такое печенье дают солдатам в военных училищах), так у меня по утрам он перестал вставать, ты представляешь, а я это печенье пачками жрал пока не узнал, вот гады. Очень часто думаю о нас с тобой, о том, как можно было бы заняться сексом, где и сколько раз. У меня такое впечатление складывается, что я из-за этой чертовой службы никогда... но видно мне этого не дано. Я, наверное, как был бездарем, так им и помру. Ты, пожалуйста, не обижайся, что получилось как-то грустновато, но я хотел бы чтобы ты знала, что у меня на душе и в голове, если вдруг случится что, а оно, скорее всего, случится, то ты будешь в курсе и, может, не будешь на меня так сильно обижаться.

...но так и не получилось с тобой поговорить. А потом я поехал по ближним частям устраиваться, договариваться. Поездил, посмотрел, везде хорошо, где меня нет.

Но опять же, чтобы устроиться где-то на хорошую должность, нужно подписывать контракт и нужны деньги (примерно «штука» баксов) вот такие проблемки.

Но я подумываю всерьез, забрать вас сюда и послужить здесь еще немного, чтобы денег зарабатывать. Начал сдавать роту и ротное хозяйство. Командование полка на меня хочет завести уголовное дело за «беспредел». Но я проконсультировался в прокуратуре, и мне сказали, что я это дело выиграю, вот только записи в личном деле будут соответствующие.

Но это ерунда, я просто так не сдамся, все равно кого-нибудь за собой утащу. Но я духом не падаю, я верю, что эта черная полоса пройдет, и наступит белая, светлая полоса, и в нашей жизни, в нашей семье все будет хорошо, и все мы будем счастливы, и у нас все будет. Не может такого быть, чтобы все было плохо.

Письма с войны

Айгиз Зайнутдинов

ПИСЬМА С ВОЙНЫ

Рядовой Айгиз Зайнутдинов (1976-1996)

В Чечне в составе 34 ОБРОН, май 1995 — март 1996гг.

Погиб 6 марта в Грозном, похоронен 26 марта в Республике Татарстан.

Родители Айгиза получили из Чечни 5 писем. Четыре из них написал сам Айгиз, а пятое пришло после его гибели.

Орфография и стилистика Айгиза сохранены, опущены предложения, касающиеся лично и только родственников Айгиза.

Письмо первое

Привет из Чечни!

Здравствуйте дорогие мама, папа, Айдар!

С большим приветом пишет вам Айгиз. Вот уже месяц прошел с тех пор, как я уехал из части. И второй раз заболел. Где-то я себе проткнул палец и схватил болезнь, это когда гниет мясо и его разрезают, а потом всовывают туда резинку. Режут с новакоином, а вот

каждый день уже без наркоза всовывают резинку при даже хочется вешаться. А в первый раз распорол губу саперной лопатой. Наложили три шва, так проходил неделю со швами. Все, а в остальном все нормально. Вчера был борт из Нижнего и нам привезли письма, посылки, гуманитарную помощь. Пришли два письма от Дениса и Ильгизара. Другу была бандероль. А там тетради, конверты, сигареты и шоколадки. Ну мы шоколадку одну поменяли на сгущенку. Были деньги, и на них мы купили сгущенку, тушонку и хлеба. Только жаль водки не достали. А то здесь от этой жизни иногда охо-

та выпить и отдохнуть. А жизнь здесь кошмарная, живем в палатке на трех матрацах вшестером. Днем машем лопатой ночью стоим в окопах три часа за ночь, а если дневальный, то стоишь полночи. Кушать конечно дают где как, когда в санчасти, то досыта, когда на заставе, то полуголодный. Так и живем целый месяц. Зато зарплату обещают 160 тысяч за месяц, так что жить будем, если конечно как говорят мы уедем отсюда когда уволятся деды. Стреляют иногда, а в принципе жить можно. Выживем и вернемся и будем жить, гулять и работать. С большим приветом, Айгиз.

24.06.95

Письмо второе

Здравствуйте дорогие мама, папа, Айдар!

С большим приветом пишет вам ваш сын и братишка Айгиз из Чечни. Вот уже на днях будет третья смена офицеров.

Чечня

ходить взад и вперед чтобы не уснуть. Ну а если так рассудить, то в командировке лучше, чем в полку. Занятий нет никаких. Ничего не делаешь. Только вот старший призыв иногда гоняет «подай то, унеси это и типа того», но ничего, через дней 50 их увезут отсюда и привезут молодой призыв. И тогда уже будет на много легче.

Здесь я попробовал грецкие орехи, помидоры, огурец, виноград, но все это к сожалению было в маленьких количествах, дома я съедал намного больше, но это все таки армия, а не дом, так что грех жаловаться. С пищей здесь вообще нет про-

P.S. у нас тут одного пацана увезли по семейным обстоятельствам, он кстати из нашего района, д. В. Старле, а зовут его Сулейманов Рауль. Говорят у него с отцом плохо стало и его вызвали, но к несчастью у него здесь остался военный билет и я не знаю, смог ли домой попасть или нет.

Пишите!!!

Мама! Если сможешь, собери бандероль с конвертами, тетрадки, ручки и пару зажигалок, чтоб костры разводить и пить чай на посту, а то там делать нечего, а тем более сейчас неделю

Вот только недавно переехали из Новогрозинска в сам Грозный. Стали на окраине и как всегда охраняем сами себя, только вот один пост в городе выдали, чтоб в случае чего, мы перекрыли дорогу и кого-нибудь задержали. В принципе и там неплохо. Если не бояться залететь, то можно сделать все, что угодно.

блем. Наедаемся вдоволь, даже страшно похвалится, «боюсь сглазить». Вот только обмундирование маленько испортилось. На брюках уже 8 заплаток, а на кителе четыре, а менять не собираются. Так что незнаю, даже в чем буду ходить. Вот и все, что я бы хотел вам написать. Пишите сами по старому адресу и когда будет борт из Нижнего, то их обязательно привезут. Пишите... (личное)
5.09.95

уже сижу на вышке целыми днями по 14-15 часов.
...(личное)...
и отправь это письмо тоже в Богородск, а оттуда бортом его привезут сюда. (личное)
а то, что я не отвечаю, не обращай внимания, здесь нивозможно что либо найти чтобы писать письма.

Письмо третье

Здравствуйте мама, папа, Айдар, так же привет всем родственникам, соседям, друзьям.

С большим приветом пишет вам Айгиз. Пишу письмо все еще из богом забытой Чечни. У меня все по прежнему. Вот только недавно переехали из Новогрозинска в сам Грозный. Стали на окраине и как всегда охраняем сами себя, только вот один пост в городе выдали, чтоб в случае чего, мы перекрыли дорогу и кого-нибудь задержали. В принципе и там неплохо. Если не бояться залететь, то можно сделать все, что угодно. Четыре дня тому назад была смена офицеров. Приехали два офицера, но один уже уехал обратно, так как он залетел с пьянкой и его сразу же уволили, так что теперь у нас только один офицер.

Один пацан из В.Старле получил телеграмму из дома, что у него дома не все хорошо, и его сразу же увезли в полк, а потом возможно дадут отпуск, я ему дал адрес и просил его, если сможет, чтоб зашел к вам и более подробно рассказал чем мы здесь занимаемся и как проводим время.

Возможно числа 20 ноября нашу часть выведут из Чечни. А если не уедем, то говорят будем здесь сидеть до июня месяца. Но это не страшно, единственное, что меня сейчас беспокоит, это то, что будем служить 1,5 или 2 года. Если 2 года, придется попробовать перевестись в другую часть, а то второй командировки я не выдержу.

Вчера второй раз выпил за 10 месяцев службы в РА. Было конечно мало, но и то для того, чтобы хоть чуть чуть расслабиться, и этого хватило. Со сменой офицеров пришло одно лишь письмо. И это письмо оказалось, как ни странно, от Венеры. За что передайте ей огромное спасибо. А долгожданных писем от друзей не дождался, как ни обидно, но что поделаешь... (личное)

Надеюсь нас все же выведут из Чечни к концу ноября и с божьей помощью я смогу вас увидеть. С большим приветом и с тоскою по родине. Айгиз.

8.11.95

Письмо четвертое

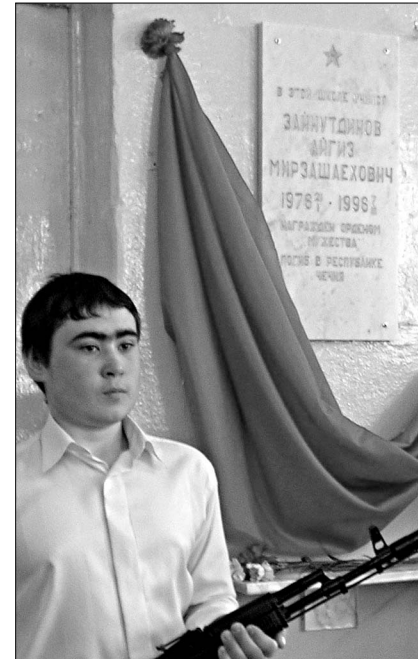
Родителям сообщили о гибели сына, в момент получения ими этого письма.

Здравствуйте дорогие мои мама, папа, Айдар!

С большим приветом пишет вам ваш из г. Грозного, Айгиз. Вот сегодня уже и наш праздник, 23 февраля. А через почти месяц будет приказ о нашем увольнении. Но сейчас как то и домой не сильно хочется уже привык к армии. Конечно хочется увидеть вас, друзей, родных. Я уже писал, что сейчас я катаюсь на БТРе наводчиком. А с 7 февраля нас прикомандировали к Северному аэропорту, так тут вообще жизнь пошла отличная, никто из офицеров ни орет, и не гоняют по уставу, хоть и возим в основном Полковников. С едой вообще проблем не бывает как ни приедь так что nibудь да есть, пожевать. Но в основном это тушонка, которая надела до чертиков. Живем шестером в одной будке хоть в тесноте зато не в обиде.

Рядом с нами стоит Казанский батальон. Там есть двое парней с Муслюмова точнее с района, жизнь стала прикольной, веселей. Целыми днями катаешься по всему Грозному и не замечаешь как день проходит. Но правда, за свою жизнь приходится бояться, стреляют, иногда приходится стрелять. Иногда за свою жизнь приходится стрелять. Вы уж не обращайтесь внимания на мой подчёрк, руки отвыкли от ручки, а привыкли к автомату, я даже не представляю сейчас как можно ходить без автомата и парочки гранат в кармане. Да и крыша уже потихоньку сезжает, ночью спишь, из за малейшего шороха хватаешь автомат и заряжаешь. Ну а в принципе здесь не плохо.

Вот и все, больше писать не о чем. Пишите сами чем занимаетесь, кто как живет и вообще чем дышите. Передавайте всем привет от меня. Надеюсь скоро приеду домой живым и здоровым и без вшей.
23.02.96.

Письмо пятое

выписка из заключения
утверждаю
комендант центральной комендатуры
в Чеченской Республике
генерал-лейтенант А.Д. Паньков
17 марта 1996 года.
Заключение
Служебного расследования по факту вооруженного нападения лицами незаконных вооруженных формирований на военнослужащих войсковой части 3671
в период с 6 по 8 марта 1996 года

Мною, командиром войсковой части 3671 полковником Мидзюта Ю.И., проведено служебное расследование по факту вооруженного нападения лицами незаконных вооруженных формирований на военнослужащих войсковой части 3671 в период с 6 по 8 марта 1996 года.

6 марта 1996 года в г. Грозном активизировали действия незаконные вооруженные формирования. В 5 часов 30 минут 6 марта в районе площади «Минутка» из гранатометов и стрелкового оружия был обстрелян бронетранспортер. Военнослужащие, входившие в состав экипажа, приняли бой и отражали атаки боевиков. О случившемся было сообщено в пункт временной дислокации, откуда были высланы для оказания помощи еще три бронетранспортера с подкреплением. Эти бронетранспортеры были также обстреляны. Бой велся с 5 часов 30 минут до 15 часов 30 минут. После этого, оставшиеся в живых, забрав убитых и раненых, вырвались на бронетранспортерах из окружения и направились в пункт временной дислокации. За время ведения боя погибло 5 человек и ранено 17 человек войсковой части 3671.

Погиб наводчик пулемета БТР-2 мотострелковой роты рядовой Зайнутдинов Айгиз Мирзашаехович, 1976 года рождения, уроженец д. Тат. Булак Муслюмовского района Р.Татарстан.

Полагал бы:

- По факту бандитского нападения на личный состав войсковой части 3671 в отношении лиц незаконных вооруженных формирований возбудить уголовное дело.
- Погибшим военнослужащим и получившим ранения и контузии обеспечить получение и оказать помощь в получении всех видов льгот и компенсаций.
- Отличившихся военнослужащих представить к правительственным наградам.

командир войсковой части 3671
полковник Мидзюта Ю.И.

выписка верна: Врио начальника штаба в/ч 3671
подполковник В.И. Серегин

Чечня

Анатолий Ягодин

ВЫПЛАКАННЫЕ ОЧИ РОССИИ

«И запомни — никакой самодеятельности...»

Свойство русского характера: долго запрягаем, зато гоним вовсю. За двое-трое суток способны в авральном порядке «порешать вопросы», над которыми какой-нибудь педантичный немец целый месяц потел бы. «Даешь!» — и вперед. С матюками и административными зуботычинами. На нервах. С напрягом сумасшедшим. Через не могу. «И вечный бой, покой нам только снится»...

На инструктаже в отделе по работе с личным составом управления Московского округа без ножа меня резали: время «Ч» — 9.

В день 50-летия Победы должен быть открыт филиал Центрального музея внутренних войск. Одна загвоздка: нет экспонатов с чеченской войны.

— Твоя задача — сесть на хвост софринской бригаде, — рубанул ладонью воздух инструктор. — Понял? Они завтра утром вылетают. Понял? Соберешь для музея все, что покажется интересным. Понял? Вешмешок не забудь. Поработает, снимешь панораму Грозного — и назад. Понял? Сроки поджимают. Осталось всего ничего. И запомни: никакой

самодеятельности. Главное — экспонаты. Понял?

Так точно, понял!

В полете было нескучно. Угощали друг друга домашними бутербродами. Травили анекдоты. Будем живы — не помрем.

Стекло иллюминатора затянул морозный узор. В кристалликах льда резвились солнечные лучи. Казалось, будто ангел-хранитель, вынырнув из облаков, обнял самолет своим легким крылом.

Не знали мы тогда, да и знать не могли, что не всех уберезит посланник. Получит ранение старший нашей команды майор Горностаев. А бородач лейтенант Карпенко вернется с войны в цинковом мундире. Знали о другом. Что в Моздоке нас ждут «вертушки», на которых полетим в Грозный. А там...

В общем, не забыть про экспонаты и никакой самодеятельности. Понял?

Прощайте, братишки!

Говорят, расставаться со старыми друзьями труднее, чем встречаться. На войне иначе. После счастливых улыбок, крепких объятий и шути-ливых тумачов узнаешь о потерях. Невозвратимых, говоря сухим языком штабных донесений. И радость, умывшись слезами, гложет под тяжестью скорби.

Не стеснясь слез, молодой капитан становится перед строем батальона на колено, низко склоняет стриженую голову. И необстрелянные бойцы, прилетевшие на замину отвоёвывавшим товарищам, без команды следуют примеру комбата Арсеньева...

Коленопреклоненно — честь павшим в боях.

Прощайте, братишки!

Тишина минуты молчания звучит громче торжественной клятвы.

На войне как на войне

ФОРМИРУЕТСЯ бригадная колонна. Завтра быть в Бамуте. Все при деле, всем некогда. Какие, к черту, экспонаты! — С нами поедешь? — спрашивают командированного от окружного музея лейтенанта. А узнав о поставленной перед ним задаче, посылают подальше.

После безуспешных попыток найти хоть одного начальника, заинтересованного в сохранении для потомков истории войска, понял, что искать нужно автомат.

С этим проблем не было. По первой же просьбе получил. И оружие, и «бронник», и «сферу». На войне как на войне. В прихваченный по совету инструктора вешмешок сложил патроны с сухпаем. Выгрузив предварительно пачку газет. Их расхватали в момент. Еще бы! Русский солдат — самый читающий солдат в мире. Не зря журналисты перьями скрипят — окружное издание пользуется в Чечне огромным спросом.

Ночь прошла спокойно. Боевики, как и мы, отдыхали.

«Этот долбаный Бамут...»

ОБОЧЬ дороги, петляющей по неспаханым полям, — трупы лошадей и коров, обгоревшая, покореженная бронетехника. «Апофегей» войны...

За рулем нашего «Урала» контрактник. Ас. Грузовик, завывая, лихо вписывается в крутые повороты, быстрым скакуном взлетает на подъемы.

В кузове тряска и пыльно. Завидую тем, у кого есть спецназовские маски. Впрочем, и они не спасают.

На ухабах кидает от борта к борту. Если б не бронезилет, как пить дать переломал бы все ребра.

— Кажись, подвезжаем, — сказал сидевший у кабины боец.

— Этот долбаный Бамут обещает всем уют.

Впереди слышится раскатистый пулеметный лай. Гулко ухают пушки.

— Главное — экспонаты, — повторяю про себя приказ инструктора. В животе холодно и мутно.

Нашу колонну встречает бэтэр. На броне — разведчики в «пиратских» косынках. Оборванные и чумазы. Они сопровождают нас до позиции.

С ходу форсируем мелкую речушку. Грохот канонады рвет барабанные перепонки. Останавливаемся под крутым берегом. Быстро спешиваемся. Жмемся к обрыву: наверху идет бой.

Лязг затворов. Не знаю, за что схватиться — за АК или за фотоаппарат. Побеждает журналистский рефлекс.

Наверх ведет тропинка. Ее усердно ковыряет вражеский пулеметчик. Лунки — хоть картошку сажай. Под прикрытием брони прорываемся к окопам на высотке.

На обочине дороги врыты в землю несколько «коробочек». Из глубоких земляных щелей ведет огонь окопный народ. Справа, за зеленой рощицей, видны крыши поселка. Прямо перед позициями живописный луг. Отличная натура для рекламного плаката «Добро пожаловать на курорты Чечни!». За лугом гора в шапке «зеленки». Там — «духи».

Падаю за бугорок. Рядом то и дело взмываются черные фонтанчики. С горы долбит крупнокалиберный пулемет. Надо менять Позицию, иначе мою «сферу» «джохарчик» превратит в музейный экспонат.

Щелкнув пару раз фотоаппаратом, сваливаюсь в окоп. Молоденький солдатик-пулеметчик хлещет длинными злыми очередями. За спиной — танковый рев. Глохну от пушечного выстрела.

Разрыв справа. Задымил врытый в землю БТР. Изнутри вырвались языки пламени.

От горящей машины к нашему окопчику обезьяньими скачками устремился солдат. За ним по пятам — уже знакомые фонтанчики.

— Гады! — плюхнувшись рядом со мной, крикнул боец и заплакал: — Дом спалили! Где я теперь ночевать буду?!

Все плотнее и плотнее огонь.

— Уходим! Уходим! — прокатилось по окопам.

На дорогу выползает танк. За ним собираются наши. Под прикрытием брони

скрываемся в густом кустарнике. Здесь выстраивается колонна.

— Шесть приданных танков было у нас, осталось три, — говорит мне разогряченный боем разведчик и, поправив косынку на голове, добавляет: — Не я буду, если не высморкаюсь напоследок.

С этими словами он не спеша выходит из укрытия, выпускает в сторону «зеленки» длинную очередь и так же неторопливо возвращается. С довольным видом отстегивает магазин от ручного пулемета, смотрит, не осталось ли патронов. «Рожок» пуст.

Не дает покоя вопрос: как выходить из боя, кто останется в окопах?

— Энская бригада пусть теперь повоюет. У нас вчера ящик стуженки с брони упал, так они его подобрали и не вернули. Харч отбавывать надо, — проворчал «пират» в кожаной жилетке.

Влезаю на бэтэр. Сидящий рядом солдат великодушно уступает засаленный матрас.

— Куда теперь? — спрашиваю.

— В Орехово...

Береты за храбрость

ЗАРЯДИЛ дождь. С тоской вспоминаю о плащ-накидке, оставленной дома. Не хватало еще заболеть на войне.

Выручили ушлые разведчики. Они привезли на бэтэре штабель горбыля для костра и настила, чтобы спать не на сырой земле. Под натянутым брезентом оборудовали место для ночлега.

Пока готовился ужин, стал свидетелем вручения разведчикам и бойцам группы спецназа краповых беретов.

Не было высокого начальства. Не было долгих поздравительных речей, оркестра. Где-то бабахала пушка, в небе мелькали светлячки трассеров. Шел про-

тивный дождь. Его капли смывали с лиц награжденных слезы гордости. И скорби: три берета положат на домовины товарищей, погибших в бою под Бамутом.

Спали вповалку на настиле. Все вместе — и солдаты, и офицеры.

А от простуды меня спасла порция водки из старшинских запасов.

А вот и долгожданные экспонаты

ДОРОГИ раскисли. Броня буксовала в жирной пластилиновой грязи. А нашему «Уралу» хоть бы хны. Главное, на каком-нибудь вираже из кузова не вывалиться, занозой застряла беспокойная мысль.

Когда бэтэры завязли в очередной раз, колонну обстреляли из рощи. Помоему, неумехи-дилетанты. Во-первых, промазали на наше счастье, а во-вторых, с первых же выстрелов обнаружили себя. Ну какой дурак стреляет трассирующими из засады. Опасаясь, что появится гранатометчик, хорошенько обработали «зеленку» из всех стволов.

Вскоре с ближайшего блокпоста подъехал вызванный на подмогу танк и вытащил застрявшие «коробочки». А возвращаясь, дупанул снарядом по предполагаемой позиции дудаевцев. Лишним не будет.

На базе вновь напомнил отцам-командирам о цели своей командировки. На сей раз пошли навстречу обкатанному в перестрелках корреспонденту. И через несколько часов я почувствовал себя богачом. Как говорится, не было ни гроша, да вдруг алтын. Появилась возможность выбирать из принесенных трофеев наиболее интересные экземпляры.

Обрез. Ржавый, но затвор работает. Годится.

Фальшивые купюры. Их изымали пудами. Качество исполнения крайне безобразное, но задурить голову народу, который три года сидел без денег, можно.

Визитная карточка личного банкира Джохара Дудаева.

Получена во время «проверки финансовой деятельности», — пояснил офицер, принесший экспонат.

А что стало с владельцем?

Чечня

Не пережил инспекции, — улыбнулся саркастически.

Деревянная статуэтка орла. Снята с кабины ГАЗ-66, захваченного у боевиков. Слишком гордо пернатый хищник на машине волков сидел.

А вот трофей посерьезнее. Пулеметные ленты под патрон калибра 5,45. В России таких не производят. Прямое доказательство иностранной помощи боевикам.

Магнитофонные кассеты с агитационными речами. На них какой-то местный виршеплет угрожает России. Не убедительно, но с истерическим пафосом.

Привлек внимание еще один экспонат — оптический прицел от гранатомета с застрявшей пулей. Чуть на колени не падал, упрямившая подарить. Но командир был неумолим:

— У нас в бригаде — свой музей. А ты нас и без того подчистую ограбил.

Это точно. Трофеев столько, что одного вещмешка маловато будет. Нужна тара повместительнее. Нашел большой деревянный ящик с запорами. Но один я его не довезу. Ладно, подумал, отложу решение этой проблемы на потом.

Пора снимать панораму Грозного.

Выплаканные очи России

ЗИМОЙ вид разрушенного города был невыносим. Сейчас вовсю буйствует весна, и зелень израненных пулями и осколками деревьев, словно в укор людям, маскирует страшные развалины.

На площади перед Домом правительства вспомнил поговорку: ломать — не строить. Сколько же сил и средств нужно, чтобы восстановить разрушенное!

Все как один покупаем тюльпаны. Цена совершенно смешная: пятьсот рублей за огромный букет. Тем более что продают их опять же русские.

И как при нашей безалаберности и продажности чиновников будут израсходованы выделенные для этой цели триллионы?

Чем дальше от центра, тем больше жизни. Но и здесь...

На газоне лежит труп мужчины. Ноги в неглубокой воронке. Вместо лица у бедняги кровавое месиво. Оторваны кисти рук. Видимо, на мину напоролся.

Навстречу нашему бэтэру то и дело выходят люди, показывают найденные в развалинах неразорвавшиеся боеприпасы: что с ними делать?

Старший офицер останавливаться запретил:

— Это работа саперов.

На базаре патрульные, извинившись, проверяют документы. Удивляются, почему военная пресса без оружия.

Окидываю взглядом прилавки. У чеченцев они намного богаче, чем у русских. И милостыню собирают исключительно славяне. Они больше всех страдают от этой проклятой войны.

Даю протянувшей руку старушке пять тысяч. Плача, она крестит меня:

— Дай Бог здоровья...

Все как один покупаем тюльпаны. Цена совершенно смешная: пятьсот рублей за огромный букет. Тем более что продают их опять же русские.

Цветы — в подарок медсестре Лидочке, единственной на базе представитель-

нице прекрасного пола. Хотя, по-моему, она уже смотреть на тюльпаны не может. Столько мужиков вокруг, и каждый старается проявить себя галантным рыцарем.

На выходе столкнулся с уже знакомой женщиной. И, взглянув на ее изрытое морщинами лицо, почувствовал, как к горлу подкатил ком. Казалось, сама Россия смотрит мне в душу заплаканными очами.

Товарищ подал милостыню и почти силой утащил меня к бэтэру.

Долго не могу забыть эти глаза. Чувство опустошенности, бессилия что-либо изменить терзает душу...

Таможня дает добро

МОЙ ящик стал неподъемным. До самолета товарищи подбросят на броне — договорился. А дальше? Как провезти его через три таможни? Необходимо официальное разрешение с подписью и печатью начальника штаба группировки внутренних войск. Повезло: в Ханкалу по своим вопросам ехал замкомбрига. Прогнул в «коробочку».

На КПП разовые пропуска выписывает целый полковник. Мне на его месте виделся максимум прапорщик. «Контрра!» — пришло на ум.

Со списком, составленным от руки, меня отфутболили. Озабоченный поисками машинки в незнакомом месте приготовился заночевать. И вдруг попадаю в объятия бородастого полковника. Ба, да это ж мой старый знакомец Завизионов! Радости нет предела, потому что Юрий Гаврилович может все.

Через двадцать минут список экспонатов готов. Скреплен подписью и печатью. Берегись, таможня!

Тут подбегает посыльный от замкомбрига. Оказывается, меня еще ждут. Ну, спасибо, мужики!

На следующий вечер я уже был в Москве, благополучно пройдя со своим ящиком досмотр на трех таможнях — в «Северном», Моздоке и Чкаловске.

Ореховский поход старшины Суяркова

Анатолий Ягодин

ОРЕХОВСКИЙ ПОХОД
СТАРШИНЫ СУЯРКОВАОриентир —
Самашки

Влетевший в палатку старшина был мрачнее тучи. Гром и молния!

— Почему проход не подметен? — напустился на дневального. — Постели поправь, как положено! На ночь дров для печки накопи!..

Солдат метнулся выполнять распоряжения. На выходе чуть задержался, бросив удивленный взгляд на старшего прапорщика: «Что это сегодня с Суярковым? Видать, начальству не угодил, отец родной. Сейчас ему под горячую руку лучше не попадаться. Где веник-то?»

Старшина схватил одной рукой брошежилет, другой — «сферу». Прикинул, словно на весах, — тяжеловато. Налегке ловчее будет. Развязал заветный вещмешок, осмотрел его содержимое: четыре банки консервов, буханка хлеба, две бутылки водки — жидкая валюта. Вот и весь дорожный набор. Мешок — за спину, автомат с рожком от ручного пулемета — на плечо. Хлопнул по жилету разгрузки — в нем еще три таких же магазина, снаряженных под завязку. Постоял, поглаживая в раздумье отросшую в Чечне русую бородку, дернул за козырек кепку, натянув потуже на голову. Крикнул:

— Дежурный!

Словно из-под земли вырос сержант.

— Вот что, — строго сказал старший прапорщик Суярков, — остаешься старшим. За ротного, за взводного, за старшину. Проникся? Если хоть ложка пропадет, отвечать передо мной будешь. Персонально. Усек?

— Так точно! — с готовностью ответил дежурный. Поинтересовался робко: — А вы куда, товарищ старшина?

— Под Орехово.

— Так ведь колонна-то ушла!.. — удивленно воскликнул сержант.

Старшина смерил дежурного тяжелым взглядом:

— Меня в кузове укачивает, а с брони ветром сдувает. Поэтому начальство пешие прогулки рекомендовало. Еще вопросы есть?

— Никак нет!

— Бди! — Старшина хлопнул дежурного по плечу. Круто повернувшись, откинул полог, вышел из палатки.

На КПП службу несли веселые часовые. Старший, увидев спешащего Суяркова, не удержался, чтобы не пропеть задорную частушку:

— Не любите капитана — золотые звездочки, а любите старшину — принесет селедочки!..

Но сегодня старшина не был расположен к шуткам. Погрозив певцу увесистым кулаком, сердито продекламировал:

— Заработаешь фингал, потому что зубоскал... Бывайте здоровы, парни!

— Счастливого пути, товарищ старший прапорщик! — дружно гаркнули в ответ смущенные привратники.

Провожая взглядом бодро шагавшего старшину, дежурный по КПП бросил одному из часовых:

— Запиши в книге: старший прапорщик Суярков. Орехово. Пешком. И время поставь.

«Сам виноват, — думал на ходу Суярков. — Сказано было — ехать с колон-

ной, значит, надо было ехать, а не слушать всяких... военных. Но майор-то, майор! «Я командира уговорю... Ты здесь дозарезу нужен...» Рассчитывал, наверное, что спрячусь в темном уголке, а начальство уедет и забудет, куда послан был. Нашел пацана в прятки играть! И ведь промолчал, не заступился, когда полковник мне выволочку устроил: добираться, как хочешь. Твоя проблема. Хоть пешком! Что ж, мое дело «Есть!». И кругом, марш!.. Пешком так пешком».

До южной окраины Грозного старшина добрался на попутной машине. Отказать в помощи бородачу с автоматом пожилой чеченец, водитель «Жигулей», не решился, хотя видно было, что такая компания доставляет ему мало удовольствия. Однако подъехать к последнему блокпосту при выезде из города отказался наотрез.

— Документов на машину нет, — пояснил. — Задержат...

— Спасибо на том... — Старшина хотел сказать «отец», но в последний момент произнес «уважаемый». Может, то-

Чечня

му не понравится, что русский к нему в сыновья набивается.

Через блокпост, на котором службу несли армейцы, проходили колонны федеральных войск в двух направлениях: в сторону Самашек и еще куда-то. Куда-то Суяркову было не нужно. Ориентир — Самашки. Там недавно работала бригада: значит, Орехово где-то недалеко.

Хозяева поста после традиционной проверки документов, узнав, что старшина отстал от колонны, обещали помочь. Пригласили в палатку, со всех сторон защищенную от пуль и осколков бетонными плитами, подождать, пока подвернется оказия.

Бытом армейцев Суярков остался недоволен. Обустраивались абы как, до сме- ны дотянуть. Все навалом: ни поспать по-человечески, ни поесть. То ли дело у него в хозяйстве!

...Палатку в командировку старшина выбирал с усердием доброго хозяина. Специально договаривался с начальником склада, знакомым прапорщиком. С несколькими бойцами снизу доверху перерыл брезентовую гору, пока нашел самое крепкое походное жилище.

По прибытии в Грозный в пункт временной дислокации сам выбрал место для расположения роты. Лучше не придумаешь. С одной стороны — крепкий бетонный забор, с другой — кирпичная стена полуразрушенного здания. Так что со стороны улицы обстрелы были не страшны. Рядом — баня, продовольственный склад. И до кухни рукой подать. Что еще нужно?

Обследовав прилегающие к месту расположения развалины, прежде чем их заминировали, старшина надыбал доски для настила и нар. Полноценные половые доски. В офицерский кубрик раздобыл пару диванов, вполне пригодных для отдыха. Жилье получилось шикарное: оружие, обмундирование, котелки — все

По прибытии в Грозный в пункт временной дислокации сам выбрал место для расположения роты. Лучше не придумаешь. С одной стороны — крепкий бетонный забор, с другой — кирпичная стена полуразрушенного здания. Так что со стороны улицы обстрелы были не страшны.

на месте. Вода для питья-мытья, дрова для пары буржеек тоже без проблем.

За помощью для работы на продуктовом складе — разгрузить, перетащить, подвинуть — начпрод шел к старшине: ближе всех его хозяйство. Это приносило свои плоды — стал накапливаться дополнительный продуктовый запас, которым старшина мог распорядиться по своему усмотрению...

Однажды проинспектировал роту генерал. Остался доволен. Отметил хозяйство Суяркова как одно из лучших в воюющих войсках Московского округа внутренних войск. Приятно.

...Ждать пришлось недолго. Вскоре попутчики нашлись. В старшинском вещмешке стало на одну белую головку меньше. «Валюта» пошла в дело.

До Самашек колонна не дошла, свернула в сторону. К блокпосту на шоссе,

маячившему далеко на горизонте, старшина топал пешком, отплываясь от пыли, забившей рот и нос, плотно покрывшей камуфляж. Ругался: «Почему это наши колонны должны двигаться в объезд населенных пунктов, по бездорожью? Кому нужна такая дипломатия, так-разэтак! Сами себе пыль в глаза пуска-

ем в прямом и переносном смысле. Тыфу! Будь она неладна! Не проморгался... Умыться бы сейчас да попить холодной водички. Да-а, с питьем здесь напряженка...»

...Первую экспедицию за водой доверили возглавить старшему прапорщику Суяркову. Обстановка в то время в Грозном была хреновая, поэтому для сопровождения APCа выделили бэтэр. Кроме механика-водителя и наводчика под броню посадили десант — двух автоматчиков.

Путь лежал через весь город, на речку Нефтянку. Какая в ней текла вода, можно догадаться уже по названию.

Выехали в 16.00. Доехали без приключений. Встали в очередь. На очистном сооружении работали солдатики-срочники. По всему чувствовалось, что подготовки у них — ноль.

Учились сразу на практике, на глазах у нетерпеливых потребителей, принимая как должное матюги и угрозы. Но работали.

Заправились только в 19.00. Час ждали, когда освободится тягач и поднимет APC на высокий осклизлый берег, разбитый колесами машин. В обратный путь тронулись затемно.

Ночь неумолимо вступала в свои права. Из развалин на охоту выползли недобитые «черные волки». Все чаще и чаще то тут, то там гремели выстрелы, разрывы гранат.

Сидя рядом с водителем APCа, держа автомат наготове, старшина напряженно смотрел вперед, стараясь не пропустить приметы, ориентиру-

ясь по которым, рассчитывал добраться до расположения части. Тщетно. Густая темнота была непроницаемой. Фары зажигать нельзя — маленькая колонна может стать хорошей мишенью для дудаевских гранатометчиков. Поднимется такой из развалин, лупанет по броне, а снайперы и автоматчики завершат расстрел. Ночь в Грозном — волчье время...

Двигались рывками, ожидая, когда где-то рядом взвоет в небо осветительная ракета, разгоняя темноту по подворотням и узким переулкам.

...Трассеры длинной чертой промелькнули вдоль бортов APCа и БТРа. Треск крупнокалиберного пулемета старшина услышал уже лежа с автоматом под передним колесом машины. Под другим скатом в готовности открыть огонь замедлил.

В глаза ударил яркий луч прожектора. Из-за стены света прозвучал не терпящий возражений голос:

— Оружие — на землю. Руки вверх!

«Свои, — пронеслось в голове, — нохчи хрен бы кого предупреждали». Но оставлять оружие не хотелось. Без автомата словно голый...

Стараясь не делать резких движений, старшина положил АК рядом на асфальт. Показал пустые руки:

— Старший прапорщик Суярков — внутренние войска. Со мной пять человек. А вы кто такие?

После непродолжительной паузы крикнули:

— Старшего просят подойти!

Поднимаясь, отряхивая колени, старшина тихононько сказал водителю:

— Если со мной что случится... Ну ты понял, да? — повесил автомат на плечо и пошел на свет прожектора.

Блокпост был мощно укреплен. К узким бойницам в бетонных блоках прикинули стрелки. «Армейцы», — отметил про себя Суярков. При входе в вагончик отобрали автомат. Перечить бесполезно. Не дома. За столом — трое офицеров. Что-то празднуют.

Старшину встретили испытывающими, тяжелыми взглядами Видать, давненько на блокпосту службу правят. По-

Ореховский поход старшины Суяркова

обносились, обросли щетиной. По воспаленным глазам не поймешь сразу, пьяны командиры или просто хронически недосыпают.

Осмотрели внимательно с ног до головы.

— Расстрелять, — равнодушно бросил один из сидевших за столом бойцу, сопровождавшему Суяркова.

Никто ничего не добавил. Все те же каменные лица.

— Согласен, — выдал из себя старшина. — Только для порядка прострелите вместе со мной что-нибудь из личных вещей: удостоверение или фуражку...

— Для чего это тебе?

— Авось в музее внутренних войск откроют персональную экспозицию...

Суровые лица просветлели.

— Да ты хохмач! Ладно, расстрелять не будем. Посидишь до утра в подвале, а там разберемся, что ты за птица.

— Можно и в подвал. Только я, с вашего разрешения, сначала воду отвезу, вернусь, и тогда запирайте хоть до конца командировки. Слова не скажу.

— Сам за рулем, что ли?

— Да нет, у меня водила под колесом с автоматом лежит.

— Раз не за рулем, тогда выпей с нами...

Пришлось оскоромиться. Выпитая старшиной чарка окончательно растопила лед недоверия. Оказалось, что нормальные ребята собрались. Разложили на столе схему, показали по ней, куда ехать. Но одно дело по схеме, другое — реально, ночью по незнакомому городу. Предупредили: к полуночи стрелять будет каж-

дая кочка, так что лучше дождаться рассвета. Старшина отказался — бригаде нужна вода.

Через полчаса езды по ночным грозненским улицам Суярков начал понимать, что снова сбился с пути. Но признаваться в этом не хотел ни себе, ни, тем более, подчиненным. Сбывалось предупреждение хозяев блокпоста. Надобность во включенных фарах отпала. От множества осветительных ракет, взлетающих в небо, стало светло, как днем. Стрельба усилилась. Трассирующие пули роями носились над развалинами.

Разобраться, кто и в кого стреляет, не представлялось возможным. Каждая воинская часть, каждое подразделение отгородились от остального мира пулеметными расчетами, снайперами, гранатометчиками, готовыми открыть огонь на шорох, на вспышку и просто для самоутрачения — обычная грозненская ночь

января 95-го. Тогда любой отбившийся от своих мог расстаться с жизнью не за понюшку табаку. И в этой ночи, где все живое старалось сделать маленьким, незаметным, плоским и беззвучным, в надежде целым и невредимым встретить спасительное утро в связке с «коробочкой» носился заплутавший APC.

На очередном повороте конвой обстреляли из развалин. Выйти из-под огня удалось благодаря высокой скорости.

Остановились в безопасном месте. Старшина провел осмотр своего войска

и материальной части. APC цел, без пробоин. Видимо, нападавших больше интересовал бэтээр. На его броне были видны свежие отметины от пуль.

— Как дела? — спросил Суярков у экипажа.

— Да все обошлось, — ответил за всех механик-водитель. И, вздохнув, добавил: — Пока...

Настроение у бойцов старшине не понравилось. Уныние — не помощник в такой заварушке. Как завести мальчишек? Только своим примером и хорошей шуткой.

— Загадку отгадайте, невеселые вы мои. С кончика залупись, красным девкам полюбись?..

Чечня

— Ха-ха-ха!
 — Не «ха-ха-ха», а малина. А «ха-ха-ха» свои проверьте, не отстрелили? Да заодно пощупайте — не мокрые ли штаны, а то нас нохи по запаху вычислят.
 — Не вычислят, — улыбаясь, ответили бойцы. Старшина вернулся к АРСу. Запрыгнул в кабину, кивнул водителю:
 — Поехали.
 Тот губы кусает, нервно кулаком по рулю постукивает:
 — Куда ехать-то? Заблудились мы...
 — Горе мне с тобой, начальник паники. Что, дорогу забыл?
 — Забыл.
 — Вот и я... не помню. А знаешь, какое самое эффективное упражнение от склероза?
 — Не-ет, не знаю.
 — Сгибание и разгибание рук в упоре. Сейчас этим и займемся.
 Если б кто-то посторонний увидел происходящее, наверняка подумал бы, что наблюдает пациентов сумасшедшего дома на ночной прогулке.
 В небе висели осветительные ракеты, светлячками мелькали трассеры, эхо выстрелов гулко разносилось в ночи, и все это служило фоном, на котором двое ненормальных самозабвенно предавались гимнастическим забавам.
 Когда водитель не сумел отжаться очередной раз, старшина, в недавнем прошлом борец-вольник, продолжая выполнять упражнение, спросил:

— Ну что, вспомнил дорогу?
 — Вспомнил, — выдохнул солдат, не в силах подняться.
 — И куда мы едем? — Старшина продолжал неистово отжиматься.
 — Только вперед!
 — Вот теперь и я вспомнил! Молодец! Что бы я без тебя, такого памятливого делал? Поехали.
 В одном из переулков наткнулись на бронетранспортер со вздыбленным конем в круге на борту — символ Северо-Кавказского округа внутренних войск. Свои. Тоже заплутали.
 Вместе решили, что судьбу больше не стоит испытывать. Подогнали бэтры к бетонному забору, прикрыли их АРСом, посчитав, что бочка на колесах значительно дешевле «коробочки». В случае чего меньше платить придется. Выставили наблюдателей. Остальные, кто смог, чутко уснули. Так дожили до рассвета.
 По прибытии к месту временной дислокации старшина готовился получить разнос. А его похвалили. Сказали, что все правильно сделал. И назначили... ответственным за снабжение бригады водой.
 К поручению Суярково подошел со всей серьезностью. За день успевал и на Нефтянку, и в «Северный». Чтобы не простаивать в очередях, попытался подкатить к водяному начальству. Бесплезно. Водой заведовали армейцы, поэтому вэвэшники обеспечивались питьем по остаточному принципу. Кроме того, у во-

дяного начальства было свое начальство, постоянно хотевшее пить и, естественно, вносящее коррективы в распределение воды...
 Разобравшись в хитрой механике водоснабжения, старшина ничего другого не мог придумать, как, по его выражению, пойти на преступление: налаживать контакт с бойцами, охранявшими подъезд к водопою.
 К акции готовился как к боевой операции. Предусмотрел и психологию момента, и постоянную потребность солдат в дополнительном пайке. Наблюдая за часовыми на КПП, пришел к выводу: ребята обзорели. Эту спесь нужно сбить.
 Первое — сделал себе крутой прикид: надел камуфляж с множеством кричащих нашивок, кепку с длинным козырьком, несмотря на зиму, темные очки. Когда подъехали к КПП, сам двери не открывал. Проинструктированный заранее водитель сделал это за него с ловкостью и подбострастием хорошо вышколенного лакея. Старшина сошел с подножки АРСа степенно, вальяжно, с хорошо сыгранной сановной самоуверенностью. На его фоне небритые часовые КПП в выцветших бушлатах, в нечищенных сапогах смотрелись как беспризорники. Об этом Суярково им и сказал примерно в таких выражениях:
 — У-у-у, ходячие тюфяки для сбора пыли и насекомых! Пропойцы тихушны! Разносчики вирусного гепатита!

Ореховский поход старшины Суярково

Мне бы вас на неделю, вспомнили бы, как чубом пыль с командирских сапог метется!
 По ходу разноса сунул очумевшим часовым по банке стученки каждому и продолжал в том же духе:
 — Некогда мне с вами проводить душещипательные беседы, открывайте ворота и приветствуйте самого занятого водовоза всех времен и народов.
 И те, ошеломленные натиском, приветствовали. Потом это стало традицией. На КПП водопою старшину ждали с нетерпением. Знали, что тот и словом дерзким взбодрит, и гостинец от него всегда перепадет.
 План Суярково сработал на все сто. Бригада получала до четырех АРСов в день. Хватало и на приготовление пищи, и на умывание. Даже на ежедневную баню.

О пользе жировых излишков

...На очередном блокпосту, усиленном танком, зарытым в землю по самую башню, старшину приняли за перебежчика: борода, вооружен, с запасом продуктов и, главное, один?! Чем не лазутчик? Но к посту сам подошел и документы в порядке! Странно... Стали выспрашивать: кто такой, откуда, куда, зачем? Старшина выложил все как на духу. Не очень поверили. Только готовность выпить стакан водки и заесть это дело салом убедила хозяев в том, что задержанный никак не может быть военным Аллаха.
 Суярково и не предполагал, что его отношение к салу может сыграть основную роль в разрешении конфликта.
 Чего не хватало бригаде по части продовольствия — перечислять долго. А вот чего было с излишком, так это топленого свиного жира, расфасованного в большие жестяные банки. Кто нуждался в таком количестве — непонятно. Вернее, понятно, что не нуждался никто.
 На складе гору банок, не зная, куда пристроить, то и дело перекантовывали из одного угла в другой, а помятые и пробитые при очередной переноске просто выбрасывали на свалку. Глядя на этот разгул бесхозяйственности, старшина все больше склонялся к мысли, что при данном раскладе полезнее будет везти емкости с жиром в сторону базара.

В Грозном начинала налаживаться мирная жизнь. Первым признаком хрупкой стабильности стало появление многочисленных толкучек. Для большинства жителей разоренного войной города мелкая торговля осталась единственным средством к существованию.
 Однако первое же целенаправленное посещение одного из базарчиков заставило Суярково сделать поправку на местные обычаи. Чеченцы свинину не едят. А основную торговлю держали именно они. Русские могли предложить в большей части только то, что вырастили своими руками: зелень и овощи. Тогда кроме

солдаты из роты Суярково курили «Космос».
 — Значит, говоришь, до Самашек не доехал, старшой? — убедившись в том, что прапор свой в доску, сочувствовали на блокпосту. — Так вон они, Самашки-то! Пешком минут сорок будет. Быстрее дойдешь, чем попутную колонну дождешься.
 Шел напрямки по непаханому полю, исходящему под апрельским солнцем зыбким маревом. На околице попал в сухие заросли прошлогоднего репейника. От его корней уже тянулись к свету свежие побеги.

...На очередном блокпосту, усиленном танком, зарытым в землю по самую башню, старшину приняли за перебежчика: борода, вооружен, с запасом продуктов и, главное, один?! Чем не лазутчик?

петрушки и редиски уже появились первые свежие огурчики --то, что нужно, чтобы хоть как-то разнообразить скудный на разносолы солдатский стол. Но и русские бабушки меняли плоды своего труда на жир не очень-то охотно. Не будешь же его как масло на хлеб намазывать! Хотя... С голодухи... Кто знает? Желаящие обменяться находились всегда. Кроме зелени и овощей старшина старался выменивать и газированную воду в больших пластмассовых бутылках. Как результат — на передовую пошли посылки. В окопах их ждали: после опостылевшей перловки с тушеной зеленью и газировка вместо крепко хлорированной воды казались настоящим лакомством. С получением таких передач на передке

Преграду преодолевал шумно --отплевываясь от паутины и костеря почем зря когтистые семена. Поднявшись на небольшой пригорок, увидел, что в его сторону кто-то бежит, размахивая руками. Присмотрелся: в камуфляже, с автоматом. Кажись, свой. Точно, омоновец!

Показательные выступления

На базе бригады в Грозном дислоцировались подразделения московского ОМОНа. Воевали вместе. Омоновцы крепко помогали во время специальных операций. Солдаты-мальчишки увереннее чувствовали себя, когда рядом находились успевшие пожить и многое пови-

Чечня

дать на своем веку кадровые работники милиции.

Старшина же смотрел на омонцев не только как на товарищей по оружию, мощную подмогу в боях. Он думал как хозяин. У ОМОНа свой АРС имеется — хорошо! Больше воды за раз привозить будем. О продуктах и обмундировании для них заботится сам Лужков, поэтому питались омонцы лучше, чем войска. Одевались еще лучше. Грешно им было не поделиться своим изобилием. Начал с малого — познакомился с их старшиной. Но отношения становятся более тесными, когда интерес взаимный. Чем, однако, может быть интересен вечно находящийся в хлопотах старшина роты заместителю командира ОМОНа по снабжению? Это смотря какой старшина.

На соревнованиях показательное выступление метателей Суяркового произвело фурор. В специально сколоченный деревянный щит с расстояния в семь метров спортсмены вгоняли наравне со штык-ножами... двухсотмиллиметровые остро заточенные гвозди и ножницы. Получалось ловко, а главное, зрелищно.

Вообще-то на базе скучновато. Наверное, поэтому омонцы вызвали личный состав бригады на спортивные соревнования. Испытать друг друга в подвиге гирь, в метании гранаты и т. д. Суярково решил, что соперников нужно удивить чем-то неординарным, и он выставил вне конкурса команду метателей.

На соревнованиях показательное выступление метателей Суяркового произвело фурор. В специально сколоченный деревянный щит с расстояния в семь метров спортсмены вгоняли наравне со штык-ножами... двухсотмиллиметровые остро заточенные гвозди и ножницы. Получалось ловко, а главное, зрелищно. Восторгу зрителей не было предела. Омонцы дружной толпой подошли к старшине пожать руку и похвалить.

— Ну ты, брат, военный! Твоя команда демонстрирует настоящее мастерство!

— Это не мастерство. Так, увлечение любителя, — скромничал старшина. — Настоящее мастерство — это когда ножницы вонзаются обоими концами на уровне глаз противника, а вслед гвоздью летит мо-

лоток и забивает его в щит по самую шляпку. Вот это мастерство.

С того дня Суярково, ставший для омонцев авторитетом, начал их потихоньку раскулачивать. Бывший в употреблении камуфляж, который они раньше просто выбрасывали, шел напрямик к старшине. Постиранный и приведенный в порядок, он служил приличной мздой на тех же проходных пунктах водоснабжения. Да и просто пообносившегося бойца приодеть. Плохо ли? Чистейшая минеральная вода в прозрачных пластмассовых бутылках, которую присылало правительство Москвы омонцам, чтобы те, находясь в поле, не дай Бог, не напились какой-нибудь заразы, стала попадать в окопы. А то и просто служила предметом обмена — вода словно ангель-

ские слезы, бутылка красивая. А мздоимцу, как известно, что ни дай, лишь бы глаз радовался.

— Стой! Не двигайся! — кричал омонцев. От следующей фразы старшине захотелось подтянуть ноги к животу, руки к груди и зависнуть в воздухе в позе раскаявшегося суслика. — Мины, мины там! Как же тебя угораздило-то? Сейчас выведу, только стой, где стоишь.

Милиционер продвигался к Суярково осторожно, причудливыми зигзагами.

Подойдя вплотную, сказал:

— В рубашке ты, парень, родился. Считаю, до самой середины минного поля дошел, и не рвануло.

— А вроде и не видать ничего, — виновато произнес старшина, оглядываясь по сторонам.

— На то они и мины, чтобы не видно было. Иди за мной след в след.

В Орехово Суярково не пустили. Милиция — одно слово! Этим зубы не заговоришь, и не таких сказочников видали. До конца выяснить личность задержанного. Документы в порядке — ладно Говоришь, приказ выполняешь? Проверим. Связались по радио с базой. Действительно, есть такой, по приказу старшего начальника следует в Орехово. Новый приказ? Вернуть назад? Понятно Будет сделано.

В Грозный старшина вернулся вместе с колонной МЧС.

А на передовую, под Орехово, старший прапорщик Евгений Суярково все-таки попал. Чуть позже. С очередной тыловой колонной, которая везла продовольствие, горючее, боеприпасы. Потом о своем пребывании в окопах рассказывал в присущей только ему манере:

— Сажу в траншею, покуриваю. С гор постреливают. Вдруг мать моя, от топота копыт земля задрожала! Бычок так к губе присох. Ну, думаю, конница дураевская! Но у меня не забалуешься. Автомат над головой поднял и как дал веером не глядя... Бухнулось что-то у самого бруствера, и стихло все. Выглядываю осторожно, а перед окопом... корова лежит. Околевает, сердешная... Тыфу, думаю, незадача какая! Сначала подоить надо было..

Третий тост

ТРЕТИЙ ТОСТ

ОН НИ В ТЫЛ НЕ ПРОСИЛСЯ, НИ СУДЬБЕ ПОД ПОДОЛ

Андрей Роднов

Как это было

Анатолий — непоседа в детстве, агрессор в юности, впитывающая губка в зрелости, мудрец в старости. Часто после тридцати лет приобретает способность к ясновидению, предсказаниям. Его пылкий ум все время жаждет новых знаний, впечатлений, в основном, чтобы привести в гармонию свой внутренний мир с внешними жизненными реалиями. Отвечая на одни вопросы, он мучается другими. Темперамент холерический, взрывной. Сильный физически, плодовитый, изобретательный. Очень любит заниматься поделками, резьбой по дереву, всем, что требует кропотливой работы.

Из записной книжки Анатолия Ягодина.

— Друга твоего убили, — эта страшная весть мгновенно оборвала что-то внутри. Как убили? Только вчера Толя Ягодина пел под гитару песни Высоцкого, а сегодня его НЕТ? Не верю... Но надо куда-то бежать, узнавать, уточнять: наверняка нелепая ошибка, не мог Толик погибнуть!

Бегом к замкомандующего первой тактической группировкой по работе с личным составом:

— Товарищ полковник, может, не он?

— Передали, что корреспондент. Расстреляли, суки, колонну с десяти метров. Больше информации пока никакой. Надейся...

В командировку, ставшую последней для старшего лейтенанта Анато-

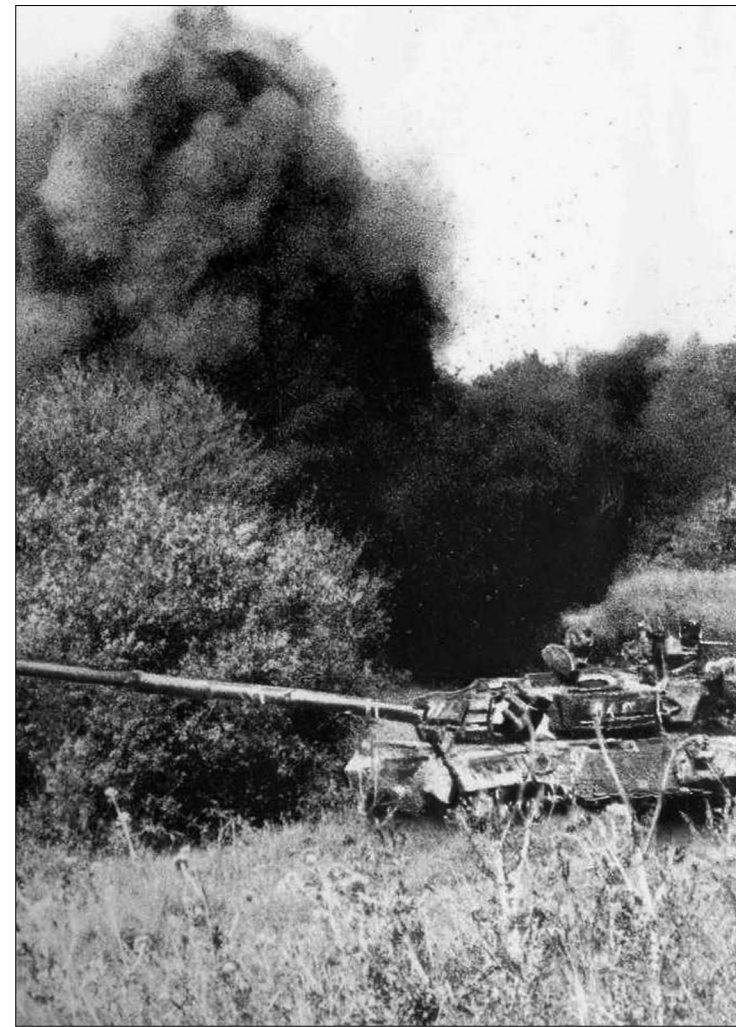
лия Ягодина, мы поехали вчетвером. В Моздоке разделились, двое наших журналистов улетели в Хасавюрт, а мы с Толей оказались в Беслане. Оттуда на вертолете рассчитывали быстрее попасть на «Куликово поле» — в тактическую группировку внутренних войск, дислоцирующуюся под Ассиновской. А там — Бамут, Орехово, Старый Ачхой, Самашки — горячие точки, и все рядышком...

Толя торопил меня, говорил, что планов у него столько, что за две недели

можно и не успеть. Вот и в Беслане, пока ждали погоду, даром времени не терял. Знакомился с вертолетчиками, ненавязчиво (это было присуще ему) расспрашивал «повелителей ветров» о нелегкой службе. Бывает, журналисту нужно немало попотеть, чтобы разговорить собеседника, вызвать на откровенность. У Толика добродушное обхождение и профессиональный интерес как-то удивительно гармонично соединялись воедино. Люди рассказывали ему дей-

ствительно о наболевшем. О том, например, что вертолетов катастрофически не хватает, и зачастую маленький Ми-8 уподобляется московскому трамваю в час пик. Горько было слушать подробности гибели троих членов экипажа и охранника вертолета, сбитого боевиками на Пасху. Толик не стремился сразу фиксировать услышанное на бумаге, уже потом, после беседы, за-носил факты в свой блокнот. Вот и на этот раз он сказал мне: «Из таких рассказов-кусочков, глядишь, не только повесть, роман получится. — А потом добавил: — Люди у нас золотые».

Наконец, как говорят летчики, погоду дали, и мы с Толей запрыгнули в «вертушку». Он сел на лавку напротив меня. Еще, помню, добродушно пошутил, что летит на железной стрекозе впервые и хорошо бы не в последний раз... Мы уже подлетали к «Куликову полю», когда внезапно заговорил пулемет из кабины управления, а потом и тот, что на корме.

Чечня

Для человека, который первый раз оказывается в подобной ситуации, Толик вел себя очень муже-ственно. Страх, как и у всякого нормального человека, был, но паники — ничуть. В предыдущей чеченской командировке ему доводилось оказываться в ситуациях и покруче, когда пули взметали фонтанчики пыли в метре от него. Толе приходилось на войне действовать не только с помощью «лейки и блокнота».

Прибыв в первую тактическую группировку, мы разместились в ротной землянке краснодарского полка. После обеда пошли в отряд спецназначения «Росич». Год назад, 18 апреля, при проведении спецоперации на Лысой горе в Бамуте героически погибло десять сол-

Анатолий узнал от комбата, что завтра их колонна должна идти в Самашки. «Можно мне с вами? В редакционном задании у меня есть пункт: написать о службе на заставах и блокпостах. Может, кого из знакомых встречу», — попросил он тогда. Комбат был не против, сказал, что после мартовских боев под Самашками спокойно.

Ночевать возвратились в ротную землянку краснодарцев. Честные окопники, воюющие в Чечне не один месяц, как-то сразу приняли его за своего. Почувствовали, что он — настоящий мужик, воин, а это на войне самое высокое звание. Принесли гитару. Толя очень хорошо пел и играл, но, беря в руки шестиструнку, произнес:

Я напросился с ним на спецоперацию и зашел в землянку к солдатам, которые участвовали в последнем штурме Самашек, а Анатолий принялся расспрашивать доктора отряда. Хотел написать очерк о мужественном человеке, побывавшем год назад в заложниках у боевиков. Кассета с записью их беседы так и осталась в его диктофоне.

дат и офицеров из этого отряда. Сергей Владимирович, командовавший «росичами» в то время, сказал, что завтра утром они едут на операцию, а вечером будет построение личного состава, встреча с братишками из других спецподразделений, салют десятью артиллерийскими залпами по Лысой горе, третий тост. Пригласили нас. Я напросился с ним на спецоперацию и зашел в землянку к солдатам, которые участвовали в последнем штурме Самашек, а Анатолий принялся расспрашивать доктора отряда. Хотел написать очерк о мужественном человеке, побывавшем год назад в заложниках у боевиков. Кассета с записью их беседы так и осталась в его диктофоне.

Поговорив с «росичами», отправились в батальон софринской бригады, находящийся в Чечне безвыездно с мая прошлого года. Толя очень любил бывать у софринцев, многих знал, многие знали его. Последний раз он приезжал к ним в часть 7 апреля, на открытие памятника двадцать одному солдату и офицеру, погибшему в чеченском пекле. В трех номерах нашего журнала за 1996 год все три его материала посвящены именно софринской бригаде.

Мы разговаривали с людьми, Толя фотографировал своей старенькой «Смелой» грязных, безмерно уставших, но не павших духом солдат, прапорщиков, офицеров. Был в их числе и погибший на следующий день вместе с ним лейтенант Юрий Дериглазов.

— Ребята, извините, я не очень бренчу, так... баловство.

Это был очень скромный и вежливый человек. Знакомая с офицерами и прапорщиками, которые были лет на пятнадцать младше его, первое время обращался к ним только на «вы». К старшим офицерам, даже тем, кого знал давно, обращался по воинскому званию.

Толя начал петь Высоцкого:

Я за пазухой не жил,
не пил с Господом чая,
Я ни в тыл не просился,
ни судьбе под подол...

После этой строчки он забыл слова, на секунду гитара замолчала, но оказалось, что сидевшие рядом знают песню:

... Но мне женщины
молча намекали, встречая:
«Если б ты там навеки остался,
Может, мой бы обратно пришел».

Командир роты, лейтенант Александр Прохоров, нашел где-то кассету, взял мой диктофон и стал записывать. Эту кассету после известия о Толиной смерти краснодарцы передали мне. Она как третий тост в память о Толике.

Видимо, он предчувствовал свою гибель. Когда отдыхал после очередной песни, сразу несколько че-

ловек спросили, почему он такой грустный.

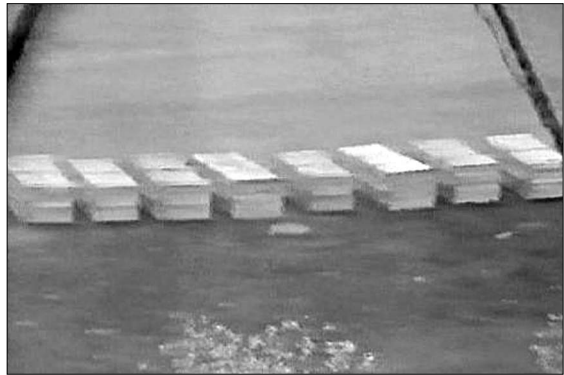
— Да что вы, ребята, все нормально, — ответил улыбувшись.

О том, что Толя предчувствовал свою гибель, свидетельствуют и его собственные стихи. Вот строки одного из них, которое он назвал «Если б выжить мне довелось...»:

Меня погребли под собою хлеба,
Мне саван скроили метели.
На долю мне вышла лихая судьба —
Погибнуть в свинцовой купели...

18 апреля, в начале десятого, колонна в составе танка Т-72 и КамАЗа-водо-воза пошла на Самашки.

— Дорога шла через лес, до Самашек оставалось около километра, — вспоминает механик-водитель танка рядовой Сергей С., — и тут справа, метров с десяти, в нас долбанули из гранатомета, автоматные очереди пошли. Я дал полный ход, и минут через пять мы были уже в Самашках. Место для засады они выбрали очень удачно, а вот из РПГ пальнули хреново. Граната попала в центр башни и не разорвавшись отлетела, только метку оставила. Если бы на метр ниже, между катками, то боекомплект бы взорвался и мы бы все там остались. А так — из пятых, кто на броне сидел, один убитый и четверо ранены (утром девятнадцатого апреля стало известно, что во владикавказском госпитале скончался раненный в голову сержант Сергей Кононов. — А.Р.) — Хорошо еще, что никто не свалился. Тут не знаешь, как безопаснее ездить. Внутри танка или бэтэра тоже может не повезти. Если на мину нарвешься или метко из гранатомета ввалит, то без вариантов — братская могила. В Самашках раненых сразу с брони стали снимать, корреспондент ваш лежал в самом центре башни, ноги были спущены в командирский люк. В сознании был, глаза открыты, минут через пять умер. После этого я показал спецназу то место, и,

кажется, человек трех они в том лесу взяли.

Рассказывает водитель КамАЗа рядовой Вячеслав У.:

— Ехали спокойно, в кабине вместе со мной сидели лейтенант Дериглазов и еще один старший лейтенант, у двери. Сначала я увидел «Жигули» — шестерку синего цвета. Она стояла слева на обочине. Когда до нее оставалось метров двадцать, с правой стороны, из кустов — выстрел из гранатомета и автоматные очереди пошли. Я разглядел, что боевиков было человек пятнадцать, один еще в красный спортивный костюм одет. Старший лейтенант выбил стекло и открыл огонь из автомата. Танк проскочил мимо «Жигулей», а когда мы с ними поравнялись, оттуда, можно сказать в упор, стали стрелять из автоматов, в машину человек пять было. Одна пуля пробила кабину сзади и как раз в спину

Дериглазову. Насмерть. Приехали в Самашки, стал срывать одежду с вашего друга, корреспондента, чтобы рану перевязать. Пуля вошла в правое плечо, даже точнее — в грудь, а вышла через позвоночник. Большое такое выходное отверстие, видно, пуля калибра 5,45 мм. Крови много. Он успел сказать только: «Где мы? Остановите кровь». И умер. Фотоаппарат у него такой маленький с собою был и две пленки, их доктор омовцев забрал, так и не вернул (стараниями софринцев позднее фотоаппарат «Смена» нам в журнал все-таки вернули, а пленки так и исчезли. — А.Р.). В живот был ранен наводчик танка, двое командиров взводов — танкистов — в ногу и руку, наш санинструктор Кононов — в голову. До этого я несколько раз возил воду в Самашки, но обходилось, ни разу не обстреляли, а в этот раз...

Третий тост

А потом были поиски, к счастью, не-долгие поиски тела старшего лейтенанта Анатолия Ягодина. Во Владикавказе я узнал, что оно находится недалеко от города, на пункте сбора погибших в Шалхи. Нужна была машина, чтобы забрать тело. Пришел просить ее в штаб одного из соединений внутренних войск. Наде-ялся: в таком-то уж деле не откажут! Разочарование было горьким. Зам-комдива по работе с личным составом (сейчас он служит уже в другом месте) пообещал выделить машину, но пока я разговари-вал с начмедом, срочно собрался по де-лам, сказав напоследок: «Моя кафедра — живые, а мертвыми я вообще не должен заниматься». У офицера, замешавшего штатного начальника штаба, свободной машины тоже не нашлось. Комдив тоже ничем не смог помочь...

К счастью, у нас есть и люди, всегда готовые прийти на помощь. Начальник Владикавказского высшего военного командного училища внутренних войск полковник Владимир Светличный вы-делил санитарную машину. До училища довез таксист-осетин, не взяв ни копей-ки. Медсестра Марина Нагорная помо-гла найти Толю. Доктор из госпиталя Александр Омелько быстро, без лишних формальностей и уговоров, провел все необходимые в таких случаях меди-цинские мероприятия. Солдаты из «ко-манды-200» в морге и на пункте сбора погибших по-людски обрядили тело. Офицеры из софринской бригады, при-везшие в морг лейтенанта Дериглазова, передали мне документы Анатолия, ко-торые поначалу потерялись. Вертолет-чики ассиновской группировки, ко-торыми командовал подполковник Алек-сандр Голиков, задержали отправление самолета на Москву. Мы успели на этот борт во многом благодаря водителю «таблетки» рядовому Хабибуле Мурза-галиеву, который выжал все из старень-кой машины, но успел в аэропорт Бес-лан. Спасибо и низкий поклон всем, кто помог нам в эти страшные часы.

Незадолго до своей гибели Толя на-писал такие строки:

Подумайте, братья, нужно ли
Воронеными браться ружьями?
Подумайте, молю, надо ли,
Чтобы солдаты в бою падали?
Надо ли прятать думы те?
Думайте, братья, думайте...

Пусть вспомнят и подумают те, кто стоит за всей этой чеченской бойней, что ЕСТЬ И БОЖИЙ СУД.

Прости нас, Анатолий, вечная тебе память...

Чечня — Москва

Судьба

Дмитрий Лахин

КАК Я ХОДИЛ НА РЫБАЛКУ

Я САМ

О Дмитрие Лахине писала дважды «Новая газета». О детстве без родителей, о девяти классах сельской школы, о призыве в армию, о несурзном тяжелейшем ранении в Чечне, приведшем к частичному обездвижению и ампутации обеих ног. О судьбе после этого ранения, о жизни инвалида с бабушкой и сестрой в станице на севере Краснодарского края.

Я попросил его написать что-то о жизни, а он мне сказал, что «нет ничего», «нет никаких событий». Мы договорились, что он напишет про то, что ему удалось устроить самому.

Он написал. Про рыбалку, которую он организовал при помощи своих друзей; рыбалку примерно в километре от дома, дальше на инвалидной коляске не уехать.

Кажется, получилось — и про рыбу, и про людей, и про него самого.

Виктор Коган-Ясный,
председатель правления организации
«Право на жизнь и гражданское
достоинство»

Дело было в конце июня, сидел я постоянно дома, было очень скучно. Вот как-то у меня в голове и родилась мысль пойти на рыбалку.

Собрал ребят, они взяли с собой лопату и косу и пошли на речку. Речка примерно в километре от моего дома. Дошли, нашли место. Первый пацан, зовут его Саша, сделал мне подъезд — чтобы я мог подъехать близко к берегу. Второй, зовут его Леша, выкосил камыш, чтобы было открытое место. Такое место называют клаткой или прогалиной. То есть клаткой или прогалиной называют то место, где рыбак сидит в камышах и ловит рыбу.

В этот день я взял с собой два килограмма пшеницы. Когда была сделана клатка, я рассыпал пшеницу примерно там, где у меня будут плавать поплавки. Когда я все сделал, было уже часов девять вечера, и мы пошли домой.

Я встал в пять утра. Взял с собой две удочки — телескопические, по пять метров, на удочках была леска в 0,3 мм с крючком-шестерочкой.

Закинул одну удочку. И не успел взять в руки вторую, чтобы размотать, как вдруг на первой поплавок «выложилось». Резко подсек — маленькая красноперка (мы так называем плотву)! В голове мелькнуло: сейчас одна плотва будет клевать, никакой рыбалки не получится...

Поменял червя и снова забросил удочку. Поплавок повело. Подсекаю — корбочек! Так мы называем карася. У меня прямо на душе повеселело... И за три с половиной часа я наловил пять килограммов рыбы!

На второй день опять встал в пять утра, пошел на речку и наловил ведро карасей.

От такой рыбалки я был самым счастливым человеком.

Но на следующий день начались неудачи. Как обычно, пришел на речку в шесть утра. Поймал 16 карасей. Клев еще не кончился, как начал капать дождик. Пришлось ехать домой. Потому что, если дорога намокнет, я до дому не доеду: от клатки до асфальтовой дороги надо метров двести ехать по земляной.

Плохая погода стояла дней пять. На шестой я опять поехал на свое место. Но ничего не поймал...

Так я ездил еще четыре дня.

И вот как-то вечером я сидел на своей клатке и уже засобирился домой, как подъезжает ко мне на мотоцикле мой знакомый Юра. Предлагает мне рыбу. А так как я уже давно не ел хорошей жареной рыбы, я у него взял. Он дал полукилограммовых карпа и сазана и еще одного сазана граммов, наверное, на 800. Я спросил, где он взял такую рыбу. Он ответил: «На Крупском поймал». Так у нас один водоем называется — километрах в пяти от моего дома.

Как я ходил на рыбалку

И мне тоже захотелось съездить на такую рыбалку. Но одному на коляске опасно так далеко ехать, и я нашел одного пацана, чтобы он пошел со мной.

рыбалку туда же: может быть, разрешат еще раз.
25.07.2005

За Россию
легко умереть.
Трудно выжить.

«От такой рыбалки я был самым счастливым человеком... У меня такой рыбалки никогда в жизни не было. Я до сих пор под впечатлением... Назад я всю дорогу ехал сам... Через недельку, наверное, поеду туда же: может быть, разрешат еще раз половить».

С двух до пяти мы поймали восемнадцать рыбин: три карпа, остальные — сазаны. Каждая рыбина весила по килограмму. Получилось почти полмешка. Володя поймал шесть рыбин, всех остальных — я. Я был счастлив как никогда, чуть ли не по небу летал от такой рыбалки. У меня такой рыбалки никогда в жизни не было. Я до сих пор под впечатлением.

Подъезжают сын хозяина и главный рыбинспектор по Кавказскому району. Мы спросили: «Можно, мы половим рыбу?». Они нам разрешили.

Размотали удочки. Только закинули, посидели минуты три — гляжу: поплавок ушел под воду. Подсекаю и что есть силы тяну. Уже почти дотянул до берега — большой сазан обрывается и уходит...

Немного обидно, но что же поделать, у всех бывает. Забрасываю — снова через пять минут клюет. Тяну — опять сазан! Этого я уже не упустил. И вот так мы поймали пять штук примерно с половины одиннадцатого до двенадцати. Потом рыба перестала клевать, но сторожа нас успокоили: часа в два дня начнется вечерний клев.

С двух до пяти мы поймали восемнадцать рыбин: три карпа, остальные — сазаны. Каждая рыбина весила по килограмму. Получилось почти полмешка. Володя поймал шесть рыбин, всех остальных — я. Я был счастлив как никогда, чуть ли не по небу летал от такой рыбалки. У меня такой рыбалки никогда в жизни не было. Я до сих пор под впечатлением.

Назад я всю дорогу ехал сам, а пацан нес мешок. Мои родные глазам не поверили, такой рыбе они тоже обрадовались. Через недельку, наверное, поеду на

Дима Лахин пробыл на войне всего два дня. Он даже ни разу не выстрелил. В первый день заготавливал дрова для печки-буржуйки, а на второй пошел за водой.

До ручья так и не дошел — получил пулю в грудь, сквозную через позвоночник, с вылетом 9-го позвонка и трещинами в 8-м и 10-м.

О двух с половиной годах, проведенных на лечении в Санкт-Петербургской военно-медицинской академии, Дима рассказывал абсолютно спокойно, даже с легкой иронией:

— Я ниже пояса тела не чувствовал. Мне пытались стимулировать мышцы с помощью специальных медицинских электрических приборов. Но ноги от этого так скорезились, просто ужас. Лежу в палате на спине и из-за своих искоруженных ног не вижу, кто заходит. Не ноги, а мучение. Я сам врачам говорю: отрежьте вы мне эти ноги, житья от них нет. Сначала одну, потом другую отрезали...

В восемнадцать лет — полная ампутация ног, сильнейшая депрессия, отказывали почки, развилось малокровие.

Спустя два с половиной года после ранения безногому инвалиду второй чеченской Дмитрию Лахину начислили пенсию аж в одну тысячу девятьсот рублей.

На катетеры и на пеленки, которых в день приходится менять по три штуки (одна пеленка стоит 16 рублей, а в месяц получается 1640), этого не хватает. А питаться, одеваться (не надо брюк, носков и туфель, но есть оставшееся тело), платить за коммунальные услуги? И — никакой медицинской помощи.

Жил с бабушкой. Она и рассказывала: «Иногда смотрю — ночью у него в комнате свет горит, загляну — в глазах слезы. Это от боли и обиды». Обида даже не столько оттого, что государство, отправившее его воевать, лечит и обеспечивает не спешило, а просто — обида. На жизнь.

Но сопротивлялся. Тем более что вокруг оказалось много добрых людей — помогли. Подарили компьютер — освоил, стал писать в местные газеты. Заново научился рыбачить, добираясь до заветной мечты на коляске.

Болезнь часто, тяжело. И, наверное, наступил предел — организм больше не смог бороться...

Дима умер год назад, через несколько дней после того, как ему исполнилось двадцать четыре.

Вячеслав Измайлов.

По периметру

Бахрам Вахидов

«Фронт», «Плен», «Ранение»,
«Госпиталь. Дом. Возвращение»,
«Июльская атака»

Бахрам Вахидов. С августа 93 по ноябрь 94 года был в действующей армии Азербайджана. Воевал в Карабахе. Занимал должности командира отделения, взвода, роты. Был дважды ранен, из-за этого и комиссован. Наград не имел. Война нагнала его уже на гражданке, ранения сильно подкосили его здоровье. Бахрам от них так и не оправился.

«Пишет вам его друг. К сожалению где то с августа не имел с ним контакта. Знаю вот что. После войны Бахрам остался практически без средств к существованию. Был и грузчиком и торговцем, и челноком. Но жизнь не складывалась. Сначала у него умерла жена, потом сожгли квартиру. Вслед за этим умерли родители. Видимо от этого у Бахрама появились дикие головные боли, стали открываться раны. Год назад совсем было плохо. Он даже работать не мог. Как-то через знакомых пристроили его охранником. Но и там работать не смог. Объявлялся несколько месяцев назад в Москве. Потом опять пропал. Умер Бахрам тридцатого октября 2006».

Фронт

Стоял жаркий июль. Мы отучились уже 1,5 месяца. И тут нас взволновало извещение, что армяне Агдам взяли. Что тут началось. Агдам это уже крупный город, там жили десятки тысяч людей. Это единственный район, из которого обстреливали Степанакерт. И тут его берут. Агдамцы были ребята крутые — в Баку с ними не связывались. Драчливые были. А тут по ним вдарили — они и удрали. Хотя не все. Месяц Агдам дрался в окружении. Но ладно с Агдамом — тем более армян задержали под Тер тером (севернее Агдма). Нас собрали, выдали автоматы — и на грузовики, и повезли. Куда, чего — не знали. Едем и едем — патронов нет. Грузовики неслись как ненормальные. Часа через два проехали Али Байрамлы. Ребята начали говорить, что везут, наверное, в Нахичевань. Хотя та отрезана узкой полоской земли — Кафаном — от основ-

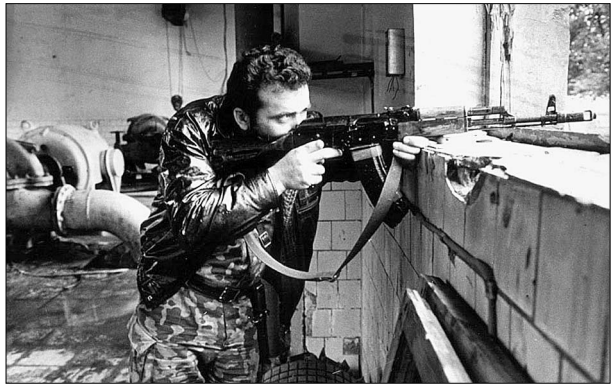
ного Азербайджана. С юга Нахичевань подпирает Иран, с остальных трех сторон — Армения. Прям, анклав какой то. Дальше в Сабирабаде нас сгрузили и повели обедать. Потом отдых. Ночевали в столовой. Никаких часовых. С нами был один офицер. Кто такой, мы не знали. Не из училищных. Так вот, хотя не было часовых — никто не удрал!!!! Вот так. Потому что бакинцы были, а не «чушки». Те, кто жили в Баку, да и сейчас в России хорошо знает, что такое «чурка». В Баку их называли «чушками». Так называли, ту нечисть, которая брала взятки, в ментовской форме совала тебе наркотики в карман и вымогала деньги, оскорбляли (если их больше двух, а ты один), не стыдились ссать на центральных улицах, сидеть на корточках на подоконнике и т.п. То есть гниль. И что с них взять.

С утра построили и у него, у офицера этого (капитан он был), списки. Переключка. И вот я запомнил, что нас было 68. А у него в списках значилось 73. Шум поднялся. Ор дикий стоял. Где пятеро. Наши ребята, что отделенными были, сказали, что кто-то в отпуске, кто-то по болезни. Скорее всего, откупилась, сволочи. Так, наверное, в Баку и отслужили. В общем, опять в грузовики. Да и патроны дали. По десять патронов. Руки складываешь, и тебе в ладони сыпают — по горсточке. К вечеру сгрузили нас в местности и повели на позиции. Где мы, что мы — черт его знает. Засунули в окопы. Справа какие то армейцы, человек 20, и слева

ополченцы, человек 40. Кстати, что солдаты, что ополченцы были разновозрастные. Сидим. В принципе жарко. Паримся. Капитан нам сказал, чтоб окопы начали глубже отрывать, а то вся линия была по пояс. Чем копать-то? Штыками что ли? Лопаток нет. Так и махнули рукой. От ополченцев узнали, что ле-

вее Зангелан, за спиной, километрах в 10-20 Иран. Сидим обжигаемся. Середина августа. Еду подвозили, и вдруг, смотрим, армяне появились окапываются. Ополченцы дико возбужденные начали стрелять. А армейцы молчали. То ли патроны берегли, то ли опытные. А что стрелять — до армян метров 400-500. Кого там увидишь. Окопались они. Тут капитан пришел и говорит: под Физули, мол, бои — армяне жмут. И потом, мол, под Джабраилом тоже. А от нас до Джабраила 3 часа пешком. Мы волнуемся сидим. Кормили, кстати, хорошо. Капитан, даром что народнофронтонец, запасливый оказался и не сука. Не припасал ничего. Нам отдавал. Тушенка. Ели ее холодную. Поначалу нос воротили. Как же — маменькины все сынки! Нет-нет, в Баку кто-то дома был, жратву притаскивал домашнюю. Да и столовка была ничего. А тут — тушенка холодная. Огонь боялись разводить. Тот, кто посмекалистее был менял тушенку у ополченцев на домашнее. К тем родственники постоянно приезжали, приходили. Через пару дней сказали, что и Джабраил, и Физули пали. Мы волноваться стали, если и Кубатлы возьмут — а он на самой границе с Ираном. То нас окружают. На севере армяне, на востоке за Зангеланом тоже. Как выбираться-то? В общем, настроение было плохое.

И вот оно. Сначала по нам дали НУР-Сами. Честно говоря, я так думаю, а чем еще. Орудий у армян там не было. Танков не видели и авиации тоже. Ощущение та-

кое: сидишь, разговариваешь, и тут земля вверх тормашками. Комья земли, все летит, и ты летишь. Как-то встал на карачки и смотрю, окопы разворочены. Ребят не видно. Автомат где-то. Я пополз и натолкнулся на просто месиво. Меня рвать. Я назад. Сзади крики. Я выглянул из окопа, смотрю — идут красавцы. С пригибном человек 50. У нас никто не стреляет. Я орать — Эрмяни! Эрмяни! Мол, армяне, армяне идут. Кто-то из наших стрелять стал и заткнулся. Армяне открыли огонь и ходу к нашим позициям. И тут вижу, бегут наши, бегут. Я давай автомат искать. Не нашел. И смотрю, армяне ближе. Помирать не хочу. Штык-нож на поясе. А я в жизни никого ножом не резал. Побегал. За своими. Они нам вслед стрелять. И гнали нас. Убивали. Многих убили. Бежал долго. А бегун я всегда был плохой. Особенно на короткие дистанции. Догнали они нас. Я прикладом в спину получил, упал. У меня нож с пояса сорвали. И в кучу сгонять. Вот так попал в плен.

Плен

Согнали нас в кучу. Набралось человек 15-20. Армяне оставили с нами охрану из 6 охранников. Основная масса куда-то ушла. Нас через какое-то время погнали почему-то на запад в сторону Зангелана. Из ребят курсантов нас было половина. Вполголоса переговариваясь между собой, выяснили, что часть ребят, вроде, ушла. Кто-то сказал, что ополченцы не ушли — все остались в окопах. Что с ними стало, не знаю, ни одного ополченца в плену не было. Кстати, раненые были, но армяне не давали перевязывать гнали и гнали. Когда один парень упал, обессиленный, они хотели его пристрелить, потом у них возник спор, и четверо наших, взяв его за руки и за ноги, потащили. Быстро стемнело, и нас загнали в какое-то азербайджанское село покинутое жителями. Нас заперли в небольшом домике без окон и с одной дверью. Армяне поставили часового и стали есть. Хотя село, видимо, было брошено недавно и там явно была еда, нас не кормили.

«Фронт» — «Июльская атака»

Мы перевязали раненых и стали говорить. Я больше сидел и слушал. Некоторые горячие головы предлагали выбить дверь и всей массой навалиться на охрану. Когда стали считать тех, у кого еще есть силы, получилось 8 человек, в том числе и я. Понятно стало, что не справимся, после этого опустили руки,

которые плакали. Армяне нас не подкалывали. Я все время пытался посчитать — сколько нас — все время сбивался.

Днем прямо на нас выскочил танк, и за ним бежала пехота. Охранники начали приветственно орать, махать руками, шапками. Танк остановился и потом рванул к нам. Подлетев к нам, танк сходу

развернул пушку и наставил на нас. И тут кто-то ахнул и просто сел. Я посмотрел на него, он на меня. И тут до меня начало доходить, что на танке намалеваны не кресты, а полумесяц. То есть, танк-то наш. Армяне тоже утомонились и стоят обалдевшие. Вот тебе и позиция. Они танк подбить не могут. Танкисты охрану убить не могут. Близко встали, те в мертвом секторе. И мы рядом. Тут, наконец, подскочила наша пехота. Армяне стали бросать автоматы и подымать руки. Один, который не бросил, получил очередь и свалился. Когда ребята посмотрели на нас — оборванных, половина в крови, руки у всех ободранные — они стали этих пятерых армян бить. И забили их насмерть прикладами. Некоторые из пленных пытались остановиться, кричали, что те ни при чем, нормально обращались. Это было бесполезно. Я не кричал.....

Потом посадили нас на танк. Те, кто был посильнее и меньше пострадавшие, побежали с нашими освободителями. Танк тронулся, и мы поехали. Я опять был без автомата. Ехали мы так час. Мне казалось очень медленно. Я заснул.

Мы перевязали раненых и стали говорить. Я больше сидел и слушал. Некоторые горячие головы предлагали выбить дверь и всей массой навалиться на охрану. Когда стали считать тех, у кого еще есть силы, получилось 8 человек, в том числе и я. Понятно стало, что не справимся, после этого опустили руки, и нами овладела апатия.

или ополченцев) и что-то сказал охране. Они начали волноваться. Газик уехал. Они погнали нас. Парень, которого тащили вчера, умер. Армяне дали нам его похоронить. Рыли голыми руками. Руки были просто в кровь. Было обидно и горько. Звали его Рустамом. Фамилии никто не помнил. Пошли дальше, неко-

Проснулся я от криков и выстрелов. Ребята, что бежали за нами, залегли и начали стрелять. Я начал сползать с танка. Танк не стрелял. Наверное, снарядов не было. Я сполз с танка и пополз от него. Это меня и спасло, потому что танк подбили, и он загорелся. Почему он горел? Не знаю, я услышал крики

По периметру

и увидел ребят на броне, которые не могли слезть и горели заживо. Те ребята, которые пытались подскочить к танку и снять горевших, упали. Их подстрелили. Перестрелка нарастала. До меня стало доходить, что танк сейчас взорвется. И только до меня это дошло, как по нему дали из гранатомета еще раз. Я потерял сознание.

Очнулся я через какое-то время и понял, что меня несут на спине. Я стал спрашивать парня, который меня нес, где мы и что мы. А он мне по-азербайджански что-то отвечает. Я успокоился, что среди своих. Оглянувшись и увидев, что рядом идет парень с буквами «К» на погонах. Курсант значит. Из наших, из сержантской школы. Я ему: «Гардаш (брат — по-азербайджански), мы где?» Он мне так тихо: «Бахрам, мы у армян.» А я его имя не помню. Оглядываясь — в голове плывет и точно — опять колонна и вокруг армяне с автоматами. Блин, опять в плену. И охранник услышал, что мы переговариваемся, и, сука такая, дал кулаком парню, который меня нес. Он со мной упал. Я сполз с него, кое-как встал и с тем парнем, курсантом, поднял упавшего. Так троим, подперев друг друга, дошли до лагеря. Что там творилось. Там были женщины, дети, старики, солдаты пленные. Крик стоял — кричали, плакали, стонали. Такой шум стоял. Мне стало очень плохо. Такая ненависть была. Мы троим уселись на землю. Курсант спрашивает парня, тот солдатом оказался из тех, что за танком бежали. Солдата звали Али, он был из Ленкорани, курсант оказался Мурадом из Баку. Не из 6-й школы, а из 134-й, по-моему. Периодически из толпы, сидящей вокруг, вырывали солдат и женщин. Если некоторые женщины возвращались, в крови, в плаче, в разорванной одежде, то солдат не возвращали. Постоянно слышались то очереди, то одиночные выстрелы. От этого можно было сойти с ума.

На вторые сутки к нам подошли трое армян и выдернули Али. Мы с Мурадом вцепились в него и не давали его утащить. Подбежало еще несколько армян и мы, получив свою порцию ударов, наконец, отпустили Али. Больше мы его не видели. Когда мы немного отошли от побоев, стали вспоминать, кого из курсантской школы мы видели. Насчитали пяти-рых, но Мурад сказал,

что в колонне по дороге в лагерь, никого из наших, кроме меня, он не видел. Значит, все погибли там, у танка.

Мимо нас проходили армяне за кем-то, и я увидел у одного армянина на левой щеке большую родинку. У меня что-то щелкнуло в голове. Дело в том, что по линии матери у меня полродни было бакинские армяне. И у одного брата троюродного, армянина, была такая же ро-

вых тел. Видимо, кто-то из армян, просто забавляясь, выпустил очередь по людям. Я к Мураду, он молчит, ничего не говорит, глазами сначала хлопал. Потом перестал. Так ничего и не сказал. Я все понял и начал рыдать. Плакать, как в детстве....

Потом я тело Мурада обыскал, искал нож. Нож пропал.

Вечером пришел Артур. Я был его готов убить — а он мне бросил хлеба и тихо так говорит: «Бахрам, мы тебя ночью выведем и отпустим.»

Я думаю, а мне тебе веры нет. Будете выводить, убью вас всех, за Мурада, за Али, за всех ребят. Порежу. Злость такая бушевала и ненависть.

Вечером пришел Артур с тремя армянами вывели меня и, оглядываясь, повели из лагеря. Довели до часового. Артур о чем-то по-армянски поговорил с часовым. Тот упирается, тогда Артур схватил его, и они начали драться. Один из армян, что был с Артуром, тоже набросился на часового и орет. Второй стал ругаться с напарником часового, на шум подбежало еще двое армян. Крики шум, я понял, что или сейчас или никогда.

Тихо-мирно прожили январь. За это время армяне делали попытки сбить нас с позиций. Один раз закончилось просто стрельбой, второй раз они силой до взвода практически прорвались к нашим позициям. Я своим приказал не стрелять и ждать. И вот, когда вазгены были метрах в 20, мы открыли огонь. Положили практически всех. Никто не ушел.

динка. Детьми мы часто играли. Звали его Артур. И я этого армянина позвал — Артур. Тот обернулся и, зло меня пнув, спросил, кто я такой и откуда знаю его имя. Я ему: «Артур Аветисов, я твой брат — Бахрам.» Он нагнулся и давай меня разглядывать. И спросил: «Как твою мать зовут?» Я: «Анна.» — «А деда?» Я говорю: «Егиш.» Он обалдел. Поставил и ушел. Мурад на меня смотрит дикими глазами и не понимает.

Через некоторое время Артур вернулся, бросил кусок стекла и тихо так говорит: «Бахрам, если придут забирать, попытайся бежать.» И ушел. Я стекло подобрал и Мураду тихо показал и говорю: «Мурад, придут меня или тебя забирать, будем драться.» Он так мне кивает и незаметно показывает штык-нож. Тоже припрятал. Я немного духом воспрял. Сидим. Третьи сутки пошли. Спали попеременно, сторожили друг друга. И вот в мою очередь, когда я спал, я проснулся от звука автоматной очереди. Оглядываясь и рукой за стекло. Думал, за нами пришли. Смотрю, Мурад лежит, у него кровь выходит, и вокруг несколько мерт-

Потому что сейчас еще кто-то придет, и побежал. Только я побежал, шум и крики прекратились. Но стрелять не стали. Уж не знаю, Артур меня в наглуую выводил или подкупили часового, а тот заартачился. Не знаю. Кричали по-армянски.

Так меня брат вывел из плена. Даже не попрощались.

Ранение

Тихо-мирно прожили январь. За это время армяне делали попытки сбить нас с позиций. Один раз закончилось просто стрельбой, второй раз они силой до взвода практически прорвались к нашим позициям. Я своим приказал не стрелять и ждать. И вот, когда вазгены были метрах в 20, мы открыли огонь. Положили практически всех. Никто не ушел. Ночью я кричал армянам, что готов обменять трупы на Ильеса с Эмином. Через ночь обмен состоялся. Я заметил, что над телом Эмина издевались. Я на глазах у армян взял нож и начал его втыкать в трупы

«Фронт» — «Июльская атака»

Госпиталь. Дом. Возвращение

Меня и еще человек 5 раненых направили в больницу в Имишлах. Ужасное место, уходу никакого, персонал злой, ленивый. Собрал я группу бакинцев. Пошли к главврачу и потребовали отправить в Баку. Она отказалась. Тогда мы взяли у нее справки и решили своим ходом добираться до Баку. Два дня пара ребят ходила в город и искала попутку. Наконец, нашли мужика, который согласился нас подхватить до Али Байрамлы. Не буду описывать всех мучений, как мы ехали до Баку.

Дома, конечно, дикая радость. Родителям, оказывается, сказали, что пропал без вести. Несколько дней сидел на телефоне, обзванивал знакомых и родственников ребят, кто погиб. Сколько горя я принес своими звонками....

Дома валялся до середины марта. Все вроде бы зажило. Раз в неделю, в две приходили из военкомата, больницы, милиции. Проверяли меня и т.п. В город пару раз, уже под конец, удалось выйти. Баку жил так, как будто никакой войны не было. В городе появилась какая-то городская военная полиция. Ходили такие рожи в песчаной военной форме (турецкой) без оружия, группами по 6-8 человек. Никого не трогали, драк не разнимали, зачем они были нужны? Еще одна кормушка для откупившихся от фронта. В первый раз вышел в своей военной

армян. На меня что-то нашло. Крики поднялись, чуть не перестрелка. Еле меня успокоили. Потом себя ругал — ведь могли всех нас положить. Обмен совершили: два наших тела на их порядка десяти. Остальные тела мы позже обменяли

Дошел танк к нашим позициям и стал делать страшное: он начал разворачивать траншею. Гоня и давя в ней моих ребят. Ровшан начал ругаться и кричит мне: «Это же наш танк!» Я обалдел. Ровшан вскочил на броню танка и начал прикладом дол-

Рядом оказался Ровшан и показал мне вперед. Я пригляделся и увидел, что от наших окопов ползет паренек. Чего он хотел? И вдруг от паренька отделился какой-то предмет и полетел к танку. Раздался взрыв, а танк прибавил ходу и проехал по тому месту, где лежал паренек.....

на обмундирование и еду. Меня на обмен не пустили. Побоялись, вдруг опять выкину.

В конце января ко мне в землянку примчался солдат и сказал, что от армян на наши позиции прорывается танк. Я выскочил и побежал к месту, куда шел танк. Рядом оказался Ровшан и показал мне вперед. Я пригляделся и увидел, что от наших окопов ползет паренек. Чего он хотел? И вдруг от паренька отделился какой-то предмет и полетел к танку. Раздался взрыв, а танк прибавил ходу и проехал по тому месту, где лежал паренек.....

Позже думал, что хотел парень? Что он, фильмов насмотрелся? С одной стороны, было глупо надеяться подбить танк связкой лимонок (у нас других не было), с другой — нужно мужество, чтобы с гранатами полезть на танк.

бить в люк. Танк замер, люк открылся. Ровшан начал по-азербайджански орать туда. И вдруг вспышка — Ровшан слетает с танка и в землю. Люк захлопнулся прежде, чем я успел выстрелить. Но я все равно выпустил две очереди. Я знал, что во втором взводе есть гранатомет (трофейный, ребята утащили у армян в одной из вылазок). Из него по танку дали, но промахнулись. Из танка дали по позиции гранатометчика и задним ходом пошел назад, к армянам. Из гранатомета дали еще раз, но опять промазали. Так танк и ушел.

Я тело Ровшана стащил вниз. Лица практически не было.

В результате этой атаки в моем взводе не стало семнадцати ребят. Армяне посчитались с нами за свой взвод.

Меня с ранеными отправили в госпиталь. Я был контужен и каким-то образом словил осколок.

По периметру

форме, тут же прицепился смешанный патруль из ментов и армейцев. Старший группы был сержантом. Мы с ним познакомились. Они меня за свой счет (точнее за счет хозяина чайханы) сводили в чайхану. Поговорили. Сержант оказался из фронтовых. Сказал, что был под Кельбаджаром. Потом его перебросили в Баку на инструкторскую должность, формировал маршевые роты. Из его рассказов понял, что воровство с патронами и одеждой было и там.

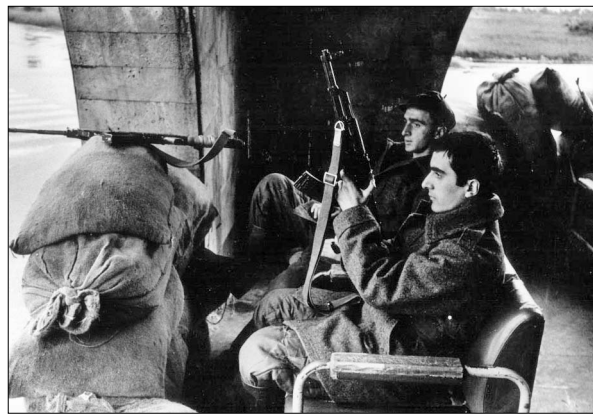
В марте прошел медкомиссию и был направлен обратно. Точнее, я сам попросился. Обратном добирался на армейских попутках. Где-то пешком.

В роте нашел много изменений. Из тех, кого знал, осталось очень мало. Принял свой бывший взвод, в нем меньше половины тех, кто меня знал.

Начал заново привыкать ко всему этому. Пошел к командиру роты и так, между прочим, сказал, что неплохо бы к второй линии обороны ходы сообщения прорыть. Он мне ответил в том смысле: «Много вас умных.»

Я плюнул на его слова и заставил своих прорыть два хода сообщения.

Был уже месяц май-июнь. Не помню точно. Жарко было. С едой стало более или менее прилично. С патронами тоже. И мне солдаты сказали, что в соседней роте (слева стояла 1 рота батальона, справа 2 рота, мы считались третьей — усиленной) получили каски. Я пошел к комроты, он уехал с солдатами. Приехал и рассказал мне и Нусрету (командиру второго взвода), какой мулеж с касками. Положено было роте 75 штук. Его заставили расписаться за сто. А на руки выдали 70 штук (на число реальных бойцов). Вот так. И так во всем. Каски я своих заставил носить всех. Добился, чтобы мой взвод ходил только в касках, чтоб было так же естественным, как застегнутая ширинка. И тут пришлось немного поработать кулаками. Те новенькие, что меня мало знали, начали свой гонор показывать. Пару раз в зубы, кого-то избил и все стали шел-

ковыми. Были случаи, когда слова не доходили. А одного дебила, который сказал, что меня пристрелит, мои «старички» сами избили и сказали, что на лоскуты пустят, если со мной что случится.

Тут встала такая проблема. Как отличить, если что, наших от армян. Обмундирование, в принципе, одно и то же, нашивку на левом плече пока разглядишь. И наш очень умный комроты приказал нанести полумесяцы на каски, белой краской...

Я быстро приказал всем живым ко мне, послал в землянку за патронами, все оставшиеся патроны отдать пятерым (включая меня), остальным быстро набивать патронами рожки и занимать позицию. Когда я выглянул из траншеи, увидел, что все пространство просто усыпано телами наших солдат.

Я ходил, ругался, доказывал, что это лишний ориентир для армян. Ничего не помогло. Как ни смешно, приказал своим носить каски задом наперед. Сколько было подколок со стороны соседей...

Проблема возникла потому, что обычно кокарды национальные носились на шапках, кепках.

Июльская атака

В июле командир батальона приказал прощупать и, если удастся, взять позицию армян. В атаке участвовала вся наша рота, соседние два взвода 1 роты и взвод 2 роты. Всего 150-200 человек. Удар наносился с позиций взвода Нусрета.

После занятия позиций нам должны были подкинуть пополнение. Никакой арт- или авиа-поддержки не было.

Атаковать должны были на рассвете.

Я своих ночью собрал и сказал, чтобы держались некучно, но вперед не вырывались и не смешивались с другими. Если что, сразу ко мне и отступать лицом к врагу, не бежать, как зайцы. Кто победит — сам убью.

И вот часов 6 утра мы выскочили из окопов и побежали. Мои бежали молча, а другие заорали. Орал кто что — кто «Ура», кто «Аллах». Армяне не стреляют. Только уже когда пробежали половину расстояния, редкие очереди раздалились из окопов. И тут, когда я начал радоваться, что вот так, практически без потерь, мы берем эту позицию, откуда-то спра-

ва по нам дали. Первые наши уже заскакивали в окопы, я своих начал разворачивать вправо, но тут и слева вмазали. Наших начали просто планомерно уничтожать. Я приказал своим отходить, дело в том, что засек, что в армянских окопах зашевелилось очень много голов. Эти паразиты дали нам подойти и дали в упор.

Что творилось.....

Основная масса наших покатила назад. Мой взвод оказался в середине. И начали короткими перебежками, прикрывая

друг друга, отходить. Некоторые дураки пытались залечь, но я понимал, что на голой земле нас перешелкают, поднимал, и отходили дальше. Тут, оставленные в наших позициях взводы начали, наконец, поддерживать нас огнем. Мы отходили, не подбирая даже раненых. Меня что-то толкнуло над правым плечом. Когда мы, наконец, добрались до своих позиций, я был просто вымотан. Больше всего боялся, что будет контратака. И тогда мы не удержимся. Практически все патроны расстреляны, рожки пустые, только гранаты. Я быстро приказал всем живым ко мне, послал в землянку за патронами, все оставшиеся патроны отдать пятерым (включая меня), остальным быстро набивать патронами рожки и занимать позицию. Когда я выглянул из траншеи, увидел, что все пространство просто усыпано телами наших солдат. Из 200 человек участвовавших в атаке, обратно со мной вернулось не больше 30. Я немедленно приказал доложить комбату, что атака провалилась, что нужно подкрепление и патроны. Мы потеряли комроты, Нусрета, практически всех отделенных (кроме двух), оба пулемета. Предлагал же оставить хоть один на всякий случай, чтобы прикрыть отход. Был бы пулемет в моем взводе, оставил бы.

Раненые валялись там. Солдаты мне начали предлагать пойти забрать их. Я отказал. Когда соседний взвод попытался, их жестко пропесочили.

Я понимаю, что своим бездействием я, возможно, обрек на смерть нескольких своих раненных, но я не собирался рисковать оставшимися в живых ради раненных. Только часа через три прибыло подкрепление. Ни одного сержанта (не то, что офицера). По-моему, армяне упустили шанс выбить нас с позиций.

Михаил Росовский

НЕСУЩИЕ ГОРЕ

Беседовал Егор Лосев

К сожалению, наш безумный мир никак не может успокоиться, военные конфликты постоянно вспыхивают то тут, то там, и мы часто слышим в СМИ сообщения о гибели военнослужащих.

Мало кто из нас задумывается о том, что каждое такое сообщение бесповоротно раскалывает жизнь сразу нескольких семей на необратимые «до» и «после».

Время ответственности оповещения семьи солдата о его гибели ложится на армию. В каждой стране это делают по-разному.

В Израиле существуют специально подготовленные военнослужащие, которые приносят это тяжелое известие. Их учат, как сообщить о смерти близкого людям разных вероисповеданий и национальностей, как поддержать семью погибшего, чем помочь. В конце концов, это ведь элементарный долг государства перед своими солдатами, самое минимальное, что оно может сделать для павших.

В переводе с иврита эти военнослужащие так и называются — модим — оповещающие.

В этом номере — интервью Егора Лосева с одним из них, Михаилом Расовским.

— Расскажи немного о себе.

— Мне 37 лет, женат, 2-ое детей. Приехал с родителями и братом из Белоруссии. До репатриации закончил школу и не доучился полтора года в Белорусском Политехническом Институте. Через полгода после приезда в Израиль поступил в Бейер Шейвский Университет. Почти все подработки во время студенческой жизни были связаны с работой с людьми: был почтальоном, работал в магазине. В 1995-м закончил университет и сего-

дня работаю инженером. Жизненным девизом была и остается фраза: «Если можешь помочь кому-то — сделай это». Быстро схожусь с людьми и стараюсь находить положительное в каждом. Не терплю несправедливости и не принимаю негативные вещи как дарованные свыше. Люблю путешествовать, читать, смотреть фильмы.

— Как ты стал оповещающим?

— Обычно армия предлагает такую должность на встречах «сборной солянки» — тех, кто «отбился» от своих резервистских подразделений. Под эту категорию попадают и новые репатрианты, прошедшие укороченную службу в армии. На встречу приходят представители «непопулярных» подразделений: региональных штабов, комендатур и т.д. Каждый из них рассказывает 20-30 минут

о будущей резервистской службе и отвечает на общие вопросы. После этого желающие расходятся по комнатам записи. Мой конкретный выбор был довольно определен. После срочной службы у меня был самый высокий медицинский про-

филь — 97* — и я проходил сборы в боевом подразделении, в должности водителя джипа. Но после производственной травмы мой профиль сильно понизился, в результате я и попал на одну из таких встреч в 1998 году.

— Чем ты руководствовался, когда решил стать одним из модим — тем, кто оповещает людей о гибели или ранении близких?

— Как ни странно, у меня это было как сбывшаяся «мечта». Когда-то давно, году в 94-ом, я прочитал в русскоязычной газете об одном случае: представители комендатуры Тель-Авива нашли отца погибшего в Ливане русскоговорящего солдата. Он жил в каком-то совершенно заброшенном доме, в Южном Тель-Авиве. И совершенно не говорил на иврите. Представители комендатуры

долго и безрезультатно пытались сказать ему о гибели сына, в конце концов один из них не нашел ничего лучше, чем произнести фразу: «(имя сына) капут!», при этом проведя ребром ладони по горлу.

Я уж не помню продолжения этой истории, но помню, что подумал — такого быть не должно. И когда мне предложили стать оповещающим, согласился, не раздумывая.

Из тех, кто пришел на ту встречу в военкомат, а это человек двести, помимо меня на такую специальность решили записаться пятеро.

Двое из них, в ожидании своей очереди в кабинет, обсуждали, как хорошо будет

* В ЦАХАЛе здоровье солдата оценивается количеством баллов медицинского профиля. От 97 (самый высокий) до 21 (не пригодный к службе)

Интервью

не месить грязь на сборах, а служить в режиме двухнедельной «готовности». Видимо, это тоже одна из причин. Поэтому первой фразой офицера в кабинете было предостережение: не искать этой службе «легкой жизни». Я рассказал ему о том, что слышал в коридоре. Он поделился статистикой: записываются в среднем 3-5 человек из двухсот, как и в тот раз, но из них половина просится обратно «месить грязь» уже после первого-второго оповещения. То есть без высокой мотивации практически никто на подобной работе не задерживается.

Я же после беседы только убедился в правильности выбора. К тому же я владею русским, а те, кто знает дополнительные языки помимо иврита, как русский, амхарский, арабский — нужны в службе оповещения еще больше.

— Как проходит оповещение?

— В группу входят как минимум 2-3 модими и доктор, если речь идет о гибели военнослужащего. Если о тяжелом ранении, то тогда могут быть просто два оповещающих, или даже один, как это у меня было с раненым эфиопским парнем. Если в группе три человека, то один из них одет в гражданскую одежду. Он выходит из машины первым, на несколько минут раньше, и убеждает, что нет ошибки в адресе. Один из страхов в нашем деле — ошибиться адресом.

Инициатива использования гражданской одежды «местная», на курсах этому не учат. У нас в Афуле так поступали несколько раз, особенно когда приезжаешь в какой-нибудь поселок, где все друг дру-

гу дальние родственники и у восьмидесяти процентов из них одинаковая фамилия. У меня был один такой случай.

Если же в группе нет кого-то в гражданском, просят водителя такси выйти и проверить, что ошибки не произошло. Комендатуры работают обычно с одними и теми же водителями и все они понимают важность происходящего, я не припомню случая, чтобы кто-то отказался.

— Бывают ли в группе срочники?

— На моей памяти никто из срочников сам не изъявлял мазохистского желания присоединиться к нам. Они остаются в комендатуре и ведут бумажную работу: принимают отчеты от группы, связыва-

Делается это вот для чего: армия провела исследование, и выяснилось, что высокое звание оповещающего очень важно — оно имеет большое значение для тех, к кому он приходит домой. Разница между сержантом и майором в таком деле чувствительна.

ются с раввинами, заказывают венки, передают подробности гибели солдата из подразделения, «подгоняют» офицеров пройти в семью погибшего и так далее. Работы на всех хватает, каждым погибшим занимается 2-3 человека в группе и еще 2-3 в комендатуре. Именно поэтому в тех экстренных случаях, когда количество погибших велико, как, например, при столкновении двух вертолетов с десантом над северной границей, некоторые комендатуры часто переходят на военное положение, т.е. вызывают несколько групп сразу.

— А офицеры?

— После курса все обязательно получают так называемое «показательное офицерское звание», я таким образом «перепрыгнул» с сержанта на лейтенанта. Офицеры тоже есть, они в таком же порядке получают «показательное повышение». Делается это вот для чего: армия провела исследование, и выяснилось, что высокое звание оповещающего очень важно — оно имеет большое значение для тех, к кому он приходит домой. Разница между сержантом и майором в таком деле чувствительна.

— Это ведь тяжело, приносить такую весть в семью. Ответственность очень велика. Скажи, людей обучают этому? Требуются какие-то особые качества?

— Никакого специального образования не требуется. А вот одним из качеств, которым руководствуются при выборе кандидатов, является опыт работы с людьми. Пожалуй, лучше всего получается у людей, чьи профессии с этим связаны: торговцы, владельцы магазинов, бизнесмены, страховые агенты и т.п.

— Насколько я понимаю, все начинается с армейских курсов?

— Не совсем так. На курсы почти никто не попадает сразу, так как курс проводится довольно редко, раз в 3-6 месяцев. Армия не может себе позволить обучать того, кто «сломается» на первом-втором случае. Обычно посылают уже принимавших участие в двух-трех дежурствах, это примерно полтора года работы в комендатуре. И только добровольно, это чуть ли ни единственный раз

когда «оповещающий о потерях» призывается на резервистские сборы «как все». Во всех остальных случаях призыв осуществляется лишь по необходимости и обычно в комендатуру по месту жительства.

— Расскажи о курсе, чему там учат. Как вообще можно ТАКОМУ научить?

— На курсе дают базис, инструменты, которыми ты должен воспользоваться. Есть как ожидаемые дисциплины, например, обычаи погребения у разных на-

циональностей в Израиле, так и совсем неожиданные: основы взаимоотношения с прессой, цензурой, командирами и солдатами подразделения погибшего, Абу Кабир* и тому подобное. Многие армии мира присылают своих представителей, чтобы изучить наш опыт, в этом грустном деле — мы передовые.

Вот некоторые из дисциплин: Изучение случившегося от «А» до «Я» Процедура опознания в мирное и в военное время.

Сообщение родственникам за границей и в подразделение «Анцахат а Хаяль»**.

Психологическое напряжение оповещающего и его нейтрализация.

Лидерство и реакции поведения в кризисной ситуации.

Смерть глазами детей. Семьи, находящиеся в кризисной ситуации.

Вскрытие. Средства массовой информации.

Разбираются также и конкретные примеры и манеры поведения. Курс очень интересный, построен так, что каждую тему читает именно тот, кто знает о ней не понаслышке. Например, тему о взаимоотношениях с прессой читал один из известнейших журналистов газеты «Едиот Ахронот», тему об обрядах погребения национальных меньшинств поделили между собой друз и бедуинов, тему об Абу Кабир читал ведущий патологоанатом этого института.

Он, например, рассказывал о том, как важно убедить семьи разрешить сделать вскрытие. Приводил такой пример: довольно часто причиной смерти является остановка сердца, а, выяснив это, можно провести обследование всех членов семьи и предотвратить их преждевременную кончину.

Также рассказал об одном из случаев, когда военнослужащая погибла от взрыва террориста-смертника на автобусной остановке, и только на вскрытии выяснилось, что у нее во рту была жвачка, которая попала глубоко в горло и она фактически задохнулась, когда фельдшер, определив ее, как легко раненную, поставил пластиковый катетер, предотвращающий западание языка, и побежал помогать остальным. В результате того вскрытия были изменены правила у фельдшеров, и после установки кате-

*Абу Кабир — израильский институт патологоанатомии и судебной медицины, где проводятся вскрытия погибших.

** Подразделение Анцахат а Хаяль (дословно «увековечение солдата») занимается семей павшего через тридцать дней после гибели, сменяя оповещающих. Родственникам, находящимся за границей, о гибели сообщают тоже они.

Несущие горе

В семье он не был единственным ребенком, остались еще сын и дочь. Мне он запомнился не только из-за того, был первым, но еще и потому, что у него брат в Казахстане. Пришлось также заниматься и этим.

Мама у парня оказалась русская, и по Галахе он не еврей. Семья очень ограничена в средствах, и он во время армейской службы работал, чтобы помочь родителям. У всех его родственников, даже у сестры-школьницы, «выбило» иврит моментально, а я в тот момент являлся единственным русскоязычным в группе. Самым неопытным, номером третьим. Был везде и сразу: в армии, в больнице. Мне пришлось почти единолично принять решение о пожертвовании внутренних органов, несмотря на то, что армия в это не вмешивалась, так учили на курсе в тот момент. Я общался с посольством в Алма-Ате, которое сначала не могло найти брата, а найдя, и передав деньги на билет, подставило его под вымогателей. Хотя, как я уже говорил, это работа другого подразделения, но там не оказалось русскоязычного, да и семья захотела, чтобы дело до конца вел я.

Потребовалось спорить с раввинами, не желавшим открывать негалахический кладбищенский участок. В определенной мере мне тогда удалось создать прецедент. В те годы места на воинских кладбищах для неевреев были только в четырех больших городах — Тель-Авиве, Хаифе, Иерусалиме и Беер-Шеве. Все проживающие далеко от них могли выбрать один из двух вариантов: погребение на гражданском кладбище, в основном в кибуцах, или же погребение в большом городе на воинском кладбище в отделении для неевреев. В результате, во многом благодаря мне, появились отделения

тера они сейчас обязаны проверить дыхание.

На дисциплине «обычаи погребения» был описан случай, после которого молиим перестали появляться у друзов и бедуинов без солдат, представителей этих национальностей. Оказалось, что один из оповещающих в знак сочувствия обнял родственницу погибшего и получил за это по голове от мужской части семьи.

Опытные оповещающие также рассказывали и о том, что иногда семья агрессивно реагирует при получении известия. Однажды начальник комендатуры одного из городов в центре страны, был избит отцом и братьями погибшего.

Подробно обсуждали с журналистом случай, когда во время столкновения вертолетов на северной границе телеоператор крупным планом показал солдатский рюкзак, на котором была написана фамилия погибшего. Она оказалась очень распространенной, и многие семьи в Израиле пережили несколько тяжелых часов.

Всего не опишешь... Во всяком случае, после курса жена сказала, что я изменился...

— Ты помнишь первый случай?

— Да. Конечно, помню. Его гибель была довольно буднична — автомобильная авария в отпуске. Парень ехал домой с дискотеки. Развез друзей и возвращался к родителям. Как установили позже, был трезв, двигался с разрешенной скоростью. На прямом участке, между Афулой и Афулой-Элит машина резко ушла в сторону, предположительно в попытке объехать препятствие — кошку или собаку, и, несколько раз перевернувшись, улетела в кювет.

Интервью

для солдат неевреев на воинских кладбищах в Афуле и Нацрат-Илите.

В конце концов, у меня получилось настолько хорошо, если здесь уместно такое слово, что позже семья опубликовала благодарность в газете.

Есть и еще один важный момент — прощание с телом погибшего. Для родственников это очень тяжело. По понятным причинам общая тенденция — попытаться уговорить их не делать этого вообще, а если это невозможно, то тогда предложить, чтобы попрощался кто-то из дальних родственников: дядя, тетя и даже далее. К сожалению, в большинстве случаев семьи не соглашаются на это. В моем первом случае на прощание пришла все семья.

Пожалуй, убедить их отказаться, было единственное, что мне не удалось тогда сделать, и уже после процедуры прощания они сказали ту самую фразу, которой я и пытался их переубедить, и которую мы отработывали на курсах: «Ты был прав. Мы должны были запомнить его таким, каким он был при жизни, а не таким, каким стал после смерти». Впоследствии мне много раз говорили это.

А вообще, конечно же, первый раз не забудешь никогда. Даже сегодня, после почти семи лет, иногда встречаясь на улице, мы узнаем друг друга... Я со своим первым довольно долго не мог «расстаться», да и сегодня могу воспроизвести по памяти весь ход событий.

— О чем думаешь, когда идешь к двери семьи, потерявшей близкого человека?

— Всегда роятся несколько мыслей: молишься, чтобы по ту сторону не оказался кто-то из знакомых, с кем пересекался ранее; пытаешься в очередной раз воспроизвести ключевую фразу и прого-

Есть и еще один важный момент — прощание с телом погибшего. Для родственников это очень тяжело. По понятным причинам общая тенденция — попытаться уговорить их не делать этого вообще, а если это невозможно, то тогда предложить, чтобы попрощался кто-то из дальних родственников: дядя, тетя и даже далее.

ворить ее про себя без искажения; надеешься, что никого не будет дома и у тех людей будет еще несколько минут, часов спокойной жизни; веришь в то, что эту нелегкую, но нужную работу ты делаешь не зря, и никто не сможет сделать это лучше тебя.

— Когда уже не первый и не второй раз, можно ли привыкнуть к ЭТОМУ?

— Привыкнуть — не совсем верное слово, но раза после десятого ты учишься ставить невидимую стену гораздо быстрее. Ту стену, которая помогает доктору лечить пациента, а не сочувствовать ему, ту стену, которая позволяет хорошо социальному работнику эффективно

помогать нуждающемуся и, наверное, ту же стену, отгородившись которой, психолог может беспристрастно заниматься пациентами.

— Были ли люди оставшиеся на этой должности на сверхсрочную, если это вообще возможно?

— Все постоянные сотрудники комендатур делятся на две неравные группы: первая, обычно офицеры-срочники-срочницы, которые возглавляют комендатуры. Вторая, большая — группа офицеров сверхсрочников, в основном, мужчин, которые проходят постоянную армейскую службу в крупных городах. Для них это часть военной карьеры.

Офицеры срочники-срочницы обычно не ходят на первую встречу с семьей, а появляются позже, когда начинаются формальности похорон. Офицеры сверхсрочники из комендатур, довольно часто выходят на первую встречу вместе с группами оповещения, и у некоторых из них количество оповещений далеко превышает 200-300.

Обычно группы резервистов не меняются годами и это довольно важный фактор в совместной работе. Ведь когда ты находишься в доме погибшего, то надо поменьше говорить между собой и постепенно начинаешь читать мысли тех, с кем работаешь.

Большинство резервистов остаются на такой работе и после окончания формального призывного возраста, людей часто не хватает, и продолжают службу как добровольцы.

— Бывает, что после выполнения задания нужен психолог?

— Такая возможность существует и она прорабатывается на курсе, но так

как это дело личное и об этом ты сообщал в личном порядке, то я не могу сказать ничего определенного. Очень помогает так называемый «дивув», последующее обсуждение членами группы своих чувств и впечатлений. «Дивув» является обязательной частью, и там обычно оказываешь помощь друг другу. Эта процедура очень помогает «разгрузиться». Я не думаю, что обращения к психологу часты. В основном, эту работу делают психологически устойчивые люди... Хотя все может быть.

— Все, что вы делаете, это очень тяжелая работа, но все-таки — какой момент в ней самый трудный?

— Самый трудный момент одинаков для любого оповещающего — сообщение семье того, кого ты знал лично, «до того, как».

Для меня самым тяжелым был случай, когда в одной семье, живущей в соседнем поселении, я увидел на стене фотографию погибшей военнослужащей и узнал в ней ту девушку, которая всего несколько месяцев назад, до армии, работала воспитательницей в садике моей младшей дочери. Мы несколько раз называли ее как няню.

Учитывая размеры нашей страны, такие встречи происходят довольно часто, хотя подспудно каждый «сканирует» всех своих знакомых по тем немногим данным, которые есть в наличии до выхода на оповещение.

В нашей небольшой комендатуре пришлось однажды, не мне, принести известие доктору, приписанному к нашей

группе. Это было не просто трудно, а почти невозможно. К тому же при сообщении обязательно должен присутствовать доктор, ребятам пришлось искать замену...

— Известия о ранении, наверное, принести гораздо легче?

— Самое страшное — это боязнь не успеть. Когда солдат тяжело ранен и нужно доставить его родственникам в больницу... Не успеть доехать, пока солдат жив. Страшно, если придется в больнице, на месте, заменить собой всю группу. Приходится сидеть с родителями в одной такси — на оповещения о тяжело ра-

ненных ходят по одному, редко вдвоем — вот там, в такси, страх и накатывает.

У меня был случай, когда пришлось два часа ехать с родителями эфиопского паренька, тяжело раненного при взрыве опорного пункта в Газе. Он находился без сознания в больнице Сорока в Беер-Шеве. На мое счастье он остался жив, врачи все заранее подготовили, и я недолго там пробыл.

— Какой случай, помимо первого, тебе запомнился больше всего?

— Когда солдат погиб от обстрела, находясь за рулем автомобиля. Это случилось в самом начале интифады 2000-го. Парень был единственным сыном у матери. Он закончил воинскую службу года за два до этого и, не найдя работы на гражданке, вернулся в армию на сверхсрочную. Родители развелись, отец жил в Рамат-Гане, мать жила с другим мужчиной, который открыл нам дверь, и на коленях умолял сказать, что сын ранен. Затем он просто отказался показать, где она работает. После этого было много всего связанного с отцом, который хотел на гибели сына прославиться, довольно противный мужик оказался. Друг матери, который привлек «русского» политика, морочившего мне голову по телефону, пресса, которая издавала фотографировала меня и показала в выпуске новостей — я тогда как раз поменял работу и многие из моих будущих коллег со мной познакомились таким вот образом... Не каждому встречному можно сходу объяснить, почему ты делаешь ЭТО, да еще и добровольно. В общем, есть что вспомнить, когда остаешься сам с собой наедине.

Несущие горе

Перевод

Джонни Хатчерсон

ГЛАЗА ЛЮБОГО СОЛДАТА

Перевод Нины Меньших

Я ветеран Вьетнамской войны, мне 59 лет. В 1968 году я служил в разведывательном подразделении при 9-й пехотной дивизии. Я был стрелком на вертолете UH-1D.

Я не герой, но мне довелось служить с храбрейшими людьми на свете.

Моей задачей, как стрелка, была защита вертолета и поддержка нашей пехоты.

Единственным моим желанием было сделать свою работу наилучшим образом.

Меня ранило 26 сентября 1968 года, когда мне было 20 лет. Я стал полным инвалидом.

Я женат на своей школьной возлюбленной уже 41 год, у нас четверо детей и девять внуков.

Спасибо вам за то, что прочитали мой рассказ. Все мои истории идут от сердца.

Сердца, полного воспоминаний о прошлой жизни. Но иногда этому солдатскому сердцу бывает страшно одиноко.

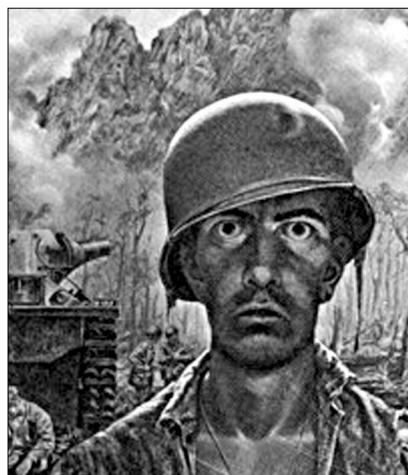
Джонни Хатчерсон

Взгляните в глаза любого солдата, и вы поймете, сколько крови и войны прошло через них, не они придают своему обладателю храбрости, даже если он и пытается выглядеть мужественно. В прошедших битвы есть нечто особое: их достоинство — результат образа жизни и уважения, испытываемого друг к другу. Они — свидетели превосходящих любое воображение событий, их чувства сфор-

мированы сплавом из невыносимого мужества и страха.

Некоторые подобны истинным «джентльменам» и «леди». Некоторые — нет. Как бы то ни было, когда им приходилось смотреть в лицо ледяной стали, пронзительно кричащему свинцу и врагам, сжигаемым единственным желанием — убить, они боролись друг за друга, за самих себя, своих любимых, Свою Страну. Кто-то умирал на руках товарища, кто-то — на грязном рисовом поле, без единой души поодаль, иные — умирали и умирают дома, на улице, в холодной постели, где некогда рядом спала жена, оставившая впоследствии, или покинувший муж. Кто-то умирает в глубоком и жалком одино-

честве, без единой души поблизости, сказавшей бы в самом конце «Мне тебя не хватает».

Насколько быстро о них забудут да и помнили ли о них вообще когда-либо? О некоторых — да: как о ненормальных, живущих на улице. Напрочь забыто сделанное ими — ради тебя, меня, нашей страны... Они — люди без прошлого, «вернувшиеся» из неизвестности, обреченные на равнодушие окружающих к ним самим и их некогда «нормальной» жизни. И это закономерно, ибо никто не попытается понять и, тем более, не захочет увидеть все грани искаленности, принесенной войной в их жизни.

Приходилось ли вам видеть долгий, как путь, пристальный взгляд? Так смотрят Глаза Любого Солдата.

ПАМЯТНИК ЗЕМЛЯКАМ, ПОГИБШИМ ПРИ ИСПОЛНЕНИИ ВОИНСКОГО ДОЛГА

Сергей Скрипаль

Хорошо помню тот день 15 мая 1999 года. Весенняя прохлада, чистое, глубокое, голубое, безоблачное небо и яркое солнце. Легкий ветерок, остро пахнущий цветущей сиренью. Необыкновенная чистота в том месте города, где совсем недавно был захлащенный, замусоренный лесочек.

В 1988 году Ставропольский краевой совет ветеранов войны в Афганистане объявил конкурс на создание мемориала в память о погибших во время войны в ДРА. Буквально в течение двух-трех месяцев на конкурс было прислано более тридцати работ. Не только местные скульпторы приняли участие в конкурсе, несколько работ пришло из Москвы, из соседних Краснодарского края и Ростовской области. Победил скульптор из Ставрополя Николай Санжаров. Его скульптура из пластилина долгие годы хранилась в стеклянном кубе в офисе ветеранского совета.

В общем, конкурс завершился, победитель определен, и, как всегда, вопрос уперся в финансирование проекта и определение места установки памятника. Что только не предпринимали ребята из совета ветеранов, сколько властных порогов пооббивали, каких только обещаний не наслушались. От желания хоть чего-то добиться пошли на следующий шаг: изготовили из оргстекла куб, похожий на тот, где хранилась работа Санжарова, прорезали щель, сделали надпись, мол, для сбора пожертвований на строительства памятника. Выставляли общественную копилку во время проведения различных мероприятий городского и краевого масштаба, устраивали сами концерты в парках Ставрополя, показательные выступления военно-патриотических клубов.

Помню, на одном из выступлений моего клуба «Контингент-Олимп» устроили мы даже что-то вроде тотализатора, с моим напарником-тренером Василием Зубенко заводили народ, разжигали азарт. На спор со зрителями по очереди разбивали кирпичи ребром ладони, в клубе-то у нас помимо всего

прочего занимались еще и единоборствами: карате, рукопашка, самбо и прочее.

Уже и не помню, сколько денег собрали мы тогда в нашу копилку, но приличную сумму, точно! А руки болели после этого шоу сильно, очень долго заживали ссадины и порезы от осколков кирпича. Не хотелось перематывать ладони эластичными бинтами, вроде как смягчение было бы условием договора.

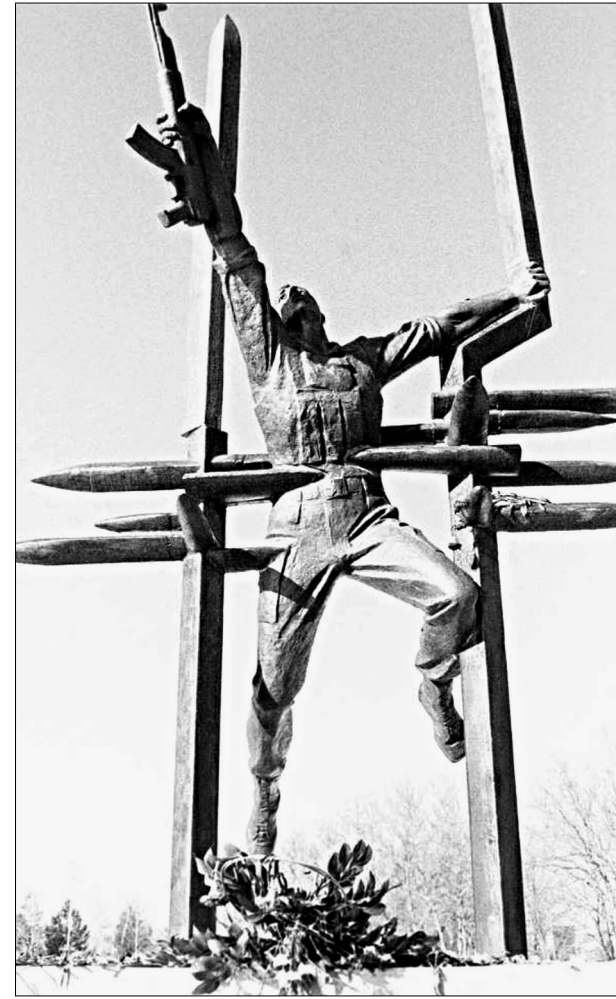
Так что собранные деньги очень скоро превратились в прах после реформы. В общем, снова остались без средств на строительство.

Однако, ребята все из того же совета ветеранов не оставляли мысли о возведении памятника.

Удалось все же убедить, уломать, уговорить губернатора Ставропольского края Александра Черногорова о необходимости появления в столице края мемориала к 10-летию окончания вывода ОКСВА. Было принято соответствующее постановление на уровне края, затем и в самом городе появилось распоряжение мэра о выделении участка земли на перекрестке Кулакова и улицы Ленина.

На календаре было 15 февраля 1999 года. Во время торжественного митинга по случаю закладки камня будущего Сквера Памяти множество людей увидели, каким же будет памятник, рассмотрели работу Николая Санжарова, услышали, что 15 мая памятник будет открыт.

И, о чудо! Именно 15 мая 1999 года Сквер Памяти был открыт. Сброшено покрывало со скульптуры. Из-под мате-

рии в весеннее небо в последнем прыжке вырвался Солдат, взметнув вверх руку с автоматом. Вот-вот он рухнет вниз, но — нет, в его тело впились вражеские штыки. Распяли Солдата. Но он успел своим телом закрыть всех нас от беды, защитив своим телом, своей собственной жизнью.

Вокруг постамента высятся полукольцом памятные доски, на которых слева выбиты фамилии ста двадцати одного ставропольца, сложившего жизни в Афганистане, а по правую руку — погибших в Чечне, тогда было высечено 134 фамилии. К сожалению, уже сегодня необходимо внести в списки павших в Чечне триста фамилия. Как же хочется верить, что на этом все и закончится...

И еще одно. В первоначальном виде, как только открылся памятник, на его цоколе были выбиты слова: «Не повторите этого, люди!». Уже потом, после здравых размышлений слово «не повторите» заменили на «не забывайте».

Не забывайте этого, люди!

Памятники

История одной фотографии

Сергей Скрипник

Участовал: Афганистан 1979 декабрь по 1983 январь (Кабул, Джелалабад).

Сайт «История Афганских войн»
http://www.artofwar.net.ru

СТАРЫЕ ФОТОГРАФИИ, ЗАЧЕМ Я ВАС БЕРЕГУ?

(Памяти моих друзей...)

Не презирайте людей. Ни тех, что ниже, ни тех, что выше. Ни тех, кто в навороченных лимузинах с охраной, ни тех, кто в переходах с протянутой для милостыни рукой. Крутым только кажется, что они стали крутыми по своей воле, их отделяет от попрошаек миг. Но наступил этот миг, тонка кишка протянуть руку. Для этого тоже требуется мужество. Я это «придумал» в своем джипе, тоже навороченном, и я за рулем, на взгляд постороннего, тоже крутой. Потертое лицо той потертостью, что выдает борцов и боксеров, говорю с незнакомыми не мигая — не пропустить удар, и, естественно, также дерусь — не мигая и «с глазами на затылке». Условный рефлекс, по академику Павлову. Их у меня много — условных. Только не дают спать по-человечески. Даже не шорох, а тень — пружинюсь. Спал, не спал? Глаза, вроде, были закрытыми...

Но это — из другой области. Мои философские эскерсисы навеяны так называемым свободным временем. Когда не работает «кора», и полностью доверяешь, как учили в учебке спецназа, подсознанию. За рулем у хорошего водителя «кора» тоже не должна работать, иначе, как та задумавшаяся о себе сороконожка, запутаешься в собственных ногах. Но и на старуху случается проруха. Так однажды, проезжая кишиневским мостом Центр — Ботаника, я увидел инвалида в коляске с плакатом «Подайте ветерану Афгана» и так резко надавил педаль тормоза, что, будь машина «советской», не было бы ни инвалида, ни меня. Инвалид испугался. Я протянул ему стельку и сказал:

«Это не из жалости. Это для того, чтобы ты с этим плакатом никогда и нигде больше не появлялся. Увижу — ноги вырву!»

Я дал по акселератору, а потом смутился: он и так был безногим! Но слов моих — выпущен на промысел какой-то шлобеню — конечно же, не понял! Он не понял, что «афганец» не повесит на себя такой плакат. Никогда. Он в горячке возьмет калаша и выйдет на площадь. Его, как Сережу Дудку, убьют выстрелом в лоб, чтоб забрать казенные доллары и дойчмарки. Или, как «альпинист» Игорь Голиков, в прыжке с пятого этажа напорется на металлический штырь. Или, как Володю Сурикова, насмерть собьет машина. Или, как Саша Савкин, умрет от предозировки... Что угодно, только не с плакатом «Подайте...»

На их кладбищенских плитах «умер» тогда-то. Не верьте. Не умер — погиб. И не здесь, на гражданке. А там, в Афгане. Та война не имеет срока давности. Она была дана и как судьба, и как приговор. С нее просто не возвращались.

● 1976 г.

История одной фотографии

Ни солдат, ни прапорщик, ни полковник. Они наверняка, как лейтенант спецназа, напрягаются от ночного шороха или тени. Хотел добавить «майор в запасе», но нелепо. Запаса чего или, вернее, чьего? Вот такие, брат, апельсинчики, говорю я сам себе. Потому что не могу уже так сказать ни Голику, ни Дудке, ни Савке, ни Сурику. И вот что странно, вернувшись с той войны, мы могли говорить о чем угодно, только не о ней. И дело даже не в подписке «о разглашении» и запрете упоминать о ней в отделе кадров, когда устраиваешься на работу. Просто не хотелось о ней говорить. Может быть, когда-нибудь, думали мы. Когда затянутся раны и перестанешь себя чувствовать потерянными в этой жизни, как эмигрант.

Таковыми все мы пятеро вернулись с той войны. Тот же город, тот же двор на Зелинского, те же окна. И не те. Не было ощущения возвращения. Все равно, что искать угол в круглой комнате. Нас по-прежнему ронили воспоминания юности и в трудную минуту мы могли рассчитывать на плечо друга, но это уже была не та великолепная пятерка, которая жила с азартом. У нас были погасшие глаза. Как-то в интервью «Деловой газете» я сказал о себе примерно следующее. Ушел на войну молодым, здоровым, красивым и улыбчивым, а вернулся только красивым. И этот мой монолог не столь дань моде бывшего солдата, сколько долг друзьям, которые не вписались в наступившие для нас после Афгана реалии.

Судьба солдата той войны типична. Ребята дружно женились, и также в одночасье были брошены женами, — не сумели обеспечить «потребительскую корзину». Куда податься? В охранники или бандиты? В бандитах ведь тоже ходили бывшие однополчане. Дудку убивают на лестнице «Бессарабиабанкэ», где он работал охранником, при инкассировании. Из-за 40 тыс. долларов и 60 тыс. марок. Через два года Сурик по пьяному делу попадает под машину. Голик заложил квартиру, чтоб вложиться в бизнес, квартиру потерял, бизнес прогорел, и в очередной запой, запертый родителями в квартире, пытался выбраться через окно пятого этажа. Но что-то «альпинист» не рассчитал, не спас ни опыт парашютных прыжков, ни боевые навыки, и он рухнул, пробив печень, на штырь, к которому был подвязан виноградник. И через какое-то время Савка умер от передозировки наркотиков.

Я взял слово альпинист в кавычки. Мы его прозывали так за то, что он однажды увлекся певчими птицами, а поскольку это удовольствие дорогостоя-

щее, он высматривал балконы с вывешенными клетками, взбирался ночью, прятал птицу за пазуху и открытой дверцей клетки имитировал «побег». Канарейки, соловьи, щеглы, говорящие скворцы, попугаи, чего только у него не было! Лазал он по водосточным трубам и виноградной лозе. Тем, кто не жил на юге, трудно себе представить, что виноградная лоза разрастается до верхнего этажа и крепостью не уступает старому дереву.

И у каждого из нас пятерых были свои птицы юности. Игорь Голиков, 59 г.р. Балагур, затейник, душа компании. Всегда находил, где можно разжиться едой. Наше детство не было особенно сытым. Летом, если не приглашали разгружать арбузы для овощных магазинов, мы вскрывали сетки у овощных магазинов. И выкатывали те, что поменьше, чтоб было незаметней. Сергей Дудка, 58 г.р. Серьезный, рассудитель-

И вот что странно, вернувшись с той войны, мы могли говорить о чем угодно, только не о ней. И дело даже не в подписке «о разглашении» и запрете упоминать о ней в отделе кадров, когда устраиваешься на работу. Просто не хотелось о ней говорить.

ный и всегда все делал по плану. Был как бы начальник штаба в наших детских играх. Когда начали строить завод «Сигнал», котлован стал театром военных действий, а противник — ребята с магалы, из десятой школы. Собирались по обе стороны котлована. Было нам по 10-12 лет, рогатки и рукопашный бой. Сурик был физически развит, но драться не умел и защищал тылы. Володя Суриков, 59 г.р. Подавал большие надежды в математике и очень хорошо рисовал.

В 76-ом Сергей Дудка уже был кандидатом в мастера спорта по дзюдо и осенью его забрали в Болградскую воздушно-десантную дивизию. А на следующий же год туда же в 98-ую остальных троих. Я уже был мастером спорта по классической борьбе, в шестнадцать лет выиграв турнир Заикина, и закончил спортинтернат. В 77 г. мы трое встретились на призывном пункте, а на плацу в Болграде нас встречает Дудка (через месяц меня забрали в Подмоскowie, в учебку СпН). А на следующий год призывается в Болград Савка, ставший мастером спорта по дзюдо. Дудку направляют в учебку, в школу прапорщиков. Проходит полгода, и в ту же учебку попадают Сурик и Голя. Год спустя в учебку попадает Савка. Выходят прапорщиками ВДВ, и все — боевые специальности. Они не были ни старшинами рот,

ни каптерщиками, на продкладах не сидели. И когда началось с Афганом, рапорты писали по собственной воле, без принуждения. И все проходят Афган. Получают награды, ранения. И уже на гражданке начинается неустroенность, невострeбованность. Время кооперативов и бандитов. Куда пойти? Дудка пошел в охрану, Сурик начал писать «картины», пытаясь продать их на городском проспекте. Ничего, конечно, не получилось и начался стакан. Савка благодаря мамаше закончил торговый вуз, но что это для него, кто по числу боевых орденов опередил всех нас?

Савка... Попал в нашу компанию, как сын завпроизводством ресторана «Дойна». У нас во дворе, на Зелинского 22, у него был самый большой и вкусный бутерброд. По другую сторону дороги жили цыгане. С ними дрались. Пятеро против двадцати. А в близлежащее ГПТУ ходили в спортзал, чтоб потрени-

роваться «на бычках», так звали сельских парнишек. Я в десять лет весил 78 кг при росте 156 см и старший брат послал меня заниматься плаванием, чтоб вытянулся. После плавания — классическая борьба. А в это время Голик, Дудка и Сурик занимались самбо, затем дзю-до. Мы и потому попали в 98 Гвардейскую Свирскую воздушно-десантную дивизию (г. Болград, Украина), что были хорошо физически подготовленными...

Меня заставило взяться за перо непреодолимое желание оставить имена этих ребят во времени. Но произошло то, что очень часто происходит с пишущими. Чем лучше знаешь материал, чем ближе тебе прототип, тем беспомощней отражение. И я не без грусти понимаю, что мой монолог не содержит и десятой доли реалий и претендует не на полноту характеров, портретов, а лишь на штрихи к ним. Наверное, сработал известный принцип, — чем ближе тебе человек, тем труднее о нем рассказать. Это как поиманная неосторожной рукой ребенка бабочка — ей уже не взлететь, а на пальцах ребенка остается дивная пыльца ее крыльев. И когда однажды, расстроившись, я поделился своими сомнениями с сокровенным человеком, он неожиданно сказал: «У тебя ведь остались их фотографии!.. От кого ты их бережешь?.. От себя?..»

Поэзия

Александр Стовба

Афганистан (январь-март 1980 г.). Погиб в 1980-м

ПИСЬМО МАМЕ.

Здравствуй, мама,
Между нами расстояний мгла,
Сотни непройденных километров...
Тропка связи нашей пролегла
Строчкою заполненной конверта.
Мама, как идут твои дела?
Извини, что долго не писал.
Паутинка дней на жизнь легла —
От нее немного я устал.

Знаю я, с печалью обо мне
Ты встречаешь зиму или лето,
Ждешь письмо от сына, ждешь ответа,
И о нем тоскуешь в тишине.
Я приеду, мама, ты лишь верь,
Я вернусь и радостный, и взрослый,
Словно не было и нет потерь,
Я приду окрепнувший и рослый.

Я войду в уютный старый дом,
Древний, как история планеты.
Он любой мне мелочью знаком,
Мне известны все его секреты.
День за днем идут мои года,
С ними бодро я шагаю в ногу.
Мама, я с тобою навсегда,
Ты — маяк, открывший мне дорогу.

Я приеду, мама, ты лишь верь...

Александр Банников

Афганистан (1985-1986 гг.). Скончался в 1995-м

ДЕРЖАВА-ТВЕРДЬ

«Мы живем, под собою не чуя страны».
О.Мандельштам

Чужая беззвучная боль — она ни мала, ни огромна,
безвкусна и неароматна, как яблоко желтого воска.

Когда человек умирает, то мы удивляемся робко,
не верим: наверно, неправда — мы боли не чуяли вовсе.
Но он напослед оставляет мозжащую тягу в груди,
как будто неведомый кто-то сердце мое отбирает...
Глухая державная твердь! — меня от себя отруби -
и боль испытай — и поверь, что люди твои умирают.
.....
Любимый полуночный воздух — как будто болею — не сладок.
Завяз в вычислениях разум: таких не бывает объемов...
Слепая державная твердь! — тебя я несу, как насаду.
Но тяжесть равна пустоте, если она неподъемна.
Я мал, а страна широка — друг друга нам не разглядеть.
А надо, чтоб телом своим я чуял ее целиком.
И только брусок темноты, откуда вынута твердь,
подогнан по росту — впрытык... А кто-то стучит оселком.
.....

Дорога лежит, как бревно. Шаги меж собою срослись,
повисли на мне, как цепа — но я не пытаюсь бежать.
А снег под ногами визжит (чужое страдание — слизь?)
как будто давяло каблуком незрячих голых мышат.
Надсада сгибает все ниже — я вовсе не чую державу.
Я снег разгребаю — земля! — в холодные губы целую.
Чужая державная твердь сама себя побеждает -
восстала дремотою всей — летящие камни уснули.

Владимир «Шрам» (Вронин?)

Чечня. Скончался в 2007-м

РЕКВИЕМ

...Когда приставляешь ствол к чьей-то голове
и спускаешь курок, то не думаешь ничего вообще.
Думаешь до того и после...

Жизнь свою впустую в небо выплюнув,
Не прожил я праведно ни дня,
И уже отлита где-то, видимо,
Роковая пуля для меня.
Мне и сожалеть-то будет не о чем,
Глядя смерти собственной в лицо:
Жил как все — как все грешил по мелочи,
Хоть и слыл матерым подлецом,
А по-настоящему матерье,
Крупные мерзавцы-подлецы
Жили жизнью сказочной, которую
Так и не поймал я под уздцы...

Не судьба, а бед сплошное крошево,
Месиво ошибок, горе сплошь...
Мало в жизни видел я хорошего,
Оттого и сам я не хорош.
Я у жизни не украл, не выпросил
Счастья ни в любви, ни в спортлото...
Двадцать лет коту под хвост я выбросил
До сих пор не осознав — за что?
Все познал я — и любовь, и ненависть,
Но неугомонный, как прибой,
Расплескался, изошел на пену весь
Я при столкновении с судьбой.
И хотя на жизненном спидометре
Счетчик обозначил «30 лет»,
По теченью все еще да по ветру
Я дрейфую в океане бед.

Кружит мою жизнь невзгод пуржилище,
В пустоте — ни пуха, ни пера...
Кажется, как будто и не жил еще,
А уже итожить жизнь пора.
Спорил ты с судьбой или поддакивал,
Смердом в жизни был или царем —
Все мы — люди, смертны одинаково,
Но не одинаково умрем.

Пусть изрядно дал я в жизни копоти,
Но истратив в спешке жизни треть,
Об одном молю тебя я, Господи,
Дай мне на свободе умереть.
Тихо, без цветов, свечей и плакальщиц
Я покину жизни тротуар,
Лишь бы не под звон шприцов и капельниц,
Не через погост тюремных нар.
Хоть в одном яви благоволение,
Хоть в одном не делай мне назло.
Уготовь мне, боже, смерть мгновенную,
Чтоб не понял, что произошло.
Где, каким «макаром» двину кони я?
Чья уgomонит меня рука?
Все равно, но только б без агонии,
Моментально и наверняка...
Сдохну, и едва ли кто спохватится,
Что меня не стало, что исчез...
Разве, что звезда слезою скатится
По щеке всевидящих небес.

Поэзия

Может пес такой же неприкаянный,
Одинокий и ничей, как я,
Взвоеет в небо тошно и отчаянно,
Проклиная бренность бытия.
И лишь ива, всплескивая ветками,
Выразит по мне немую грусть.
Там, где я со смеженными веками,
Отстрадав свое, угомонюсь...
Ни девичья ручка, ни ребеночья
Не опустит надо мной цветы.
Два квадратных метра вечной полночи
Будут, как и жизнь моя пусты...

Жизни жуть и смерть рисует жуткую...
Спи, сознание! Совесть, отвяжись!
Из-за вас зловещей чьей-то шуткою
Кажется мне собственная жизнь....

Анатолий Ягодин

Чечня. Погиб в 1996-м

Я ВИЖУ

Я вижу, как жесток и сир,
На горло наступив пророку,
Нас переделывает мир,
На откуп отданный пороку.

Как люди, к совести глухи,
При помощи интриг и своден
Венчают лаврами грехи,
А подвиг — беден и безроден.

И сам я исподволь учусь
Глумиться над чужою болью,
Печиться умерщвлением чувств
И похоть называть любовью.

Боюсь, что сердце отболит
И примет функции желудка,
В чернила кровь переварит...
И станет жутко. Жутко. Жутко...

Прямое попадание

Анатолий Воронин

В случае с Чечней вступает в действие еще один фактор — ясное осознание того, что ты воюешь против своего вчерашнего одноклассника, позавчерашнего соседа по скамье в институтской аудитории, позапозавчерашнего боевого друга, с которым плечом к плечу воевал против духов в Афгане. И, целясь во врага, ты непрестанно думаешь об этом, лихорадочно пытаешься представить, а как поступит тот, кто сейчас по другую сторону баррикады? Выстрелит ли он в тебя, если ты, пожалев его, не выстрелишь сам? Как правило — стрелял. А поэтому и ты стрелял, порой уже не задумываясь ни о морали, ни об иных возвышенных материях. Срабатывало элементарное чувство самосохранения. Как с одной, так и с другой воюющей стороны.

Общество самоустранилось. И думать перестало уже совсем.

Общество кричало «Ура» в новогоднюю ночь под брызги шампанского и канонаду взрывов в Грозном, и не было тому обществу никакого дела до того, что в ту секунду оборвалась еще чья-то молодая жизнь. И все потому, что в ту новогоднюю ночь в целом по стране название которой — «Россия», в результате ДТП и пьяного утара в мир иной ушло больше народа, чем на пылающих улицах Грозного, и о тех смертях в СМИ в следующие дни говорилось намного чаще и подробней, чем о том, что происходило в Чечне. Показанный по «ящику» дым пожаров над крышами домов в Грозном мало у кого вызвал обострение чувства самосознания и уж, тем более, сострадания. Общество уже давно перестало считать погибших, потому как всем все по фигу, когда это не касается индивидуума лично. Не потому ли в один день, в одном подъезде дома, на одной лестничной площадке две разные группы людей одновременно отмечают свадьбу молодоженов и поминки по погибшему на войне молодому человеку, и у выходящих на общую лестничную площадку людей, даже не возникает тени сомнения в том, что такого не должно быть. Возможно, что у кого-то и шевельнется в душе что-то такое, но крика души не происходит. Мы все просто очерствели. Все.

Артем Шейнин

...Это именно то время сделало многих нас, таких разных, такими похожими во многом. У нас общие потери, нам одинаково грустно. У нас есть душа, чтобы выложить ее. Кажется, что та эпоха ушла безвозвратно, но ведь мы остались, хоть и вернулись не все.

И когда мой 17-летний оболтус, прочитав мой рассказ, сохраняет какие-то строчки из него себе на компьютер, я понимаю, что жизнь продолжается.

Надо просто жить и просто помнить.

И постараться оставить побольше памятников тем, кто за нас «заплатил»...

Будем жить.

Читатель

Многие ветераны зависли между жизнью и смертью в чисто физическом смысле. Не знают, доживут ли до следующего Нового Года, следующего дня рождения. Каждый день — физическая боль от незаживающих, буквально не заживающих ран. Полностью утробленное здоровье, исковерканная в 30 с небольшим лет судьба. Я общался с одним военным переводчиком, который потерял в ДРА ноги и руку и стал инвалидом в 24 года. И он жил, пытался выживать, еще при совке это было. В чем мог, я пытался помогать ему, но когда выходил из его полуразвалившейся хибары, у меня самого в душе было отчаянье, потому что ничего толком я не мог для него сделать, большой, здоровый, со всеми 4-мя конечностями, пусть и без уха. Он так и умер, тихо, уже много лет назад, не пил он горькую, он просто пытался жить. Но — умер, угас. И никогда, и ничего он уже не расскажет: каково это, оказаться в 25 лет без ног и руки, без члена, на окраине сибирского города, с матерью-инвалидом, и ПЫТАТЬСЯ жить на пенсию в 100 руб.

Анатолий Левочкин

Отчего люди, отдавшие свои лучшие годы юности, а, может, и здоровье с такой мягкой тоской описывают места, где ... воевали. Что же авторы любят, ту землю или себя в юности на той земле? Я же удовлетворюсь своим предположением, что все, что ни происходит, происходит так и тогда, когда этому настало время. Оттого, раз для понимания и любви к той земле нужна была не праздная прогулка туристом за речку, так оно и стало. До такой мудрости я еще, а может и уже, не дорос, но и я благодарен, в общем-то, своим событиям.

Павел Андреев

В ходе празднования данного дня рождения пришлось сдать пару тестов — на жизнь. Столкнулся с тем, что, заполняя собственное жизнеописание, вдруг увидел следующую картину: родился, учился, служил, был ранен, учился, женился, воспитывал, работал, руководил... — почти, как у всех, кроме двух «эпизодов». Всегда есть возможность «изменить» прошлое в угоду будущему, но, изъявляя желание «самостоятельно» давать письменные показания, по поводу...», всегда принимаешь решение — что из «вчера» взять с собой в «завтра».

Надо меняться?

Надо!

Но всегда ловишь себя на том, что не можешь отказаться от этого маленького «почти» в своей биографии... «Если не получается — смените подходы» — так говорят японцы. Мы так же, как и те, чьи биографии «почти» похожи на наши, добиваемся всего сами. Но для нас в слове «добиваться», главное — не «бить», а добавочность действия, обозначенная приставкой «до». Это не отправляет нас в новый путь, а заставляет взглянуться в уже сделанное — в это самое «почти»!

Добиваться — доделывать сделанное, заканчивать начатое. Те, что «почти» как мы, добиваясь — бьются в новых попытках и добивают! Мы же не добиваем и не бьемся в попытках — мы просто заканчиваем начатое!

В этом смысл этого маленького «почти» — по крайней мере, в моей жизни. Говорят, что если результат не зависит от схемы решения, то это математика, а если зависит, то это бухгалтерия. Я рад, что остался «математиком» и не стал «бухгалтером».

Читатель

...как кадры хроники про многих из нас. И именно потому, что в наших головах крутят похожие «мультфильмы про войну», нам многое не нужно объяснять друг другу, и так многое мучительно, порой, невозможно объяснить тем, кто не может даже представить эти запахи и ощущения...

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

Николай Вопилов, Вологда

Вышло уже два номера Альманаха, а значит, есть развитие. Вот о нем и следует подумать поподробнее. Оба номера — совершенно разные, что хорошо, так как, замах первого номера оправданно вылился в потрясающий удар второго. При этом видна четкая связь между ними, а это, в свою очередь, свидетельствует о ясности планов действия редакции Альманаха. Достаточно не просто начать такое дело, но продолжить его (не впадая в различного рода метания), в сто раз сложнее. С каждым номером трудности будут возрастать, но появятся и опыт их преодоления. Нужна сила духа и сила воли. Неослабевающих запасов этих сил и хочется пожелать редакции Альманаха. Размышляя о составляющих Альманаха произведениях, на мой взгляд, нельзя говорить, что вот это, к примеру, сильно, а вот это слабее, а вот здесь я с Автором не согласен. Все видят и пишут о своей правде и о своей боли. Все проходят свою кризисную ситуацию с разной степенью сопереживания, тем или иным ее участникам. И выводы делают разные. Уникальность Альманаха в том, что читатель сам, читая и анализируя произведения Разных Авторов, приходит к Своему мнению о той или иной проблеме. Задача редакции, как можно в большей степени, представить в ограниченном формате Альманаха (место, тема номера, согласие Автора на публикацию), всю палитру мнений, взглядов, выводов, выраженных Авторами в своих произведениях. Понятно, что совершенству нет предела, но работать в этом направлении еще есть куда. Хочу высказать пожелание создать рубрику «Знакомство с Авторами», где методом интервью Автор рассказывает о своей довоенной и послевоенной судьбе, об умении преодолевать жизненные препятствия и неурядицы, умении строить свою судьбу. Мне кажется, это будет востребовано читателями. Может быть, стоит открыть рубрику «Мой первый год в армии», где те же Авторы, а в дальнейшем, и читатели смогли бы рассказать о проблемах этого периода, вариантах их решения. Но это, наверное, позже, с расширением аудитории Альманаха, хотя как знать... Еще мне кажется, что рубрику «Байки» можно увеличить до 3-4 произведений. Юмор и Армия неразрывны, а юмор на войне хороший помощник и свидетельство морального здоровья организма. Удачи!

Отто В.А, Омская область

Добрый день! Дело, которым Вы занялись очень нужное. Я, как ветеран Военной службы, пенсионер, являюсь председателем совета ветеранов сельского поселения, работаю в сельской школе завхозом. Ощущаю постоянно нехватку правдивой информации о вооруженных конфликтах. Люди живут, старшее поколение, теми догмами, которые получили в советское время. Где советский народ с его вождями представлен в роли РОБИН ГУДОВ. Никакая информация из рассекреченных архивов до простых людей не доходит. Причина тому простая. Люди выживают. Моя школа на 260 учащихся, 45 человек трудовой коллектив, а выписывают или покупают газеты процентов 10-15. Между тем учителя школы получают в пределах 5000 руб. и чуть больше, а школьная уборщица в районе 2000 руб. У одних на газеты денег нет, другие учителя равнодушны ко всякой политике. Поэтому я готов распространять журнал 'Art of War' в своем поселении и в районе, если доверите. В селе есть и афганцы, и люди, воевавшие в горячих точках, есть и убитые. Школьный музей имеет очень мало экспонатов о войне 90-х годов, начала 21 века. Будем благодарны, если получим хоть один журнал.

Андрей Рудалев, Северодвинск

...Журнал второй раз увидел совершенно случайно в одной из наших северодвинских кофейн. Не знаю, как он туда попал, но очень выделялся в ряду традиционного гламурного разноцветья. У бармена смог только узнать, что пришел какой-то молодой человек, оставил два номера и попросил, чтобы посетители могли видеть, читать...

Сергей Епихин, Чита

«Мне понравился Альманах, в нем есть практически все. Для любого читателя. Лично для меня интересно все, что связано с Афганом (сам был, видел, знаю) и с Чечней (знакомые из читинского СОБРа были несколько раз — но молчат как рыбы).Уж извините, но, что там было в Ливане или Камбодже пока не могу осилить. Может, неинтересно, нас там было мало. Журнал на хорошем уровне, т.к. делали профессионалы, и неважно, на какой

бумаге он напечатан. Не надо глянцевого, давайте попроще, главное — содержание, фотографии.

Хотелось бы увидеть:

— рубрику «Мы ищем друг друга» — Журнал должен быть рассчитан на большую аудиторию, и не у всех читателей есть интернет. Пусть читают, ищут своих, а связь уже не проблема.

— рубрику «Разбор полетов» — Детальный расклад известных или менее известных операций. Страна должна знать своих героев, но и должна знать и антигероев, тех, кто думая о себе, посылал солдат на смерть.

— Немного статистики, любой.

— Топография (нам хорошо, мы можем посмотреть на карты в любое время, а у ребят нет компьютера, а найти знакомые места хочется). Карты можно выпустить отдельным альбомом, а можно к каждому выпуску Альманаха, как вкладывать.

— Раздел о том, как там сейчас (Афган в первую очередь), как там американцы воюют и друзья наши из Прибалтики. Современные фото. Записки наших путешественников.

Москва — 400

Анатолий Голиков, Санкт-Петербург

Если коротко мнение о вышедших номерах — здорово!!! Первый приятный неожиданный сюрприз Второго номера — обложка! Еще когда ехал с Московского вокзала, не утерпел, вскрыл почтовую упаковку прямо в маршрутке, и, увидев обложку — оторопел, извините. Бура чувств! Тут и эффект неожиданности от смены цвета, и сама фотография. Сразу все понятно без слов!.. Несколько минут сидел, не решаясь открыть номер, просто глядя на обложку... Одним словом — ЗАМЕЧАТЕЛЬНО! МО-ЛОД-ЦЫ!!! Так держать. Спасибо большое!

Вне рубрик

Андрей Грешнов

Сайт «История Афганских войн»
http://www.artofwar.net.ru

ИНСТИТУТ СТРАН АЗИИ И АФРИКИ НА АФГАНСКОЙ ВОЙНЕ 1979-1992 г.г.

(Часть I)

Никогда раньше я не тратил столько времени, чтобы написать всего один рассказ. Но это единственное, что я могу подарить моим товарищам — студентам и выпускникам ИСАА при МГУ им. М.В.Ломоносова, погибшим на афганской войне. Я долго думал, как его написать, и, в конце концов, решил, что в нем не будет ни пафоса, ни слезливости, ни художественных образов, а тем более, малейших элементов вымысла. Все громкие слова о погибших давно сказали те, кому они были по большому счету безразличны. Пафос героики истлел, превратившись в прах поверженного и поруганного красного Знамени Победы, под которым они воевали. Слезы по погибшим давно выплаканы их родителями, братьями и сестрами, многих из которых сегодня уже тоже нет в живых.

Пройдет совсем немного времени и память об этих ребятах сотрется — государство сделает для этого все, что в его силах. Государству не нужна память о Советском Союзе и его верных сынах, память о собственной подлости, допущенной в отношении этих честных и чистых людей, однажды поверивших ему. Ему нужно лишь пушечное мясо, желательно не обремененное памятью прошлого.

Один человек не остановит танк саперной лопатой. Но вырыть небольшую яму на пути его движения он может. Если эту яму будут рыть сто человек, то получится противотанковый ров, непреодолимый для этой бронированной государственной машины. Каждый оживший эпизод афганской войны — это удар лезвия лопаты о землю. Нужно быстрее, пока еще осталось время, копать этот ров и не дать танку пройти, иначе он опять поедет по живым людям.

ГЛАВА 1. ОТЧИСЛИТЬ В СВЯЗИ СО СМЕРТЬЮ

В Институте стран Азии и Африки (бывшем институте Востоковедения — ИВЯ), одном из факультетов МГУ им. М.В.Ломоносова, в 80-е годы прошлого

столетия существовала добрая традиция: вчерашние абитуриенты, успешно сдавшие вступительные экзамены, первокурсники встречались на лекциях со студентами старших курсов. На этих встречах они учились у старших товарищей правильному произношению, навыкам разговорной речи, правильности письма и почеркам. Живое общение помогало лучше изучить язык в диалогах и разговоре. Поэтому большинство студентов одинаковых языковых групп обычно знали друг друга, здоровались на перерывах между академическими парами.

Обычно 15-20 минут отдыха между лекциями и занятиями в аудиториях, где когда-то учились Добролюбов и Чернышевский, они проводили в курилке, на третьем этаже института. Сейчас, после реставрации здания института, этой курилки уже нет. Но раньше это была своего рода «роза ветров». Оттуда уходила лестница вниз и в туалет, направо от курилки шел узкий коридор в чрево института, который вел к кафедрам восточных языков, располагавшимся на этаж ниже, а также коридор к кафедре западноевропейских языков. Здесь обсуждались последние новости, переписывались шпаргалки, выкуривались сотни тысяч сигарет. Здесь люди знакомились и общались друг с другом, становились друзьями и врагами, здесь они влюблялись и потом, порой создавали семьи. Даже те, кто не курил, задерживались на этом информационном пятнышке, чтобы обменяться парой фраз со своими друзьями, узнать, кто из преподавателей заболел, и кто его будет заменять. Группам персидского языка очень повезло. У них были замечательные преподаватели. Помимо звездного профессорско-преподавательского состава — Розы Георгиевны Левковской, Веры Борисовны Никитиной, Елены Николаевны Шаровой, Владимира Борисовича Иванова, Татьяны Михайловны Маркиной и многих других, по чьим пособиям учились многие поколения востоковедов, в советское время на кафедре преподавали и живые носители языка — члены компартии Ирана, бежавшие из страны в СССР от шах-

ских репрессий. Фамилии давно ушедших в другой мир Мамед-Заде и Фуругияна помнят в институте до сих пор. Благодаря им, уже с третьего курса студенты могли почти свободно, а главное очень грамотно говорить на языке фарси. Точно так же обстояло дело и на афганской кафедре, где преподавались языки дари и пушту. Две разные кафедры, но два родственных, почти одинаковых для нас, студентов языка. Мы все знали друг друга, иногда посещали занятия «родственников», чтобы понять, в чем же состоит отличие языка дари от языка фарси.

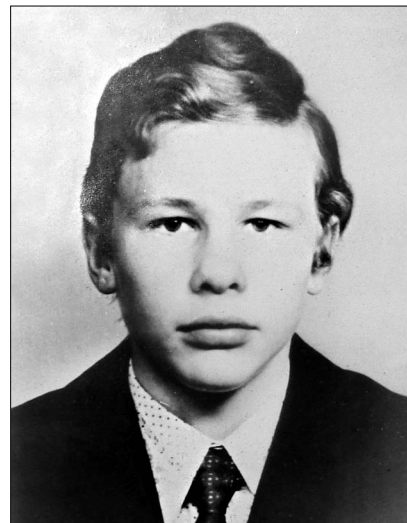
Кто и как попадал в наш институт? Попробую рассказать подробно. В советское время ИСАА считался вторым по престижности вузом в СССР. Но в отличие от МГИМО, куда путь «неблатным» был практически заказан, а если таковые и «просачивались», то учились преимущественно на факультете международной экономики, в ИСАА попадали по настоящему талантливые люди. Их таланты были разносторонними, и не обязательно относившимися к востоковедению. Но об этих талантах государство знало еще до их поступления в вуз.

Прежде, чем сдать документы для допуска к вступительным экзаменам, «малая» приемная комиссия «выбраковывала» более половины потенциальных абитуриентов. Вначале следовало собеседование с проректором по административно-правовым вопросам. Седой и красивый полковник КГБ Догушев вел беседу в отдельном кабинете на втором этаже неторопливо, доброжелательно, уделяя каждому человеку достаточное количество времени для того, чтобы изучить его реакцию на неожиданные вопросы, его поведение, узнать о его вкусах и предпочтениях. Перед каждой такой беседой он внимательно изучал личное дело собеседника, перепроверял (уже проверенную) изложенную там версию биографии. На собеседованиях вопросы были самые неожиданные: от «каких зарубежных писателей Вы любите и какую книгу зарубежного автора читаете сейчас?» до «расскажите, что Вы знаете

о Сталине и разоблачении Бухарина». Люди с малейшей «тенью» в биографии, были «обречены». Они обычно молча, а порой и с криками, забирали свои документы и шли сдавать экзамены в другой вуз. Распределение по языковым группам было практически спонтанным, хотя для приличия абитуриентов спрашивали, какой язык они хотели бы изучать.

В том, что погибшим в Афганистане ребятам выпало изучить именно эти языки, есть некое предначертание Судьбы, как есть и Божественный промысел в том, что погибли там лучшие из лучших. Это не просто сравнительная метафора. Вовсе не пусты слова о том, что Господь забирает лучших. Внимательно изучив краткий жизненный путь каждого из погибших, вы сможете в этом убедиться и сделать соответствующие выводы.

Читать говорящие книги — личные дела погибших товарищей — всегда нелегко. Еще тяжелее сознавать тот факт, что до их смерти, они были очень нужны государству, но после гибели — только своим родителям. Время. Мы всегда жалею его для живых, а потом жалею о том, что его жалели.

Адамов Игорь Николаевич, белорус, член ВЛКСМ. Комсомольский билет № 20700383. Родился 30 сентября 1961 года в городе Несвиж Минской области, единственный сын у родителей.

Отец — Адамов Николай Адамович — старший офицер Комитета государственной безопасности (в.ч. № 33965, Теплый Стан)

Мать — Адамова Людмила Петровна — старший инженер НИИ.

Окончил среднюю школу с красным дипломом и золотой медалью. В том же

ИСАА на Афганской войне 1979–1992 г.г.

году поступил в ИСАА при МГУ. Учился только на «отлично», был награжден Знаком ЦК ВЛКСМ и Минвуза СССР «За отличную учебу».

Игорь был отличным спортсменом, талантливым музыкантом и поэтом. Он любил играть на гитаре, сочинять стихи.

на военной кафедре МГУ после 4-го курса), без принятия присяги зачислялись переводчиками в действующие части и подразделения Вооруженных сил Афганистана, где работали и воевали вместе с советскими военными советниками в рядах афганской армии, носили афганскую полевую форму.

Официально командировочное предписание выдавалось студентам в.ч. № 44708 — 5-м управлением Генерального штаба. Сама командировка осуществлялась по разным линиям, но в основном по линии 10-го Главного управления ГШ СССР (ныне управление Международных связей и военно-технического сотрудничества Министерства обороны РФ). Воинский статус командированных — служащий.

Понять, почему происходило именно так, а не иначе, легко. Министерство обороны СССР планировало использовать этих специалистов на войне дважды. Первый раз в качестве служащего, второй раз — в качестве офицера. Однако, когда «молодых» переводчиков убивали на войне, их статус загадочным образом менял-

Опоздавшие и не явившиеся в срок допускаются к экзамену лишь с разрешения ответственного секретаря приемной комиссии.	Факультет <u>ИВЯ</u> Специальность <u>СССР-Эк</u>
По окончании вступительных экзаменов экзаменационный лист должен быть возвращен в приемную комиссию.	Экзаменационный лист № <u>1820406</u>
Не зачисленный в учебное заведение получает свои документы после сдачи экзаменационного листа.	Фамилия <u>Адамов</u> Имя <u>Игорь</u> Отчество <u>Николаевич</u>
	Протокол о допуске к вступительным экзаменам № _____ от _____ 19__ г.
	Дата выдачи <u>28 июня 1978 г.</u>
	Место печати <u>МГУ им. М.В. Ломоносова</u>
	Подпись ответственного секретаря приемной комиссии <u>Адамов</u>

Так трагически совпало, что после ввода советских войск в ДРА, о сам сочинил песню о погибающем на афганской войне переводчике...

Знал ли Игорь свою Судьбу? Или эта песня стала его судьбой? Придуманные им однажды слова материализовались.

3 февраля 1981 года в числе других студентов 3-го курса он был командирован в Афганистан в качестве военного переводчика согласно закрытому постановлению Совета министров СССР о мобилизации студентов профильных языковых вузов в ДРА.

Студенты без воинских званий (звание лейтенанта присваивалось только по завершении курса военной подготовки

ся в бумагах, и бывшие еще недавно живыми служащие превращались в погибших военнослужащих.

К слову сказать, когда первые группы переводчиков были направлены летом 1979 года в Афганистан, студенты рабфака (отслужившие в армии на территории СССР) в ДРА ехать отказались. Из студентов, пришедших в институт после школы, не отказался никто.

17 августа 1981 года в составе 203-го батальона бригады «коммандос» в районе населенного пункта Калаи-Нау провинции Парван, в 10 километрах юго-западнее Баграма, Игорь погиб в бою с душманами

Вместе со своим советником он ехал в автомобиле в распоряжение своего под-

Вне рубрик

разделения когда операция уже началась. По какой-то причине машины сопровождения за ними не прислали.

Советник и переводчик попали в засаду в «зеленке». Бандиты подбили их автомобиль из гранатомета. Граната попала прямо в Игоря, практически разорвав его тело на части. На месте разгравшейся трагедии потом нашли патроны от пистолета ТТ — это отстреливался от душманов смертельно раненый советник. Их не могли найти несколько дней: в районе шла операция, и сделать это было очень сложно. Когда нашли спрятанные в душманском хрене тела переводчика и советника, люди увидели, что изувечены надругались над мертвыми: выкололи им глаза, обезобразили ножами и штыками лица до неузнаваемости. Их опознавали потом лишь по особым приметам.

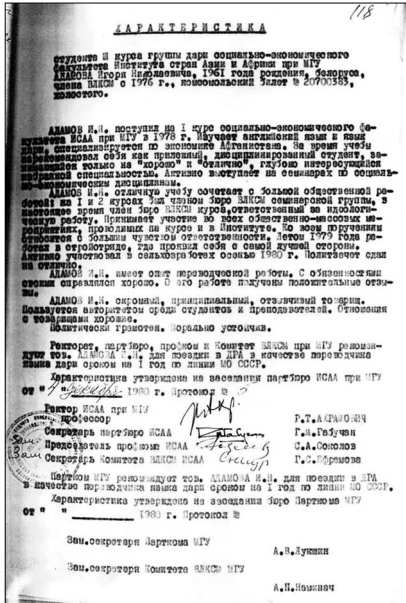
Подробности о гибели Игоря стали известны лишь благодаря тому, что его отец посвятил этому всю оставшуюся жизнь.

Посмертно Игорь Адамов был награжден орденом Красной Звезды, знаком ЦК ВЛКСМ «Воинская доблесть», медалью «От благодарного афганского народа». Еще при жизни за боевые заслуги, беззаветную храбрость и мужество студент Игорь Адамов был награжден афганским орденом «Звезды» 3-й степени.

В газете «Вечерний Минск» несколько лет тому назад мама Игоря написала о том, что они с отцом в то время послали в Кабул Игорю две бутылки коньяка. Этот коньяк Игорь берег до особого случая. И случай настал: друзья разливали его в стаканы на его поминках в Кабуле.

Когда Игоря отправляли в Афганистан на войну, на заседании парткома ИСАА при МГУ утверждали его харак-

теристику. На этом документе стоят подписи шести человек: ректора ИСАА при МГУ Р.Т.Ахромовича, секретаря парткома ИСАА Г.А.Габучана, председателя профкома ИСАА С.А.Соколова, секретаря комитета ВЛКСМ ИСАА Г.С.Ефремовой. Затем характеристика была передана на утверждение в МГУ на подпись замсекретаря парткома МГУ А.В.Лукшину, замсекретаря комитета ВЛКСМ МГУ А.П.Немжана.

Когда цинковый гроб с останками тела Игоря его родители привезли в Москву, чтобы отслужить в здании института гражданскую панихиду и дать ребятам с ним попрощаться, все эти люди, за исключением, возможно, Гали Ефремовой, отказались от Игоря. На 13.00 была назначена церемония прощания. В 12.00 стало известно, что ее не будет.

Ректор Ахромович, которому «сверху» запретили проводить панихиду, сказался больным и исчез на несколько дней из поля зрения людей, отключив домашний телефон. Мы, оставшиеся в живых, все это хорошо помним. Никто из этих «сильных» партийных «мужчин», отправлявших его на фронт, не осмелился сказать слово за Игоря, отдать ему последний человеческий долг. Им это было сложно, наверное, сложнее, чем Игорю погибнуть мученической смертью в бою с врагами.

Гроб с телом Игоря Людмила Петровна и Николай Адамович сами повезли хоронить в Минск.

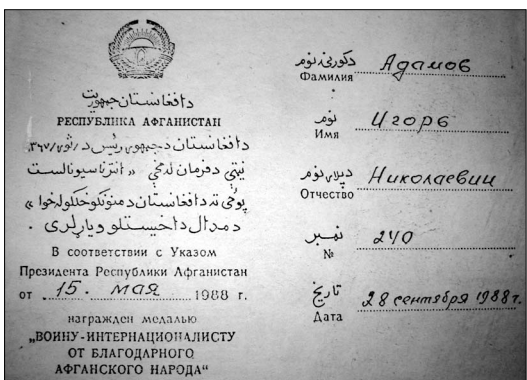
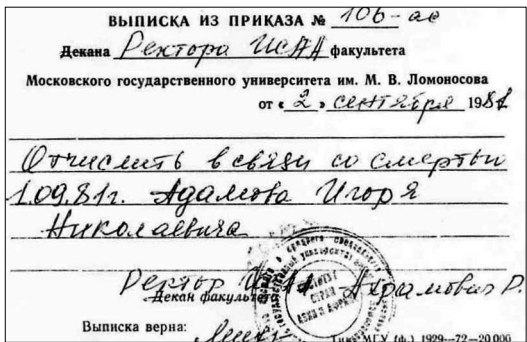
В личном деле Игоря, которое предписано хранить вечно, нет упоминаний о его службе в Афганистане, нет других «афганских» документов кроме этой характеристики.

Зато есть другой документ. Выписка из приказа № 106-ас от 2 сентября 1981 года, подписанная Ректором ИСАА при МГУ. Она очень короткая.

«Отчислить в связи со смертью с 1.09.81 г. Адамова Игоря Николаевича».

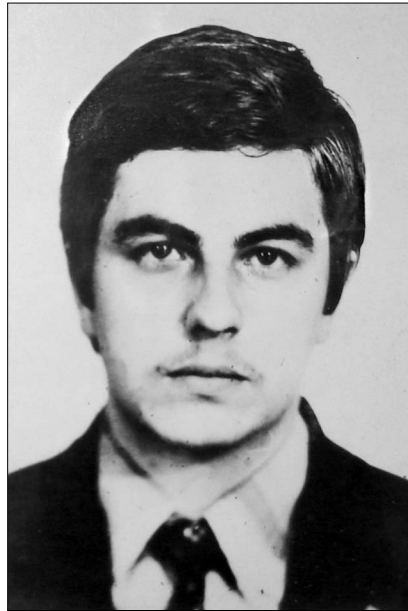
Подпись, печать.

На памятном стенде, остатки которого сохранились с советского времени на военной кафедре МГУ, висит копия наградного приказа Президиума Верховного Совета СССР, согласно которому Игорь Адамов, военнослужащий, посмертно награжден орденом Красной Звезды.

Анкеты и другие документы, которые когда-то заполнял Игорь, написаны почти детским, мелким «школьным» почерком.

МЫ ПОМНИМ ТЕБЯ. ИГОРЬ

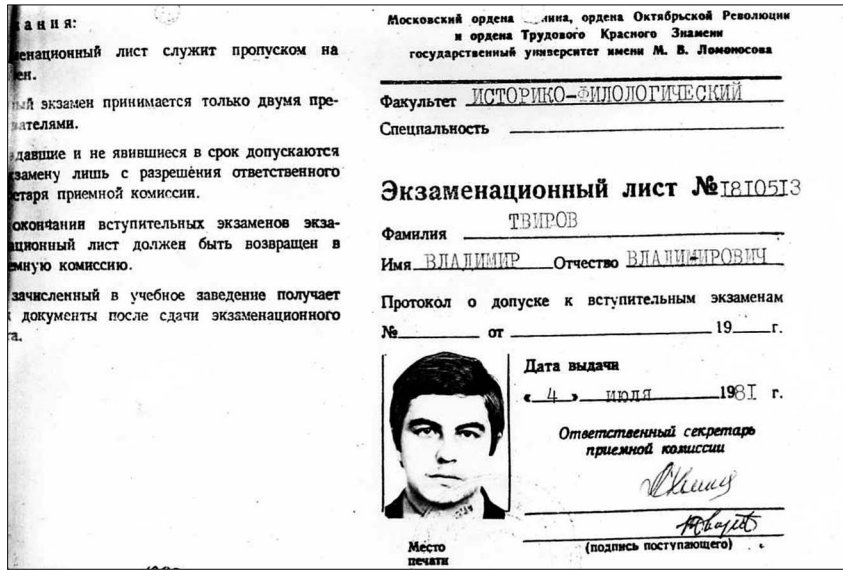
Твилов Владимир Владимирович, русский. Родился 30 сентября 1963 года в городе Москве. Член ВЛКСМ с сентября 1978 года, комсомольский билет № 248940426. Окончил среднюю школу № 406 в 1981 году.

Отец — Твилов Владимир Ильич, помощник первого заместителя министра Министерства черной металлургии.

Мать — Твилова (Гриднева) Таисия Михайловна — инженер, ответственный работник Центрального Телеграфа.

Сестра — Твилова Ольга Владимировна — инвалид 2-й группы.

В 1981 году Володя поступил в Институт стран Азии и Африки на историко-филологический факультет. Обучался по специальности История стран Ближнего и Среднего Востока.

ИСАА на Афганской войне 1979–1992 г.г.

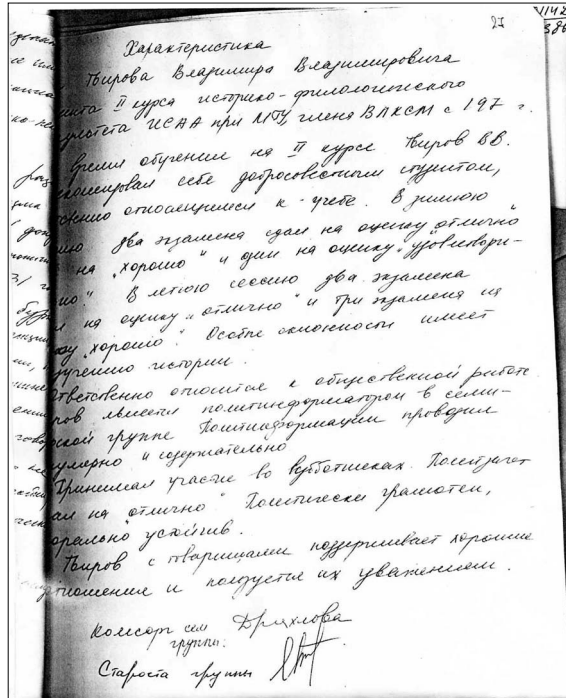
Володя был талантливым во всех отношениях — он хорошо учился, его любимым предметом была история, которой он уделял очень много времени. На курсе он был лучшим историком-страноведом. Документы в его личном деле повествуют, что он являлся политинформатором в семинарской группе, активно участвовал в субботах, на «отлично» сдал политзачет.

Ребята его любили за доброту, отзывчивость, стремление всегда выручить товарища в трудную минуту, веселый нрав. Он не умел ссориться.

15 сентября 1985 года в числе других студентов ИСАА он был командирован в Афганистан в качестве военного переводчика. Володя работал в Кабуле, но однажды случилось так, что кому-то обязательно надо было заменить тяжело заболевшего товарища, которого привезли в афганскую столицу из провинции. И Володя согласился его заменить, поехав работать в Герат.

1 марта 1986 года после выполнения задания Владимир со своим советником выехали утром в направлении гератского аэродрома. По дороге в аэропорт они были убиты автоматной очередью, выпущенной душманами из засады.

Мне довелось побывать на месте гибели Володи. Спустя месяц после его

смерти, еще не зная о его трагической кончине, я находился в Герате в служебной командировке. Когда мы ехали на броне от аэродрома в город, один из офицеров 101-го мотострелкового полка спросил меня: «А ты не знаешь переводчика, студента МГУ Володю? Месяц назад он погиб вот на этом самом месте». Тогда я не вспомнил его, так как не предполагал, что это именно Твилов. Воспоминания того дня плотно ассоциируются лишь с виллой ДОМА (молодежная организация Афганистана), на территории которой стояла подбитая советская БМП, в которой почти в одно и то же время что и Володя погиб комсорт 101-го мсп. Афганцы притащили туда эту БМП с дыркой от гранатомета под основанием башни, чтобы сделать из нее памятник.

Место, где погиб Володя, считалось малоопасным. Хотя, в Афганистане все было относительно. Тысячу раз по этой дороге ездили наши советники и армейцы и тысячу раз проезжали благополучно. Володе уже пришлось время возвращаться «домой», в Кабул. Но этот город не отпустил его. Герат, столица древней Персии, историю которой Володя очень любил. Город величественных мечетей, памятников истории и усыпальниц великих поэтов и мыслителей Среднего Востока, где похоронены Алишер Навои, великий суфий Ансари, родственники Тамерлана.

Володина душа поднялась на небо в любимом им городе, о котором он так много знал.

Вне рубрик

6 марта 1986 года
ПЕРОВСКИЙ
Районный военный
Комиссариат
Г. Москвы

Директору Института стран Азии
и Африки при МГУ
ПРОФЕССОРУ
Ахрамовичу Р.Т.
Город Москва, проспект Маркса,
д.18

...Перовский районный военный комиссариат г. Москвы с прискорбием сообщает, что студент Вашего института ТВИРОВ Владимир Владимирович погиб выполняя интернациональный долг 1 марта 1986 года при исполнении служебных обязанностей в Демократической Республике Афганистан.

№ 301-24-59
14.05.86

ПЕРОВСКИЙ
РАЙОННЫЙ ВОЕННЫЙ
КОМИССАРИАТ
г. Москва

Директору Института стран Азии и
Африки при МГУ
ПРОФЕССОРУ АХРАМОВИЧУ Р.Т.
г. Москва, проспект Маркса, д.18

Перовский районный военный комиссариат г. Москвы с прискорбием сообщает, что студент Вашего института ТВИРОВ Владимир Владимирович погиб выполняя интернациональный долг 1 марта 1986 года при исполнении служебных обязанностей в Демократической Республике Афганистан.

Командование и партийная организация просит Вас оказать моральную поддержку и помощь родным тов. ТВИРОВА В.В. и принять участие в его похоронах.

Место и время захоронения Вам будет сообщено дополнительно.

Номера служебных телефонов районного комитета для связи:
- Перовский районный комитет КПСС Роман Николаевич 301-24-59
- Начальник 4-го отделения майор КУТЯКОВ Александр Андреевич 301-13-98
- Докладчик по районному комитету 301-15-02

Домашний адрес и телефон родителей: 3-Владимирская ул., д.29, кв.53, тел. 301-37-02

ПЕРОВСКИЙ РАЙОННЫЙ КОМИССАРИАТ
ПОЛКОВНИК [подпись]

В отделе дела
Тви́рова В.В.
[подпись]

ВЫПИСКА ИЗ ПРИКАЗА
по Московскому государственному университету имени Н.В. Ломоносова
г. Москва № 877 ап от 23 апреля 1986 г.

Отчислить из числа студентов 5 курса историко-филологического факультета Института стран Азии и Африки при МГУ Тви́рова Владимира Владимировича в связи со смертью.

ПРОРЕКТОР
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
Выписка верна: [подпись]

Командование и партийная организация просит Вас оказать моральную поддержку и помощь родным тов. Тви́рова В.В. и принять участие в его похоронах.

Место и время захоронения Вам будут сообщены дополнительно...

Наверное, так написали, чтобы ректор не забыл о Володе, как он забыл об Игоре.

Далее следует адрес и телефон родителей: 3-Владимирская ул., д.29, кв.53, тел. 301-37-02

В личных архивных делах студентов и выпускников ИСАА, погибших в Афганистане, на последней странице приклеены конверты, в которых хранятся их зачетные книжки и некоторые личные документы. У Володи в конверте среди прочих бумаг хранятся его листочки-справки из районной поликлиники о временной нетрудоспособности по причине ОРЗ. Мы все когда-то были студентами, и знаем, что это такое.

Открепив из середины «Дела» последнюю Володину справку, я отсканировал ее, бережно свернул вдвое и положил в этот конверт, на самое дно.

Последняя Володина справка, больше их не будет. Это выписка из приказа по Московскому государственному университету им. М.В.Ломоносова № 877 ап от 23 апреля 1986 года.

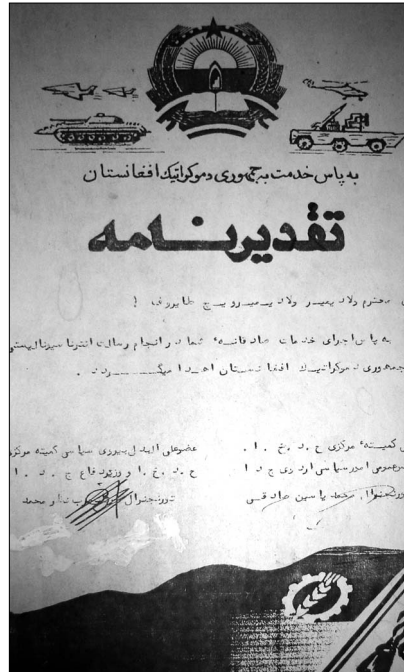
«Отчислить из числа студентов 5 курса историко-филологического факультета Института стран Азии и Африки при МГУ Тви́рова Владимира Владимировича — в связи со смертью».

Проректор Московского университета
Без подписи

Выписка верна: Гончарова

Посмертно Владимир Тви́ров был награжден орденом Красной Звезды, орденом Красного Знамени Афганистана, медалью «От благодарного афганского народа», знаком «Воин-интернационалист».

Похоронен Владимир на Николо-Архангельском кладбище в городе Москве.

Что еще рассказать о Володе? Наверное, то, что у него был аккуратный, почти каллиграфический почерк. И еще то, что он был добрым парнем.

Продолжение следует...